

Н. Д. РАТНЕР ● Очерки
по истории
пангерманизма
в Австрии
в конце XIX в.

Академия наук СССР

Институт славяноведения и балканистики

Н.Д. РАТНЕР ● Очерки
по истории
пангерманизма
в Австрии
в конце XIX в.

Издательство «Наука»

Москва 1970

Книга знакомит читателя с малонзученным в советской литературе идейно-политическим течением в Австро-Венгрии — пангерманизмом, реакционной расистской идеологией, которая своим острием была направлена против славянских народов монархии. Эта идеология в дальнейшем стала одним из существенных элементов идеологии германского фашизма. На большом документальном материале показано зарождение, становление и развитие австрийского пангерманизма, а также его политическая активность во время тяжелого внутривполитического кризиса в монархии в конце XIX в. Привлеченные автором источники, в том числе и из советских архивов, свидетельствуют, что пангерманцы уже тогда призывали к распаду монархии и к аншлюсу.

Книга несомненно представляет большой интерес не только для советского, но и для зарубежного читателя.

О Т В Е Т С Т В Е Н Н Ы Й Р Е Д А К Т О Р

доктор исторических наук

В. Д. К О Р О Л Ю К

Введение

Задачей настоящих очерков является исследование малоизученного в советской историографии реакционного идейно-политического течения — австрийского пангерманизма, зародившегося в многонациональной Габсбургской монархии во второй половине XIX в.

Изучение немецкого национализма, крайним выражением которого был пангерманизм, имеет огромное значение, но в этой большой многоплановой теме есть своеобразный и для нас очень интересный фрагмент — это проблема австро-немецкого национализма в его специфической форме — австрийского пангерманизма.

Это идейно-политическое течение по своим последствиям было значительнее, чем та роль, которую оно играло во время своего становления и оформления. Ведь пангерманизм стал затем одним из характернейших явлений эпохи империализма, которой он был присущ, ибо «политически империализм есть вообще стремление к насилию и к реакции»¹. В определенной степени австрийский пангерманизм исторически предвосхитил пангерманизм Германии и стал впоследствии одним из источников складывающегося гитлеризма. И это делает актуальным изучение австрийского пангерманизма, особенно его отношения к славянским народам Австрии.

Австрийский пангерманизм заслуживает внимания и рассмотрения в двух аспектах — внутривнутриполитическом² и внешнеполитическом.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 388.

² В настоящих очерках мы рассматриваем события только в Цислейтании (так называлась австрийская часть двуединой монархии в отличие от венгерской части — Транслейтании).

Предметом исследования в данной работе является то специфическое течение пангерманизма в Австрии последней трети XIX в., которое в исторической литературе носит название шёнерианства.

Австрийские пангерманцы — шёнерианцы — были относительно немногочисленным идейно-политическим течением в Габсбургской монархии. Их влияние на политическую жизнь страны было невелико и кратковременно. Наибольшую активность они проявили во время внутриполитического кризиса конца века, когда на мутной волне шовинизма выплыли на арену политической жизни Георг Шёнерер и его сторонники. В начале XX в. пангерманцы шёнерианского толка постепенно утрачивают свое влияние, вытесняемые другими пангерманскими и немецко-националистическими течениями в тогдашней Австрии.

Но зерна, заложенные в политической, а главным образом в идеологической пропаганде лидера австрийских пангерманцев Георга Шёнерера, пустили глубокие корни и оказали свое влияние на последующее развитие не только Австро-Венгрии, но и Австрийской республики³.

Основное внимание мы уделим не столько изложению перипетий германо-славянских (в основном немецко-чешских) столкновений в последние годы XIX в., сколько анализу антиславянской направленности пангерманизма, его усилению в связи с ростом национальных движений славянских народов Австрии. Ведь не случайно одним из основных положений в корне агрессивной пангерманской пропаганды являлся тезис об «оборонительном характере» пангерманизма, явившимся будто бы лишь ответом на «наступление славян». Вот именно в связи с этим задачей настоящих очерков является разоблачение лживости, антинаучности и антиисторичности этого тезиса, в той или иной форме вновь и вновь возрождаемого в буржуазной историографии.

Поэтому мы хотим показать возникновение и развитие австрийского пангерманизма, его специфические черты, обусловленные исторической обстановкой в Австро-

³ На это указывает австрийский коммунист публицист А. Фукс. См.: A. Fuchs. Geistige Strömungen in Österreich. 1867—1918. Wien, 1949, S. 169.

Венгрии в то время. Вместе с тем нас интересует, мы бы сказали, внешнеполитический резонанс пропаганды австрийских пангерманцев.

Уже тогда, в конце века, своей безудержной расистской, прежде всего антиславянской и антисемитской пропагандой и требованием аншлюса, т. е. объединения Австрии с Германией, австрийские пангерманцы обратили на себя внимание Европы, выдвинув вопрос о распаде многонациональной монархии. Пангерманцы — шёнерианцы тогда публично демонстрировали свои антигабсбургские, прогогенцоллерновские симпатии, громко кричали о слабости Габсбургской монархии, обреченной на распад. Они объявили аншлюс спасением для австрийских немцев, которым в противном случае якобы грозит славянизация. В настоящих очерках мы попытаемся показать, как реагировали Россия, Франция, Англия и, конечно, Германия на внутрисполитический кризис в Австрии в конце века. Именно во время кризиса достигла своего апогея политическая активность пангерманцев; во многом обострив тогда внутрисполитическую ситуацию в стране, они привлекли к себе внимание Европы.

Изучение австрийского пангерманизма представляет для нас, советских историков, интерес еще и потому, что в настоящее время, как, впрочем, и в прошлом, некоторые западные историки пытаются представить задним числом Габсбургскую монархию как некую позитивную модель многонационального государства⁴. Выдвигается тезис, что Австро-Венгрия не распалась в 1918 г., если бы в свое время были произведены некоторые реформы в сторону расширения автономии земель, входивших в состав монархии, естественно, при оставлении руководящей роли австро-немецких и венгерских господствующих классов^{4а}.

⁴ В. М. Турок. Австро-Венгрия — модель интеграции Европы. — «Вопросы истории», 1965, № 1 стр. 55—56; W. D. Koroluk, W. M. Turok. Czy Austro-Węgry były modelem zintegrowanego państwa w Europie? — Przegląd zachodni, 1964 N 5—6.

^{4а} Такова точка зрения не только одного из старейших австрийских историков, главы реакционного направления современной австрийской историографии, Г. Ганча, который в своих трудах стремится доказать читателю желательность сохранения монархии Габсбургов (см.: H. Hantsch. Die Geschichte Österreichs. Bd. 1—2, 2. Auflage. Graz — Wien — Köln, 1947—1953; idem. Die Nationalitätenfrage im alten Österreich. Das Problem der konstruktiven

Анализ внутривполитического кризиса конца века, связанного с указами о языках⁵, показывает несостоятельность этих концепций. Рост социально-экономических и особенно национальных противоречий в Габсбургской монархии уже тогда заставлял задуматься о дальнейшей судьбе этого многонационального государства.

Вопрос о судьбе Австро-Венгрии очень сложен, но ясно одно: для «сохранения» австро-венгерского государства нужны были коренные демократические, даже революционные преобразования, принципиально несовместимые со старой Габсбургской монархией⁶ и в корне отличные от тех реформ «в сторону расширения областного управления», о которых говорят упомянутые выше историки.

Австрийский пангерманизм, общая антиславянская направленность которого несомненна и не только не скрывалась, но всегда громогласно афишировалась са-

Reichsgestaltung. Wien. 1953). По существу тех же взглядов придерживаются и более молодые представители буржуазной историографии, например австрийские историки Б. Зуттер (B. Sutter. *Badenische Sprachenverordnungen von 1897, ihre Genesis und ihre Auswirkungen vornehmlich auf die innerösterreichischen Alpenländer*, Bd. 1—2. Graz — Köln, 1960—1965), Э. Цёлльнер (см. E. Zöllner. *Geschichte Österreichs*. München, 1961), западногерманский историк А. Крук (A. Kruk. *Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890—1939*. Wiesbaden, 1954) и др.

⁵ В 1897 г. распоряжением правительства Бадени чешский язык был введен во внутреннее дело- и судопроизводство Чехии и Моравии наравне с немецким.

⁶ Подобного взгляда придерживается и ряд буржуазных историков на Западе, например Р. Кэн (R. A. Can. *Das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie*, Bd. 1—2. Graz — Köln, 1964). В последнее время различным проблемам истории Австро-Венгрии (1867—1918) посвящают много внимания историки стран социалистического лагеря. На конференциях, симпозиумах и заседаниях, в ряде статей неоднократно поднимались вопросы, связанные с распадом этого многонационального государственного организма. Материалы конференции в Будапеште, состоявшейся в мае 1964 г., были опубликованы в сборниках: «Die Agrarfrage in der Österreichisch-Ungarischen Monarchie. 1900—1918». Bukarest, 1965, «Österreich-Ungarn in der Weltpolitik 1900 bis 1918». Berlin, 1965; «Die Frage des Finanzkapitals in der Österreichisch-Ungarischen Monarchie. 1900—1918». Bukarest, 1965. На Международной конференции в Братиславе, посвященной столетию дуализма, в августе 1967 г. проблема распада Австро-Венгрии была одним из основных вопросов. Материалы этой конференции частично опубликованы в журнале «Historický časopis», 1968, N 1.

мими пангерманцами, в рассматриваемое нами время был своим острием направлен в основном против чехов и южных славян Габсбургской монархии (в первую очередь речь идет о словенцах).

В настоящих очерках мы поэтому основное внимание уделяем борьбе австрийских пангерманцев с чехами и чешским национальным движением. Ведь именно обострение чешско-немецких противоречий в связи с изданием Бадени указов о языках дало толчок к внутривнутриполитическому кризису конца века, очень активизировавшего австрийских и имперских пангерманцев и продемонстрировавшего перед Европой внутреннюю слабость Габсбургской монархии.

Не случайно часто указывается в литературе, что именно с конца века «чешский вопрос» из внутреннеавстрийского начинает становиться общеевропейским вопросом.

Акцентируя внимание на отношениях пангерманцев к чехам, мы, конечно, совершенно не хотим умалить значимость и важность изучения отношения их к южным славянам монархии и полагаем, что эти вопросы заслуживают самостоятельного исследования.

В настоящих очерках мы исследуем только политико-идеологический аспект античешской деятельности австрийских пангерманцев, оставляя в стороне экономические отношения, которые несомненно играли очень большую роль в немецко-чешском антагонизме.

Источники, которые были использованы при написании данной работы, разнообразны. Это материалы Архива внешней политики России, относящиеся к внутренней истории Австро-Венгрии, которые до сих пор именно в этом плане не были объектом изучения историков. Донесения русских дипломатов из Вены, Будапешта, Львова, Черновиц, Сараева и Триеста несомненно представляют интерес для изучения внутривнутриполитических событий в Австрии в конце XIX в.

В основном интересующие нас документы содержатся в фондах «Канцелярия», «Посольство Вена» и «Политархив». Это в первую очередь донесения и телеграммы русского посла в Австро-Венгрии министру иностранных дел в Петербург, донесения подробные, в которых, однако, превалируют внешнеполитические сюжеты (в основном балканские); внутривнутриполитическим событиям посол

уделял значительно меньше внимания. Донесения посла, касающиеся внутривосточной жизни в Габсбургской монархии, односторонни: это главным образом сообщения о деятельности австрийского парламента — рейхсрата, о встречах с руководящими политическими деятелями Австро-Венгрии и с дипломатами других стран. Большое внимание посол уделяет австро-венгерским отношениям. Но о жизни не только отдельных земель монархии, но и Вены посол сообщает относительно мало. Так о бурных событиях в чешских землях он пишет довольно скупо. Источниками его информации помимо личных впечатлений и бесед являются только две газеты: официозная «Fremdenblatt» и очень популярная газета «Neue Freie Presse» — орган либералов Австрии. В фонде «Посольство Вена» (часть политическая, часть неполитическая) сосредоточены донесения консулов, вырезки из газет, черновики записок, подготовляемых сотрудниками посольства для Петербурга, и т. п. В донесениях консулов вопросам внутренней жизни посвящается больше внимания, но для нас дело осложняется тем, что тогда в Праге русского консульства еще не было. Просмотрены также донесения русских дипломатов из Берлина, Парижа, Рима и Лондона. Фонд «Политархива» дает небольшой, но интересный материал, касающийся внешнеполитического положения Австро-Венгрии в свете внутривосточного кризиса в конце века (это в основном переписка министра с послами). В других фондах архива МИДа материал по интересующим нас вопросам попадает редко.

Публикации дипломатических документов Германии, Франции и Англии⁷ содержат интересный материал для характеристики отношений этих держав к внутривосточному кризису в Габсбургской монархии в конце века, к австрийским пангерманцам и национальному движению австрийских славян. Тенденциозность и субъективность подборки материала в этих изданиях не вызывает сомнений. Степень этой тенденциозности в известной мере зависит от степени заинтересованности соответствующей державы в рассматриваемых сюжетах.

⁷ «Die Grosse Politik der europäischen Kabinette. 1871—1914». Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes, Bd. 13, Kap. 87. Berlin, 1924; «Documents diplomatiques français (1871—1900)». T. 13—16, Paris, 1953—1959; «British Documents on the Origins of the War. 1898—1914». Vol. 1. London, 1927.

Весьма важным источником является пресса. Нами просмотрены газеты, отражающие различные направления в помещичье-буржуазном лагере царской России («Голос», «Московские ведомости», «Новое время» и др.). Эти газеты дали много интересного материала для освещения вопросов становления австрийского пангерманизма в конце 70-х — начале 80-х годов XIX в. Однако особенно важным для понимания деятельности австрийских пангерманцев является их собственная пресса (в первую очередь орган австрийских пангерманцев «Unverfälschte Deutsche Worte» и орган имперских пангерманцев «Alldeutsche Blätter»), откровенно расистская пропаганда которой с предельной ясностью вскрыла истинные цели пангерманцев в отношении славянских народов Австро-Венгрии. Интересные материалы содержатся в чешской печати того времени, которая нами, к сожалению, не могла быть полностью использована (просмотрены издания «Čas», «Naše doba», фрагментарно — газета младочехов⁸ «Národní listy»).

Много дали для анализа пангерманского движения в Австрии документы, исходившие из этого лагеря. Это программы, резолюции собраний, выступления отдельных лидеров и т. п. Здесь в первую очередь следует отметить выступления и речи лидера австрийских пангерманцев Г. Шёнерера. Несомненный интерес представляют письма и воспоминания современников — дипломатов, общественно-политических деятелей и т. п. Некоторые из названных выше источников характеризуются нами более детально при рассмотрении отдельных проблем исследования.

В самых общих чертах мы охарактеризуем также историографию, выделив лишь основные направления.

Литература о пангерманизме, в первую очередь имперском, велика. И в прошлом и в настоящее время историки и публицисты на Западе уделяли и уделяют внимание этой проблеме: Шерадам и Вейль в начале века, Вертгеймер и другие между двумя войнами. В 1954 г. западногерманский историк А. Крук опубликовал монографию, специально посвященную Пангерманскому союзу. Естественно, что оценка этого крайне реак-

⁸ В конце века — ведущая партия чешской буржуазии.

ционного течения менялась в зависимости от политических взглядов авторов и от конъюнктуры⁹.

Историки стран социалистического лагеря также не прошли мимо этого явления (Кучинский, Коржалка, Токоди и др.)¹⁰.

В советской исторической литературе проблемы пангерманизма рассматриваются в отдельных разделах книг Ф. А. Ротштейна и А. С. Ерусалимского¹¹.

Следует подчеркнуть, что австрийскому пангерманизму не было посвящено отдельных монографий. Исключения представляют книги французов А. Шерадама «Европа и австрийский вопрос на рубеже XIX в.», о которой речь еще будет идти в дальнейшем, и Ж. Вейля, вышедшая в 1904 г. и не представляющая особого интереса.

Однако большой материал мы находим в работах, посвященных различным идейно-политическим течениям, в частности немецко-националистическим течениям и партиям в старой Австро-Венгрии.

В этом смысле представляет интерес упомянутая выше книга австрийского коммуниста публициста А. Фукса, в которой он показал развитие австрийского пангерманизма, его истоки и идейно-политические позиции, уже тогда, в конце XIX в., по мнению автора, намечавшие путь фашизму.

С позиций ярко выраженного немецкого шовинизма написаны две другие работы, в которых австрийским

⁹ A. Chéradame. L'Europe et la question d'Autriche au seuil du XX siècle. Paris, 1900; G. Weil. Le pangermanisme en Autriche. Paris, 1904; A. Chéradame. Le plan pangermaniste démasqué. Paris, 1916; O. Bonhard. Geschichte des Alldeutschen Verbandes. Leipzig — Berlin, 1920; M. S. Wertheimer. The Pan German League. 1890—1914. New York, 1924; L. Werner. Der Alldeutsche Verband. Berlin, 1935; A. Kruck. Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890—1939. Wiesbaden, 1954.

¹⁰ J. Kuczynski. Studien zur Geschichte des deutschen Imperialismus, Bd. 2. Propagandaorganisationen des Monopolkapitals. Berlin, 1950; J. Kořalka. Všeněmecký svaz a česká otázka koncem XIX století. Praha, 1963; G. Tokodi. Die Pläne des Alldeutschen Verbandes zum Umgestaltung Österreich-Ungarns.— «Acta Historica», Budapest, 1963, № 1—2; Krause. Die Alldeutsche Geschichtsschreibung vor dem I. Weltkrieg.— «Studien über die deutsche Geschichtswissenschaft», Bd. 2. Berlin, 1965, S. 190—226.

¹¹ Ф. А. Ротштейн. Из истории прусско-германской империи. М. 1948; А. С. Ерусалимский. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. Изд. 2, М., 1951.

пангерманцам — шенерианцам уделяется значительное внимание.

Это, во-первых, книга австрийского историка Пауля Молиша¹², в которой отводится много места австрийским пангерманцам, и в частности Шёнереру. Автор порой критикует шёнерианцев с позиций «австрийского» националиста за их резкость и непримиримость в отношении Габсбургов, за их слишком прогерманские, прогогенцоллернские симпатии. Вместе с тем он в полной мере воздает должное «заслугам» австрийских пангерманцев в развитии и укреплении «немецко-национального мышления» в Австрии.

Нацист Метниц в работе «Die deutsche Nationalbewegung» (Berlin, 1939) также много пишет об австрийских пангерманцах и Шёнерере, всячески восхваляя деятельность последнего. Мы здесь не касаемся общих работ по истории Австрии, в которых имеются большие или меньшие упоминания об австрийских пангерманцах (работы Ганча, Цёлльнера и др.).

Хотя темой нашего исследования является австрийский пангерманизм, тем не менее нам представляется нужным остановиться здесь, хотя бы в общих чертах, на возникновении и развитии пангерманской идеологии вообще, проанализировать ее истоки.

Это важно для понимания идеологии и политики австрийского пангерманизма, его места в системе пангерманизма в целом.

Пангерманизм — это идеологическое и политическое направление наиболее воинственных и реакционных кругов германского империализма. Организационно пангерманизм оформился в конце XIX в., когда в 1891 г. в Берлине был образован Пангерманский союз. Появление этой организации в период перехода капитализма домнополистического в империализм, в период завершения раздела мира между великими державами и начала борьбы за его передел — явление вполне закономерное в

¹² P. Molisch, Geschichte der deutschnationalen Bewegung in Österreich von ihren Anfängen bis zum Zerfall der Monarchie. Jena, 1926.

свете классического ленинского определения сущности империализма¹³.

Характерный для пангерманизма тезис о «превосходстве» германской расы, дающий якобы немцам право захватывать чужие территории, поработать и истреблять другие народы, был взят на вооружение, использован, «развит» и «дополнен» германским фашизмом.

Истоки пангерманской идеологии следует искать в далеком прошлом (средневековый «Дранг нах Остен» тому пример). Однако формирование и становление пангерманизма как идеологии наиболее реакционных кругов немецкой буржуазии и юнкерства относится к XIX в. в основном ко второй половине его.

Историческое развитие Германии в первой половине XIX в. во многом содействовало появлению этой реакционной, человеконенавистнической идеологии.

До 1871 г. Германии как единого национального государства не существовало. Был Германский союз — конгломерат 30 с лишним государств, разных как по своим размерам, так и по социально-экономическим условиям. В его состав входили реакционные помещичье-монархические государства, среди которых первенствующая роль принадлежала габсбургской Австрии и гогенцоллерновской Пруссии, торговые города-государства Гамбург, Бремен и другие, а также мелкие государства Южной и Западной Германии, испытывавшие большое влияние Великой французской революции. Однако этим мелким государствам грозило поглощение более крупными. Так, Рейнская область с 1815 г. стала частью Пруссии.

Германские государства, запоздавшие в капиталистическом развитии по сравнению с Англией и Францией, стояли перед буржуазно-демократической революцией. Необходимость объединения страны диктовалась в первую очередь быстрым развитием экономики, особенно с 40—50-х годов XIX в., что неоднократно подчеркивал Энгельс. «Но для этого могучего подъема промышленности и связанной с ней торговли раздробленность Германии на мелкие государства, с их самыми разнообразными торгово-промышленными законодательствами, должна была скоро превратиться в невыносимые оковы»¹⁴.

¹³ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 386—387.

¹⁴ Ф. Энгельс. Роль насилия в истории.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 423; «Германское единство сделалось экономической необходимостью.» (там же, стр. 425).

Но не только социально-экономическая, но и политическая слабость были характерны тогда для Германии.

Раздробленность, ощущение своей слабости по сравнению с западными и восточными соседями усиливали мечты немецкого бюргера об объединении и превращении разрозненного и поэтому слабого Германского союза в единое сильное немецкое государство.

Немецкое национальное самосознание, сталкиваясь с убогой действительностью, искало идеологического обоснования в прошлом Германии. И тут на сцену выступали такие исторические традиции, как традиции Священной Римской империи германской нации, имперского универсализма и т. п. Традиции эти были взяты на вооружение не только дворянством, но и буржуазией, они проникли в широкие слои немецкого мещанства.

Вместе с тем идеологи немецкого дворянства и буржуазии — философы, историки, писатели — не только начали воспевать прошлое своей страны, но и в настоящем они пытались найти залог будущего величия Германии. Так стала формироваться идея о величии Германии, а поскольку такового в действительности не было, то идея о величии немецкого духа. Этот немецкий дух прославляли Фихте и Гегель, в нем они усматривали высшее начало, якобы свойственное немецкой нации. А отсюда вытекал и тезис о духовном превосходстве немцев над остальными народами. Все эти идеи, в их наиболее шовинистических формах, всевозможными способами насаждались и пропагандировались реакционными политическими и общественными деятелями среди широких слоев немецкого мещанства, усиливая рост немецкого буржуазного национализма. Национализм стал в дальнейшем той питательной средой, на которой пышным цветом возросла пангерманская идеология.

Националистические идеи немецких философов о превосходстве немецкого духа, о превосходстве немцев над остальными народами и т. п. были развиты и конкретизированы историками¹⁵.

¹⁵ Подробно об этом писал в своей уже посмертно опубликованной работе академик А. М. Деборин «К характеристике идеологии германского империализма до прихода Гитлера к власти» (в кн.: «Славяно-германские исследования». М., 1963); см. также: G. Schilfert. Leopold von Ranke.— «Studien über die deutsche Geschichtswissenschaft», Bd. 1. Berlin, 1963, S. 241—270.

Ранке и его последователи создали специальную теорию об особом географическом положении Германии, обосновывающем закономерность немецкого абсолютистского государства, содержание больших армий, проведение агрессивной политики, претензий на гегемонию сначала на европейском континенте, а далее во всем мире.

Национализм немецкого бюргера в первой половине XIX в., конечно, имевший уже и тогда экспансионистские тенденции, был еще направлен главным образом на объединение раздробленной Германии и в этом смысле содержал известные исторически ограниченные элементы прогрессивности. Но уже и в этот период немецкий национализм явственно обнаруживал присущие ему элементы агрессивности.

Всенемецкий Франкфуртский парламент, созданный в 1848 г., проводил реакционную политику в отношении национальных движений ненемецких национальностей; даже лидеры буржуазно-демократического направления стремились во что бы то ни стало удержать в составе будущей Германии земли, населенные славянами (например, чешские земли). Свою агрессивность немецкие националисты объясняли «необходимостью обороны» против надвигающейся славянской «опасности» (так называли они рост национального движения славян), угрожающей, мол, целостности Габсбургской монархии и немцам вообще.

Уже в середине XIX в. появляются первые проекты организации Таможенного союза, объединяющего государства Центральной Европы под главенством Германии, являющегося прообразом империалистической «Срединной Европы» (К. Брук, Ф. Лист, К. Франц и др.).

Революционный путь объединения Германии — сменение всех немецких монархий и образование единой демократической республики, — за который боролись революционно-демократические и пролетарские силы с Марксом и Энгельсом во главе, не смог победить в революции 1848—1849 гг.

Объединение Германии произошло не снизу, а сверху, путем подчинения остальных немецких государств более сильному¹⁶. Давнишняя борьба Австрии и Пруссии за

¹⁶ Большое внимание вопросу объединения Германии уделял Ф. Энгельс. Указывая на факторы, способствовавшие объединению, ана

гегемонию в Германском союзе становилась борьбой за то, кто возглавит это объединение. В борьбе этих двух путей объединения сверху — под австрийским главенством или во главе с Пруссией, исключавшего Австрию из Германии, победа оказалась на стороне бисмарковской Пруссии. Прусское государство, классовую основу которого составляли прусские юнкеры, заключившие союз с крупной буржуазией, оказалось сильнее раздираемой национальными противоречиями Габсбургской монархии¹⁷.

Три победоносные войны (1864 г. — с Данией, 1866 г. — с Австрией и 1870—1871 гг. — с Францией) завершили образование Германской империи с милитаристской Пруссией во главе. Австрийская империя оказалась исключенной из Германского союза.

Два основных фактора сыграли важную роль в формировании пангерманизма: 1) объединение Германской империи «железом и кровью» по прусскому образцу; 2) рост национально-освободительного движения среди ненемецких народов Габсбургской монархии и в польских областях Пруссии. Эти два фактора наложили отпечаток на развитие пангерманской идеологии, сущность которой сводилась к следующему: с помощью силы, объединив Германию и создав свое «великое немецкое» государство, подавить освободительное движение угнетенных народов, прежде всего славянских, утвердить гегемонию объединенного немецкого государства в центре Европы, увеличивать его территорию, присоединяя уже другие ненемецкие области.

лизируя два пути объединения — революционный и реакционный, Энгельс на основании разбора конкретно-исторического развития того времени показывает, как и почему объединение Германии произошло сверху, насильственным путем (Ф. Энгельс. Роль насилия в истории. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 421—479).

¹⁷ Н. Schwab. Von Düppel bis Königgrätz. Die politische Haltung der deutschen Bourgeoisie zur nationalen Frage 1864—1866. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1966, Н. 4, S. 588—610. Шваб пишет, что быстрый переход немецкой буржуазии в середине 60-х годов к поддержке Бисмарка подготовил союз контрреволюционного юнкерства и контрреволюционной либеральной буржуазии, который предопределил дальнейшую судьбу немецкой нации (ibid., S. 603); Н. Schleier. Die kleindeutsche Schule. — «Studien über die deutsche Geschichtswissenschaft». Bd. 1. Berlin, 1963, S. 278.

Пангерманизм был сразу взят на вооружение мощным государством — Германской империей, рождение которого было ознаменовано не только объединением вокруг Пруссии мелких немецких государств, но и аннексией немецких территорий — датского Шлезвига, французских Эльзаса и Лотарингии.

К концу XIX в. Германия превратилась в одно из сильнейших капиталистических государств, империалистический и милитаристский характер которого был уже тогда очевиден. Германский империализм, в силу неравномерности развития капитализма запоздавший принять участие в разделе мира, начинает энергичную борьбу за его передел¹⁸. Его экспансионистские устремления направляются в страны Центральной и Юго-Восточной Европы, в колонии.

В этих условиях оформляется имперский пангерманизм как идеологическая организация самого крайнего реакционного крыла германских империалистов. В 1891 г. организационно конституируется Пангерманский союз. Пангерманизм становится важным фактором в политической жизни империи¹⁹. В период, когда славянские народы вступили в полосу относительно быстрого экономического и культурного прогресса, он полностью раскрыл свой агрессивный характер как орудие подавления их национального подъема.

В гогенцоллерновской империи, опьяненной военными победами, разбогатевшей благодаря огромной контрибуции, полученной с побежденной Францией, немецкий бюргер увидел начало осуществления своего идеала «Великой Германии». «Прусский опыт» подсказывает ему, что реализация идеи «Великой Германии» должна осуществиться милитаристским путем. Культ военной силы, вера в государственную мудрость «железного канцлера» и его преемников притупляет у «трезвого Михеля» чувство критицизма в отношении агрессивных планов крупных немец-

¹⁸ См. В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. Полное собрание сочинений, т. 27.

¹⁹ В своей интересной книге «Ложный путь одной нации» (М., 1962) видный политический деятель ГДР А. Абуш указывал, что вплоть до конца первой мировой войны Пангерманский союз был важнейшей националистической организацией «не по количеству членов, а по идеологическому воздействию на правительственную политику... Его усилия были направлены на превращение пангерманизма в политическую реальность» (стр. 187).

ких монополий, стремящихся утвердиться в Европе и колониях. Все эти настроения немецкой буржуазии города и деревни хорошо использовали и учли пангерманцы.

Реакционность и агрессивность пангерманской идеологии выступает с полной очевидностью. Программа пангерманцев исходит из безусловного превосходства немцев над остальными народами, в силу чего «великая» германская раса должна подчинить себе другие менее «полноценные» нации.

Имперские пангерманцы стремятся к «мировой политике». Их цели — завоевание не только Центральной и Юго-Восточной Европы, но и колониальных территорий, их расизм не ограничивается антисемитизмом и антиславянством, он шире. Их идеологи «научно» подкрепляют устремления пангерманцев (Ницше, Шопенгауэр, Лагард, Лангбейн и др.). То, что в начале деятельности пангерманцев только намечалось, сейчас конкретизируется, обосновывается. Планы создания «Срединной Европы» продолжают разрабатываться и не только в экономическом аспекте.

Отчетливое выражение концепция «Срединной Европы» получает в книге Науманна, вышедшей в свет во время первой мировой войны²⁰.

Мы уже указывали, что всю агрессивность немецкие националисты объясняли необходимостью «обороны» против надвигающейся славянской «опасности» (так называли они рост национального движения славянских народов). Этот тезис со временем, в связи с ростом пангерманизма и его антиславянской направленности, приобретает все большее значение.

Вопрос этот займет значительное место в последующем рассмотрении пангерманизма в Австрии, но следует кратко остановиться на том, как обстояло дело со славянской «опасностью» до объединения Германии, в момент зарождения пангерманизма.

²⁰ F. Naumann. Mitteleuropa. Berlin, 1915. Проблеме «Срединной Европы» посвящена большая литература. В последние годы этот вопрос снова обратил на себя внимание исследователей. Так, Януш Паевский посвятил этой проблеме специальную работу (J. Pajewski. Mitteleuropa. Studia z dziejów imperializmu niemieckiego w dobie pierwszej wojny światowej. Poznań, 1959); см. также книгу Г. Теодор, изданную в ГДР. (G. Theodor. Friedrich Naumann oder der Prophet des Profits. Berlin, 1957).

В 1848—1849 гг., когда под ударами революции пошатнулся один из оплотов европейской реакции — Габсбургская монархия, когда под влиянием революционных событий в отдельных ее частях встал вопрос о дальнейшем существовании этого многонационального государства, в славянских землях Австрии получила известное распространение политическая концепция австрославизма.

Выдвинутая еще в конце 30-х — начале 40-х годов эта концепция, главными идеологами которой были Франтишек Палацкий и Карел Гавличек Боровский, стала основой чешской либерально-буржуазной политической программы в 1848 г. В ответ на националистические устремления всенемецкого Франкфуртского парламента, на его попытки включить славянские земли Габсбургской монархии, и прежде всего чешские земли, в Германский союз Палацкий — лидер чешских либералов — в «Письме во Франкфурт» и в речах в Конституционном комитете Кромержижского парламента сформулировал свою программу перестройки Габсбургской монархии²¹, получившую название австрославизма. Австрийская монархия по плану Палацкого должна была быть преобразована в своего рода федерацию, в состав которой вошли бы славянские (чешские, польские и южнославянские), собственно немецко-австрийские, венгерские, румынские и итальянские земли габсбургского государства. Эта программа была в общем поддержана почти всеми имущими классами славянских национальностей монархии. Австрославизм отвечал интересам молодой нарождавшейся буржуазии славянских народов Австрии, прежде всего чешской, заинтересованной как в сохранении рынков обширной Габсбургской монархии, так и в крепком полицейско-чиновничьем государственном аппарате монархии. Палацкий считал невозможным самостоятельное государственное существование отдельных малых народов, составлявших Габсбургскую монархию, которым, как он не переставал подчеркивать, грозило бы поглощение более крупными государствами — Германией и царской Россией. В перестроенной на федеративных началах

²¹ F. Palacký. Spisy drobné. D. 1. Spisy a řeči z oboru politiky. Praha, 1898, str. 16—22, 75—90.

Австрии национальное существование этих народов было бы, по мнению Палацкого, гарантировано.

Появление австрославизма было своего рода ответом на распространенные уже тогда пангерманские идеи. Оборонительный характер австрославизма — в момент его возникновения — в отношении пангерманизма не подлежит сомнению. Это отнюдь не означает, что оценка австрославизма однозначна.

Если в смысле национальном концепция австрославизма была до известной степени прогрессивна, так как замена немецкой централистско-бюрократической системы в австрийской многонациональной монархии федерацией была бы шагом вперед, отвечая национальным интересам угнетенных наций, то в социально-политическом отношении эта концепция была в своей основе реакционна, так как включала в себя как неотъемлемый элемент (объективно, независимо от планов того или иного политического деятеля, исходившего из необходимости либеральных реформ и конституционных преобразований) сохранение реакционной Габсбургской монархии²².

Выдвинутый в революционных условиях 1848—1849 гг., когда революционные и демократические силы австрийских немцев, венгров, итальянцев и славян стремились к уничтожению Габсбургской монархии — этого оплота европейской реакции, австрославизм преследовал иную цель: либерал Палацкий по существу шел на соглашение с Габсбургами, содействуя укреплению шатающейся под ударами революции монархии.

Следует заметить, что росту популярности австрославизма среди славян Австрии содействовала националистическая позиция деятелей венгерской революции в отношении невенгерских угнетенных национальностей монархии, в частности хорватов.

Австрославистская программа, выдвинутая в революцию 1848—1849 гг., не случайно с новой силой прозвучала в 60-х годах XIX в. в момент, когда опять заколебались устои Габсбургской монархии. Как внешнеполити-

²² Поэтому нам кажется не совсем правильным мнение некоторых чехословацких историков (И. Кочи, Я. Новотного и др.), недооценивающих, на наш взгляд, эту реакционную сторону австрославизма. См.: J. Novotný. Diskuse kolem hodnocení revoluce 1848.— «Československý časopis historický». Praha, 1967, № 2, str. 207—208.

чешские события (поражение Австрии в войне с Пруссией в 1866 г.), так и внутривластные (рост классовых и особенно национальных противоречий) обострили начавшийся в конце 50-х годов тяжелый кризис Габсбургской монархии. Снова встал вопрос о путях дальнейшего развития многонациональной Австрии.

Временным выходом из внутривластного кризиса стал дуализм, т. е. преобразование в 1867 г. Австрии в Австро-Венгрию, власть в которой разделили господствующие классы австро-немецкой и венгерской национальностей²³.

Еще в преддверии дуализма Франтишек Палацкий, тогда уже глава консервативного крыла чешской буржуазии, окончательно сформулировал развернутую программу федералистического переустройства Австрии на основе «историко-государственных принципов» (в серии статей, опубликованных в 1865 г. в газете «Народ» под общим названием «Идея австрийского государства»)²⁴. По существу это лишь несколько видоизмененная австророславистская программа 1848—1849 гг. Австророславизм просуществовал в основе своей до первой мировой войны, приобретая с изменением исторической обстановки и в зависимости от того, какие общественно-политические силы его поддерживали, различное содержание²⁵.

Здесь же хочется подчеркнуть следующее: именно австророславизм, а не панславизм, как пытаются утверждать пангерманцы, был наиболее распространенной идеологией господствующих классов славянских народов

²³ В связи со 100-летием австро-прусской войны и дуализма появился ряд статей, посвященных этим вопросам. Подробную оценку классового содержания австро-венгерского соглашения 1867 г. мы находим в статье чехословацкого историка И. Полишенского (см.: J. Polišenský. Rakousko, Prusko a Německo 1850—1866.— «Československý časopis historický». 1967, № 2, S. 257—258, 262). Проблеме дуализма была также посвящена упоминавшаяся выше международная конференция в Братиславе в 1967 г.

²⁴ F. Palacký. Op. cit., str. 209—267; см. также: Н. Д. Ратнер. Программа и тактика чешской буржуазии в 1860—1867 гг.— «Ученые записки Института славяноведения», т. XIV. М., 1956; И. Колейка. Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Прага, 1964.

²⁵ Чешский буржуазный историк З. Тоболка писал, что младочехи считали необходимым существование Габсбургской монархии, так как боялись все усиливающегося пангерманизма и в этом их под-

монархии. Панславистская же идеология имела распространение среди крайне немногочисленных группировок славянской буржуазии Австрии.

Таким образом, тезис «бедные немцы в обороне, а славяне наступают» никогда не соответствовал политической реальности, ибо на стороне немецкой буржуазии и дворянства Австрии стоял весь аппарат насилия в монархии Габсбургов. Пангерманцы стремились своей пропагандой посеять страх перед такой возможностью, чтобы сделать менее отталкивающими агрессивные черты своей собственной идеологии. Об этом следует помнить и сейчас, когда именно к этому избитому и отвергнутому приему обращаются современные хранители недоброго наследия пангерманизма.

Но это вместе с тем делает особенно актуальным изучение одной из разновидностей пангерманизма — пангерманизма австрийского, для которого борьба со славянством была вопросом № 1 всей его идеолого-политической пропаганды.

держивали до войны все партии, даже социал-демократическая (Z. Tobolka. Politické dějiny československého národa od r. 1848 až do dnešní doby. D. III. 1936, č. 2. Praha, str. 5); И. Коржалка указывает, что в международной дипломатии вплоть до мировой войны чешский вопрос хотели решить только в рамках Габсбургской монархии (J. Kořalka. Všeněmecký svaz a česká otázka koncem 19. století. Praha, 1964, str. 33). Об этом же пишет О. Бауэр (см.: О. Бауэр. История австрийской революции. М., изд-во «Пролетарий», 1925, стр. 41, 54, 55); большой материал об австрославизме мы находим в коллективном труде «Slovanství v národním životě Čechů a Slovaku». Praha, 1968; «První světová válka». Praha, 1968, str. 44—45.

Становление и развитие австрийского пангерманизма в 70-х — начале 80-х годов XIX в.

Первые националистические организации в Австрии и их программы. Во второй половине 60-х годов в истории Габсбургской монархии произошли два события, которые имели определяющее значение в ее судьбе.

В 1866 г. в результате поражения в войне с Пруссией габсбургская Австрия была выброшена из Германского союза, и вопрос объединения германских государств захватила в свои руки гогенцоллерновская Пруссия.

В. И. Ленин писал: «Австрия не только была долгое время государством с преобладанием немцев, но австрийские немцы претендовали на гегемонию среди немецкой нации вообще. Эта «претенция»... разбита войной 1866 года. Господствующая в Австрии нация, немецкая, оказалась *за пределами* самостоятельного немецкого государства, создавшегося окончательно к 1871 году»¹.

В самой Австрии после военного разгрома 1866 г. национально-освободительное движение ненемецких национальностей, среди которых больше всего угрожали целостности монархии венгры, значительно усилилось. Все это заставило немецких помещиков и немецкую буржуазию Австрии² пойти в 1867 г. на компромисс и, при-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 270.

² Говоря о второй половине XIX в., мы называем, применяя терминологию классиков марксизма, австрийскими немцами то ком-

звав себе в союзники господствующие классы венгерской национальности, создать вместо единой Австрии Австро-Венгрию.

Такова была обстановка, вызвавшая рост националистических настроений среди части австро-немецкого населения монархии, почувствовавших себя ущемленными: Австрию выбросили из Германского союза, Австрию пришлось фактически разделить на две части, на собственно Австрию и Венгрию, и, наконец, в самой Австрии не уменьшилось, а, наоборот, усилилось с 1867 г. национально-освободительное движение других народов, главным образом чехов³.

В среде студенчества начинают раздаваться голоса о том, что положение немцев в Австрии с точки зрения господствующей нации непрочно, венгры, мол укрепились в своей половине монархии, а здесь, в самой Австрии, немцам угрожает «славянизация». Шовинистически настроенная молодежь обвиняет либералов (объединенных в Конституционную партию, представляющую интересы крупной австро-немецкой торгово-промышленной бур-

пактное население самих австрийских земель, которое складывалось в австрийскую нацию. Что касается вопроса о складывании австрийской нации, то он требует самостоятельного исследования, которое далеко выходит за рамки проблематики настоящей работы.

³ Берка, автор книги, посвященной немецким студенческим корпорациям в Австрии, написанной с позиций незамаскированного немецкого шовинизма, указывает, что центральным пунктом противоречий в Австрии были противоречия между чехами и немцами (см.: G. Berka. 100 Jahre deutsche Burschenschaft in Österreich. 1855—1955. Die geistige Leistung ihrer bedeutenden Männer. Graz, 1959, S. 3). Нацист Метниц в своей очень тенденциозной работе подчеркивает, что австро-венгерское соглашение 1867 г. прагматизировало национальную борьбу, так как остальные национальности потребовали для себя тех же прав, что и венгры (G. A. Metnitz. Die deutsche Nationalbewegung. 1871—1933. Berlin, 1939, S. 14). Интересно, что примерно того же мнения держится и Фридрих Фундер, один из видных представителей христианско-социальной партии Австрии. Говоря о последствиях дуализма, он указывает, что хуже всего было то, что после признания венгерского государственного права подняли голову федералисты Чехии (F. Funder. Vom Gestern ins Heute. Aus dem Kaiserreich in die Republik. 2. Auflage. Wien—München, 1953). «...дуализм усилил национализм и тем стал манить структурой многонационального государства...» («Deutschland und Österreich. Empfehlungen der 2. deutsch-österreichischen Historikertagung». Wien, 26. bis 30. Mai 1957. Braunschweig, S. 2—3).

жуазии и обуржуазившегося дворянства) и правительство в забвении интересов австрийских немцев, в проведении «нерешительной» политики, благоприятствующей славянам.

Можно сказать, что с 1848 г. вплоть до распада Австро-Венгрии вопросы преобразования государственного строя Габсбургской монархии занимали умы многих общественно-политических деятелей⁴. Причем эти проекты излагались с двух диаметрально противоположных точек зрения: с федералистской и централистской. За федералистское переустройство, естественно, стояли славяне, а также та небольшая группа австро-немецких помещиков — консерваторов и клерикалов⁵, которая считала нужной для укрепления государства Габсбургов консолидацию господствующих классов всех национальностей монархии. За централизацию были либералы — помещики и буржуазия, которые видели в ней гарантию укрепления своего господствующего положения. Централизаторскую политику они считали лучшим средством для подавления национально-освободительного движения других народов монархии.

Зигзаги в политике австрийского правительства — то централизаторские тенденции (Февральский патент 1861 г.), всецело поддерживаемые австро-немецкими господствующими классами, не желающими ни с кем делить власть, то уклон в федерализм (Октябрьский диплом 1860 г.), что принималось с одобрением имущими классами славянского населения, — не закончились в 1867 г. установлением дуалистической Австро-Венгрии и приня-

⁴ «Внутреннее развитие Австрии в национальном и государственно-правовом отношении после 1848 г., рассматривая его в целом, являясь борьбой за федеративное переустройство против централизма, защищаемого короной, большей частью немецких политических деятелей, а также и чиновничеством» (B. Sutter. Die Badenischen Sprachenverordnungen von 1897, ihre Genesis und ihre Auswirkungen vornehmlich auf die innerösterreichischen Alpenländer, Bd. 1. Graz — Köln, 1960, S. 15—16).

⁵ Клерикалы имели большое влияние в Тироле, Штирии и Верхней Австрии. См.: С. Г. Лозинский. Царствование Франца-Иосифа. Пг., 1916, стр. 128—129. Ганч замечает, что эти группы были сильны в Тироле, где либерально настроенное дворянство и буржуазия были относительно слабы (H. Hantsch. Die Geschichte Österreichs., Bd. 2., 2. Auflage. Graz—Wien—Köln, 1953, S. 407; E. Zöllner. Geschichte Österreichs. München, 1961, S. 417).

тием конституции. После 1867 г. борьба централистского и федералистического направлений продолжается.

И против каких-либо уступок федералистическому курсу всегда дружно выступают либералы. Либералы хотят видеть Австрию немецким, централизованным и сильным государством. Это надо подчеркнуть в противовес некоторым буржуазным историкам, близким к немецким шовинистам, обвиняющим либералов в национальном индифферентизме⁶. В действительности либералы не были склонны идти на уступки славянскому населению Австрии, они крепко охраняли свое господствующее положение в монархии и ни о каком «национальном равнодушии» не могло быть и речи. Это подчеркивает, говоря, правда, о более позднем времени, А. Фукс⁷. И лицемерит австрийский пангерманец, страстный приверженец Шёнерера Э. Пихль (выпустивший под псевдонимом Гервига 6-томную биографию лидера австрийских пангерманцев), когда жалуется, что в то время (60—70-е годы), когда славяне всюду продвигались вперед (в Галиции, мол, в делопроизводстве и школах немецкий язык вытеснен польским, словенцы требуют удаления немецкого языка из народных школ, чехи мечтают о чешско-моравско-силезском королевстве), в это самое время немецкий Михель только то и делал, что защищал конституцию,

⁶ Например, Молиш много пишет о том, что либералы, будучи у власти, недостаточно активно защищали национальные интересы. Для нас в данном случае представляет интерес замечание Молиша: отличие либералов от националистов состояло только в методах борьбы с федерализмом, причем либералы твердо стояли на позиции нерушимости австро-венгерского соглашения 1867 г. Националисты же, главным образом, студенты, требовали изменения существующей конституции, считая, что она не гарантирует австрийским немцам защиты их «прав» (P. Molisch. *Geschichte der deutschnationalen Bewegung in Österreich von ihren Anfängen bis zum Zerfall der Monarchie*. Jena, 1926, S. 62—63, 75, 81, 82—83); по мнению Бахмана, либералы упустили возможность укрепить политическое и языково-правовое превосходство австрийских немцев. У этой «ненациональной» партии отсутствовало понимание национализма. Бахман в противоположность очень распространенной формуле «защиты», к которой любили прибегать все немецкие шовинисты Австрии, от крайних до умеренных, не стесняется называть вещи своими именами (H. Bachmann. *Die deutschen Parteien in Böhmen vor 1914*.— «Der Donauraum», 1963, № 4, S. 217).

⁷ A. Fuchs. *Geistige Strömungen in Österreich 1867—1918*. Wien, 1949, S. 169.

австрийскую государственную идею и целостность государства, о котором другие национальности монархии даже и думать не хотели⁸.

Еще с начала 60-х годов в связи с переходом в Австрии от абсолютизма 50-х годов к конституционным формам правления, оживляются различные кружки и общества среди молодежи, главным образом гимнастические и студенческие, которые, по выражению Паллера, и явились сборным пунктом австрийского немецкого национально-либерального движения⁹. Гимнастические и студенческие общества были связаны с подобными же обществами в других государствах Германского союза. Австрийское правительство нередко преследовало такого рода организации. Фукс указывает, что в некоторых студенческих обществах уже тогда стали проявляться пруссофильские настроения и политика Бисмарка встречала у них сочувствие¹⁰.

До 1866 г., т. е. до австро-прусской войны, вопрос о том, кто возглавит объединение Германии — Австрия или Пруссия, мало трогал широкие слои немецкой общественности Австрии, это считалось делом правительства¹¹. Когда же в 1866 г. в результате поражения в войне этот вопрос был решен не в пользу Австрии и последняя была выброшена из Германского союза, то тогда-то он и стал волновать общественное мнение.

Среди студентов Вены пруссофильские настроения, в какой-то мере распространенные и до 1866 г., после поражения Австрии усилились. Студенты больше всего рассчитывали на возможный распад Австро-Венгрии, благо-

⁸ Herwig (E. Pichl). Georg Schönerer und die Entwicklung des Alldeutschtumes in der Ostmark. Ein Lebensbild, Bd. 1, 2. umgearbeitete Auflage. Wien, 1921, S. 17.

⁹ H. Paller. Der Grossdeutsche Gedanke. Seine Entstehung und Entwicklung bis zur Gegenwart. Leipzig, 1928, S. 85—86. Книга Паллера, увидевшая свет во времена Веймарской республики, проникнута шовинизмом. Паллер все время сетует на национальный индифферентизм немцев Германии, которые, мол, были равнодушны к судьбе своих братьев в Австрии.

¹⁰ A. Fuchs. Op. cit., S. 176; P. Molisch. Op. cit., S. 69—70.

¹¹ Опубликованные тогда программы или воззвания в основном все свое внимание посвящали вопросам конституции, германскому вопросу уделено внимание только в программе немецких автономистов Австрии. См.: H. Paller. Op. cit., S. 81; P. Molisch. Op. cit., S. 65, 69.

даря которому те части Австрии, которые раньше входили в Германский союз, присоединятся к Германии¹².

Следует подчеркнуть, что среди австрийского студенчества, объединенного в многочисленные корпорации, не было единства взглядов ни в вопросах политических, ни в вопросах национальных¹³.

Среди союзов и обществ, образовавшихся в конце 60-х годов, выделялись два, в программах которых требования национального характера были резко акцентированы. Это «Немецкий народный союз» («Deutscher Volksverein») в Вене и «Союз немецких националистов» («Verein der Deutschnationalen») в Граце¹⁴.

Эти два общества были первыми очагами, вокруг которых стали группироваться националистически настроенные студенты Австрии, пропагандируя среди более широкого круга населения, как они говорили, национальные¹⁵, в действительности же, великогерманские шовинистические взгляды.

«Немецкий народный союз» был организован в 1867 г. в Вене; просуществовал он недолго. Во главе его стоял Юлиус Крикль¹⁶, основавший в начале 60-х годов «Первое Венское гимнастическое общество» (Erster Wiener Turnverein).

Ю. Крикль — своеобразная фигура среди шовинистов Австрии того времени. Поклонник Пруссии, Гогенцоллернов и Бисмарка он уже тогда не считал нужным скрывать свои ярко выраженные пангерманские взгляды. Гервиг подчеркивает идейную близость Крикля с лидером пангерманцев. Гервиг пишет, что он был «шене-

¹² P. Molisch. Op. cit., S. 79—80, 90—91; G. A. Metnitz. Op. cit., S. 103; Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 1, S. 9.

¹³ G. Verka. Op. cit., S. 6; Гервиг описывает столкновения студентов, преданных Австрии, со студентами, настроенными пруссофильски (Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 1, S. 11; P. Molisch. Op. cit., S. 74).

¹⁴ E. Zöllner. Geschichte Österreichs. Von Anfängen bis zur Gegenwart. Wien, 1961, S. 417; G. A. Metnitz. Op. cit., S. 103; P. Molisch. Op. cit., S. 73.

¹⁵ P. Molisch. Op. cit., S. 73.

¹⁶ Гервиг указывает, что в «Немецком народном союзе» шла борьба между более умеренными и более шовинистически настроенными его членами, которая окончилась победой крайних элементов, возглавлявшихся Ю. Криклем. См.: Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 1, S. 12.

рианцем до Шёнера»¹⁷. После распада «Немецкого народного союза» в 30-х годах Крикль не играл роли в общественно-политической жизни Вены. Число единомышленников Крикля, очевидно, было очень невелико. Ядро их образовало группку, называвшую себя «Последние семь германцев», а деятельность их в основном ограничивалась встречами раз в неделю в венском кафе «Вальх» для обсуждения вопросов «сохранения» и «укрепления» немецкого элемента в Австрии. Гервиг указывает, что у Крикля и его друзей не было ни денег, ни силы, чтобы образовать свою партию, что они вообще-то входили в либеральную партию¹⁸.

В «Союзе немецких националистов», организованном студенческим обществом «Орион» в 1869 г. в Граце, видную роль играл Эмиль Штрогаль, создатель, по словам Фукса, проавстрийского немецкого национализма¹⁹. Таким образом, если Юлиус Крикль был предшественником пангерманского направления австрийских шовинистов, то Эмиль Штрогаль олицетворял более умеренное проавстрийское течение шовинистов Австрии. Это, очевидно, и является причиной того, что пангерманец Гервиг, восторженно отзывающийся о Крикле, относительно мало и сдержанно говорит о Штрогале²⁰.

В 1870 г. в связи с выборами в ландтаги Крикль от имени «Немецкого народного союза» опубликовал воззвание, в котором была изложена программа этого общества.

В воззвании говорилось о том, что конституция 1867 г. должна быть изменена, так как она не гарантирует господствующего положения немцев в Австрии и допускает возможность примирения национальностей.

В мае 1870 г. «Союз немецких националистов» выпустил свою программу, которая во многом была очень близка воззванию «Немецкого народного союза».

Эти два документа²¹, являющиеся как бы первыми,

¹⁷ Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 1, S. 12, 14—17.

¹⁸ Ibid., S. 10, 14—15.

¹⁹ A. Fuchs. Op. cit., S. 186; P. Molisch. Op. cit., S. 124.

²⁰ Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 1, S. 16—17.

²¹ Полный текст воззвания Крикля опубликован у Гервига (Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 1, S. 12—14). Программу Штрогала он лишь излагает (ibid., Bd. 2, 1873—1889. Wien, 1913, S. 111; G. A. Meitz. Op. cit., S. 103).

обращенными к широкой общественности шовинистическими программами австрийских немцев²², интересны для нас тем, что в них дан набросок будущего переустройства монархии, которое должно обеспечить им численный перевес (пусть очень небольшой) над остальными национальностями. Даже по данным шовинистов немцы составляли в Цислейтании только 36% населения.

Требование, которое потом станет основным пунктом программы всех шовинистических группировок и партий Австрии, от самой крайней пангерманской Шённерера до более умеренных, заключалось в том, чтобы предоставить «особое положение» (*Sonderstellung*) Галиции и Буковине в рамках Цислейтании и передать Далмацию Венгрии.

Составители как воззвания, так и программы совершенно откровенно сообщали своим избирателям, что такое выделение Галиции, Буковины и Далмации необходимо для укрепления и утверждения господствующего положения австрийских немцев в оставшихся частях Австрии, т. е. в тех землях, которые до 1866 г. входили в Германский союз²³. Антиславянскую, вернее античешскую направленность этого требования отметил в своей книге Фукс²⁴. Мы в дальнейшем подробно остановимся на этом требовании, которое стало краеугольным камнем в программах пангерманцев.

²² Молиш, правда, упоминает какую-то еще более раннюю программу немецких националистов Австрии, опубликованную якобы в Вене в начале 1868 г., но, как он сам указывает, программа эта встретила мало внимания у общественности, имена ее составителей тоже как будто неизвестны (P. Molisch. Op. cit., S. 72—73).

²³ Это было очевидно как историкам, так и современникам событий. Так Гуго Ганч, отрицательно относящийся к австрийскому пангерманизму вообще и Георгу Шённереру в частности, подчеркивает, что основное в требовании выделения Галиции, Буковины и Далмации — это уменьшение численного превосходства славян в Австрии и укрепление положения австрийских немцев (H. Han tsch. Op. cit., S. 409); об этом говорил и Пауль Замасса, один из пангерманских «знатоков» Австрии, редактор центрального органа Пангерманского союза «*Alldeutsche Blätter*», когда, выступая на собрании Пангерманского союза, указывал, что еще в конце 60-годов Штрогалль выдвинул требование «особого положения Галиции». — «*Alldeutsche Blätter*», 17.VI 1900, S. 246 (далее — АВ).

²⁴ A. Fuchs. Op. cit., S. 176.

Как в воззвании Крикля, так и в программе Штрогаля поддерживалось объединение Германии, проводимое Пруссией; в воззвании Крикля указывалось на необходимость для Габсбургской монархии вступить в самые тесные союзные отношения с вновь образуемой Германской империей.

В отношении славянских народов монархии оба документа подчеркивали, что национальный вопрос является вопросом не права, а силы. В программе «Союза немецких националистов» прямо указывалось, что не надо идти ни на какие уступки ни чехам, ни словенцам, надо проводить «беспощадную немецкую политику»²⁵.

Обстановка в Австрии к началу общественно-политической деятельности Шёнерера. Немецко-шовинистическое движение конца 60-х годов не играло существенной роли в общественно-политической жизни монархии того времени, но оно в известной степени стало исходной точкой развития в последующие годы австрийского пангерманизма.

В 1873 г. на арену общественно-политической жизни монархии вступает очень своеобразная и колоритная фигура — Георг фон Шёнерер, с именем которого связано возникновение, оформление и развитие этого течения.

Австрийский пангерманизм нельзя отождествлять с пангерманизмом Германской империи. Это, конечно, очень близкие, идейно связанные течения, но каждое из них было обусловлено историческим развитием своей страны²⁶. Нет сомнения, австрийские пангерманцы зависели от своих германских единомышленников, объединенных в такую мощную организацию, как Пангерманский союз.

²⁵ Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 2, S. 111; P. Molisch. Op. cit., S. 78—79.

²⁶ Отношение Пангерманского союза к Австрии рассматривал в своей книге немецкий историк-марксист Юрген Кучинский (J. Kuczynski. Studien zur Geschichte des deutschen Imperialismus, Bd. 2. Propagandaorganisationen des Monopolkapitals. Berlin, 1950, S. 44—58, 90—93). Подробно прослеживает взаимоотношения австрийских и германских пангерманцев западногерманский историк А. Крук в своей «Истории Пангерманского союза» (A. Kruick. Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890—1939. Wiesbaden, 1954, S. 104—117).

Многие австрийские пангерманцы были его членами, лидеры австрийских пангерманцев всегда присутствовали на собраниях и съездах Пангерманского союза и т. п. Но все это относится к более позднему времени. В период, рассматриваемый в настоящей главе (70-е — начало 80-х годов XIX в.), в самой Германии организованного, оформленного пангерманского движения еще не было²⁷.

Австрийский пангерманизм шёнерианского направления зародился и оформился в 70-х — начале 80-х годов. В истории дуалистической монархии большой роли он не играл. Лишь на короткое время, в период острого политического кризиса Габсбургской монархии в конце XIX в., связанного с «указами о языках», усилился политический вес Шёнера и его единомышленников.

Сказанное выше отнюдь не относится к другим шовинистическим течениям австрийских немцев, гораздо более многочисленным, влияние которых на политическую жизнь Габсбургской монархии, безусловно, было значительным (например, христианско-социальное движение, связанное с именем Люегера.) Но все эти, образовавшиеся позднее, шовинистические партии и группы в известной степени вышли из пангерманского движения Георга Шёнера.

В 70-х годах пангерманское движение только зарождалось в недрах либеральной партии, в начале 80-х годов немецкие шовинисты Австрии уже вырабатывают свою программу (Линцская программа 1882 г.). В это время они хотя бы внешне едины. Разногласия среди немецких шовинистов начинаются позднее; со второй половины 80-х годов раскол становится очевидным.

Для нас, советских историков, австрийский пангерманизм, и прежде всего его идеология, представляет интерес в первую очередь потому, что он идейно связан с германским фашизмом²⁸.

²⁷ Говоря о Пангерманском союзе, организация которого относится к началу 90-х годов XIX в., немецкий историк-марксист Э. Вольфграмм пишет: «Еще раньше, т. е. с изданием Ленцской программы в 1882 г., оформилось среди немецко-австрийской буржуазии «пангерманское движение Георга фон Шёнера» (см.: E. Wolffgramm. «Grenzlandkämpfer». Jahrbuch für Geschichte des UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas. Berlin, 1960, S. 15).

²⁸ «Прежде всего он (Гитлер.— *Н. П.*) ученик и последователь Георга Шёнера» (см.: Ф. Ротштейн. Из истории прусско-германской империи. Гитлер и его предшественники. М.—Л., 1948,

Разбирая различные течения немецких шовинистов Австрии, А. Фукс пишет: «Если какой-либо группе в старой Австрии принадлежит титул предшественника NSDAP, то, конечно, только группе Шёнерера. Такого же взгляда придерживался и Адольф Гитлер»²⁹.

Основные отличительные черты австрийских пангерманцев — расизм, антисемитизм, социальную демагогию — мы находим в более «усовершенствованном» виде в германском фашизме.

Это подчеркивали не только профашистские публицисты, прославляющие Шёнерера, но и сами «водители» германских нацистов, например Розенберг³⁰. В фашистской Германии была переиздана 6-томная биография Шёнерера, написанная Гервигом, издан ряд брошюр и книг, посвященных Шёнереру, отмечались памятные даты его биографии.

Рассматривая развитие и становление австрийского пангерманизма в 70-х — начале 80-х годов, анализируя его идеологию и программу, мы основные материалы черпаем из деятельности самого лидера австрийских пангерманцев Георга Шёнерера. Выступления Шёнерера дают нам возможность проследить развитие этого крайне шовинистического движения, вскрыть его классовые корни. Этот предшественник Гитлера, привлекавший уже тогда внимание своих соотечественников, более 30 лет фактически стоял во главе этого движения, как бы оли-

стр. 203; А. А. Галкин. Германский фашизм. М., 1967, стр. 305). «Если хочешь понять предысторию национал-социализма, то надо знать о Шёнерере и его деятельности в староавстрийских альпийских и судетских землях», — пишет нацист Лохнер (см.: R. L o c h n e r. Georg von Schönerer, ein Erzieher zu Grossdeutschland. Bonn, 1942, S. 3); Биндер пишет, что еще до войны 1914 г. Гитлер познакомился с пангерманским движением Шёнерера, которое соединяло националистические идеи с антисемитизмом (G. B i n d e r. Epoche der Entscheidungen. Eine Geschichte des 20. Jahrhunderts. 3. Auflage. Stuttgart, 1960, S. 214); многому в своей молодости Гитлер научился от Люегера и Шёнерера (P. S e t h e. Deutsche Geschichte des 20. Jahrhunderts. 3. Auflage. Frankfurt-am-Main, 1961, S. 333); Гох указывает, что Гитлер охотно посещал собрания Шёнерера (K. H o s c h. Pangermanismus. Praha, 1946, S. 149, 153).

²⁹ A. F u c h s. Op. cit., S. 189.

³⁰ F. S t e i n. Der Rufer des Ostmark. Georg Schönerers Leben und Wirken. Wien, 1941, S. 3.

цетворяя его. Не случайно австрийских пангерманцев называли также шёнерианцами.

Шёнерер родился в 1842 г. в Вене в семье инженера-путейца, разбогатевшего на железнодорожном строительстве и получившего в 1860 г. наследственное дворянство. Следует отметить, что Шёнерер-сын всегда очень кичился своим дворянством. Шёнерер получил хорошее специальное образование: учился в коммерческом училище в Дрездене, потом в сельскохозяйственной школе в Штутгарте. Именно в это время, указывает его биограф Шнее, очень высоко оценивающий Георга Шёнерера, были заложены основы его пангерманизма³¹. Затем он едет в Венгрию, где продолжает свое сельскохозяйственное образование. Пребывание в этой стране, как пишет тот же Шнее, имело следствием личную антипатию его к Венгрии и венграм, «угнетавшим» немецкое население Венгрии.

Во второй половине 60-х годов мы находим Шёнерера в чешских землях, работающим, очевидно, в качестве управляющего в крупных поместьях Чехии и Моравии. Как раз в это время происходит австро-прусская война 1866 г., оказавшая на молодого Шёнерера большое влияние в том смысле, что он ближе познакомился с прусским офицерством, которое стало для него воплощением германизма. С того времени начинается его преклонение перед пруссачеством³².

Получив от отца имение Розенау (округ Цветль в Н. Австрии), Шёнерер в конце 60-х годов поселяется там. Став помещиком, Шёнерер много времени уделяет своему поместью и, по отзывам современников, приводит его в образцовый порядок. Он развивает бурную общественную деятельность: основывает «Сельское и лесное общество» в Цветле, издает на свои средства газету «Landwirtschaftliches Vereinsblatt», организует сельскохозяйственные кружки, библиотеки, добровольные пожарные команды для борьбы с лесными пожарами — бедствием тех мест. Он становится популярным, и в 1873 г. сельский округ Цветль выбирает его депутатом в рейхсрат.

³¹ H. Schnee. Georg Ritter von Schönerer. Ein Kämpfer für Alldeutschland. 3. verbesserte und ergänzte Auflage. Reichenberg, 1943, S. 6.

³² Ibid., S. 7.

Сторонники Шёнера не переставали повторять, что вся деятельность Шёнера, как тогда в Цветле, так и позже, определялась его любовью и сочувствием к нуждам простого немецкого народа, прежде всего крестьянства³³.

Но действительной причиной бурной деятельности, которую развивал в те годы молодой Шёнерер, было именно желание приобрести популярность и стать депутатом, стремление выдвинуться.

70-е годы были периодом относительного затишья в истории немецкого национализма Австрии³⁴. У власти укрепились либералы, сторонники австро-венгерского соглашения и конституции 1867 г. Им удалось в значительной степени погасить вспышку национально-освободительного движения, явившуюся своего рода ответной реакцией на дуалистическое преобразование монархии.

Австрийское правительство уже тогда, умело применяя в отношении славянского населения принцип «разделяй и властвуй», пошло на некоторые уступки польским господствующим классам Галиции, расширив в известной степени автономию последней. Попытка министерства Гогенварта в 1871 г. договориться с представителями чешских помещиков и чешской буржуазии на основе принятия австрийским правительством так называемых «Фундаментальных статей», осуществление которых на практике должно было стать шагом по пути федерализации австрийской части двуединой монархии, потерпела неудачу, так как против правительства дружно выступили австро-немецкие и венгерские господствующие классы, поддержанные Германской империей. Чехи перешли к тактике пассивной оппозиции, т. е. чешские депутаты покинули рейхсрат и земский сейм. Централистическое правительство князя Адольфа Ауэрсперга³⁵ чувствовало себя достаточно прочным.

Впоследствии в адрес либералов не раз раздавались со стороны австрийских шовинистов упреки в том, что они в 70-х годах, будучи у власти, упоенные своими успе-

³³ *Ibidem*; Herwig (E. Pichl). *Op. cit.*, Bd. 1, S. 22—23.

³⁴ P. Molisch. *Op. cit.*, S. 92; того же мнения держится и Фукс (A. Fuchs. *Op. cit.*, S. 176).

³⁵ Либерал князь Ауэрсберг возглавлял австрийское правительство в 1871—1878 гг.

хами, пренебрегли «национальными» интересами, стали «равнодушными» в национальном отношении и, не укрепив законодательным порядком господствующее положение австрийских немцев (в частности, не сделав немецкий язык государственным языком), дали возможность славянам во время правительства графа Тааффе (1879—1893 гг.) перейти в наступление и тем самым развязать ту национальную борьбу в австрийской части монархии, которая в конечном итоге привела государство Габсбургов к гибели³⁶.

Все это, как мы уже указывали, совершенно не соответствует действительности. Либералы всегда твердо стояли на страже своих национальных и классовых интересов; когда появлялась какая-либо угроза их господствующему положению, они всегда становились на защиту своих привилегий.

Вместе с тем образование в 1871 г. Германской империи также способствовало стабилизации дуалистической Австро-Венгрии. Ведь мысли о реванше, от которых австрийское правительство и династия не отказывались в 1867—1870 гг., были теперь отброшены. Австро-Венгрии оставалось волей-неволей согласиться на роль младшего партнера вновь созданной немецкой державы.

Сложность положения либеральной партии определялась в это время не национальными противоречиями, а социально-экономическим положением монархии. Грюндерская горячка, характерная для конца 60-х — начала 70-х годов, в которой в основном главная роль принадлежала крупной австро-немецкой буржуазии, составлявшей ядро либералов, закончилась в 1873 г. сильным экономическим кризисом, который потряс всю экономику страны; он захватил не только промышленность и банки, но и сельское хозяйство. Были разорены десятки тысяч средних и мелких собственников, закрыто множество фабрик и заводов, огромное количество рабочих и ремесленников было выброшено на улицу.

³⁶ Молиш договаривается до того, что «бездействие» либерального правительства Ауэрсперга в этом вопросе объясняет «свободо-мыслием» либералов, которым, дескать, претило принимать меры, направленные против национальных стремлений других народов монархии (P. Molisch. Op. cit., S. 82—83, 93; Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 1, S. 90).

Среди различных слоев населения, независимо от национальности,— мелких промышленников и землевладельцев, ремесленников и рабочих, интеллигенции — поднялась волна недовольства против либералов, которых считали виновниками кризиса ³⁷.

Социальная демагогия Шёнерера. В рейхсрате Шёнерер присоединяется к тому крылу либералов, которое составило там отдельную фракцию — Прогрессивный клуб (Fortschrittsklub). Этот клуб объединял более молодых и «национально настроенных» депутатов, чем остальные члены Конституционной партии ³⁸. Лишь в 1879 г., окончательно разорвав с либералами, Шёнерер вышел из Конституционной партии.

Честолюбивый, совершенно не терпящий возражений и не признающий рядом с собой никаких авторитетов, упрямый до абсурда, этот представительный на вид барин был в общем-то недалеким политиком.

Шёнерер игнорировал действительное положение дел, совершенно не считаясь с существующей обстановкой, он не умел и не считал нужным проявлять гибкость в политике. Постепенно от него отошли наиболее значительные из его сторонников; с начала века его так бурно начавшаяся политическая карьера пошла на убыль, в 1921 г. он умер в сущности забытый, пока не был снова поднят на щит в фашистской Германии.

Но Шёнерер был прекрасным оратором и его демагогические посулы привлекли в нему отчаявшихся буржуа, ремесленников и крестьян, которым он в своих речах сулил счастливое «будущее», если они будут «истинными немцами» и будут слушаться его—Шёнерера.

³⁷ Цёлльнер пишет о «черной пятнице» 9 мая 1873 г., когда разорились многочисленные промышленные и банковские предприятия, в которых участвовало немало видных деятелей либеральной партии (E. Zöllner. Op. cit., S. 419—420); во время кризиса 1873 г. обнаружилась коррупция и спекуляция депутатов-либералов.— «Přehled československých dějin. D. 2. 1848—1918, Sv. 1. 1848—1900», Praha, 1960 (далее — Přehled...), str. 434; H. Hantsch. Op. cit., S. 434.

³⁸ H. Schnee. Die politische Entwicklung des Wiener Bürgermeisters dr. K. Lueger.— «Historisches Jahrbuch». München — Freiburg, 1957, Jg. 76, S. 65; P. Molisch. Op. cit., S. 91; Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 1, S. 28; H. Schnee. Op. cit., S. 9.

Шёнерер, как депутат, всегда был очень активен. «Благодаря выступлениям в парламенте и на собраниях он был очень популярен», — замечает отнюдь не симпатизирующий ему Фукс³⁹.

Будущий лидер австрийских пангерманцев много внимания уделял не только национальным, но и социально-экономическим вопросам. Молиш подчеркивает, что Шёнерер в первое время своего пребывания в рейхсрате выступал в основном по экономическим вопросам, национальные требования прозвучали у него позднее⁴⁰.

Эта сторона его деятельности послужила основанием для создания легенды о Шёнерере как «защитнике» интересов малоимущих слоев населения, посвятившем свою жизнь немецкому трудовому народу Австрии⁴¹. Эта демагогическая линия в политической деятельности Шёнерера составляет важный элемент «наследства», оставленного австрийскими пангерманцами гитлеризму⁴². Характерный штрих для характеристики «демократизма» этого деятеля: Шёнерер совершенно игнорирует трудящихся других национальностей.

Не только сторонники Шёнерера⁴³, но и некоторые авторы, относящиеся к нему критически, если не враждебно, считают, будто для первого десятилетия общественно-политической деятельности Шёнерера характерны демократические черты, и склонны идеализировать истинные причины, побудившие «рыцаря Георга» (так

³⁹ A. Fuchs. Op. cit., S. 179.

⁴⁰ P. Molisch. Op. cit., S. 91, 95.

⁴¹ A. Fuchs. Op. cit., S. 179; надо указать, что сам Шёнерер немало сделал для популяризации подобной версии: во всех своих выступлениях он все время не перестает подчеркивать, что он, Шёнерер, действительно стоит за простой люд, интересы которого он всегда везде и всюду защищает. «Хотя я хорошо материально обеспечен, все же мои дедушка и бабушка были бедняками» (Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 3, S. 86).

⁴² Разоблачая социальную демагогию австро-немецких шовинистов. Фукс указывает, что они не становились ни на йоту менее реакционными от того, что они свои варварские планы драпировали несколькими разумными и справедливыми требованиями (A. Fuchs. Op. cit., S. 175).

⁴³ Паллер указывает, что Шёнерер в своей экономической программе защищал частично «социалистические тенденции» (H. Paller. Op. cit., S. 97; H. Schnee. Op. cit., S. 14; P. Molisch. Op. cit., S. 119; G. A. Metnitz. Op. cit., S. 110).

иронически называли его противники) принять на себя эту роль «демократа»⁴⁴. Можно согласиться с Фуксом, который считает, что ни о каком демократическом периоде в жизни Шёненера не может быть и речи. Шёнонер, подчеркивает Фукс, никогда не был человеком прогресса⁴⁵.

Хорошо понял Шёненера корреспондент либерально-буржуазной петербургской газеты «Голос», который писал: «...Вы должны знать, что этот г. Шёнонер заседает на крайней левой скамье венского рейхсрата и носит название «ультрарадикала». Но весь его демократизм состоит в неимоверной ненависти ко всему славянству, в открытом тяготении к Пруссии и в благоговении перед князем Бисмарком. Этот немецкий или бисмарковский демократ — довольно интересная личность. Если вы с ним говорите, он непременно что-нибудь скажет вам о равенстве, братстве и свободе, но одновременно с этим он не только допускает, но и прямо агитирует в пользу прижимания к стене чешского элемента»⁴⁶.

В рейхсрате Шёнонер, как мы уже говорили, очень активен, вносит различные законопроекты, которые, как правило, всегда отвергаются либеральным большинством⁴⁷. Он является членом многих комиссий рейхсрата, занимающихся экономическими вопросами, его речи обычно были очень пространны и часто прерывались председателем⁴⁸.

⁴⁴ F. Strobl. Victor Adler (Zu seinem 100. Geburtstag).— «Weg und Ziel», Wien, 1952, № 6, S. 411; H. Hantsch. Op. cit., S. 444.

⁴⁵ A. Fuchs. Op. cit., S. 178.

⁴⁶ «Голос», 19(31) марта 1882. Заграничные известия. Вена.

⁴⁷ Предложения Шёненера чаще всего не поддерживались Прогрессивным клубом; тогда Шёнонер перестал считаться с партийной дисциплиной и с 1876 г. вышел из Прогрессивного клуба. Даже Молиш не без ехидства указывает, что лишь позднее, став лидером своей партии, Шёнонер начал очень радеть за дисциплину (P. Molisch. Op. cit., S. 94); о том, что его предложения не встречали поддержки в рейхсрате, неоднократно говорит сам Шёнонер. «Не было депутата, которого бы так обливали грязью, как меня» (Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 3, S. 51, 69).

⁴⁸ В уже цитируемой нами корреспонденции «Голоса» говорится: «Шёнонер сверх того имеет свои специальные Passion. Ему, как видно, чрезвычайно приятно, когда его в рейхсрате призывают к порядку, и поэтому не проходит почти ни одна речь, во время которой президент не был бы вынужден призвать его к порядку».— «Голос», 19(31) марта 1882. Заграничные известия. Вена.

В рейхсрате Шёнерер не находил поддержки среди других депутатов. В его выступлениях часто встречается одно и то же выражение: «я и мои сторонники вне рейхсрата»⁴⁹; этим Шёнерер хотел подчеркнуть, что в рейхсрате он не имеет единомышленников. Когда в 1879 г. он вышел из Конституционной партии, то основал в рейхсрате свою «фракцию» — партию двух человек.

Выступления Шёнерера и выдвигаемые им законопроекты должны «защитить» трудовой народ, в первую очередь крестьян и ремесленников, от их «главного врага» — крупного капитала. Однако под крупным капиталом Шёнерер подразумевает не финансовую и торгово-промышленную буржуазию в целом, а только часть ее, тех крупных промышленников и финансовых магнатов — «биржевых либералов», среди которых было много евреев⁵⁰. В этом смысле главной мишенью для нападок был всемирно известный банкирский дом Ротшильда, имевший большое влияние на все отрасли австро-венгерской экономики⁵¹. Все эти выступления Шёнерера отражают борьбу среди различных групп крупной буржуазии, но отнюдь не борьбу против крупного капитала вообще. Шёнерер всюду подчеркивает, что он считает

⁴⁹ Нег wig (E. Pichl). *Op. cit.*, Bd. 3, S. 41, 84.

⁵⁰ Мы не рассматриваем подробно антисемитизм австрийских пангерманцев — антисемитизм расовый, который роднит Шёнерера с Гитлером. Это требовало бы специального исследования. Антисемитизм стал особенно акцентироваться Шёнерером после 1882 г. В опубликованной в 1882 г. Линцской программе антисемитские лозунги еще отсутствуют, они внесены в нее Шёнерером в 1885 г. дополнительно.

⁵¹ Вся борьба Шёнерера за передачу ряда железных дорог в руки государства, в частности Северной железной дороги, обуславливается именно этим. Одна из наиболее нашумевших его речей в рейхсрате в 1884 г. по поводу продления концессии на Северную железную дорогу направлена не только против Ротшильда, но и могущественной австро-немецкой еврейской финансовой олигархии вообще. Австрийский историк Бенедикт очень верно подметил сущность борьбы, разгоревшейся за передачу Северной железной дороги государству, указывая, что она разожгла национальные страсти, так как это была борьба за прибыли, за хорошо оплачиваемые должности в управлении железной дороги, борьба за избирателей, повод для выступлений в рейхсрате и т. п. Последнее опять-таки вскрывает истинные причины «демократизма» Шёнерера (H. Benedikt. *Monarchie der Gegensätze. Österreichs Weg durch die Neuzeit*. Wien, 1947, S. 182; см. также: P. Molisch. *Op. cit.*, S. 143; H. Schnee. *Op. cit.*, S. 21—22).

основным ядром нации крестьян и ремесленников, которые, как он часто любил говорить, являются «силой, сохраняющей государство»⁵². Он видел, что быстрое развитие капитализма вело к усилению классовой дифференциации в деревне, разрушало ремесло, не выдерживающее конкуренции фабричной промышленности. В своих выступлениях он обращает внимание на то, с какой быстротой в последнее десятилетие увеличивалось число безземельных крестьян, пополняющих ряды сельскохозяйственных и городских пролетариев, как быстро шло разорение ремесленников. Однако не судьба крестьян и ремесленников беспокоит Шёнерера. Больше всего он боится пролетаризации этих слоев населения, усиления революционного движения, роста классового самосознания рабочего класса. Об этом он откровенно говорит в своих выступлениях⁵³.

Все проекты Шёнерера по существу сводятся к сохранению существующего капиталистического порядка путем укрепления городской и сельской мелкой и средней буржуазии, которая, по мнению Шёнерера, должна противостоять самому опасному, что угрожает капиталистическому обществу, — революционному движению пролетариата.

Вот этому и должны содействовать предлагаемые им законопроекты и резолюции, выдвигаемые им программы.

Какими же мерами хочет Шёнерер добиться этого?

Если мы внимательно рассмотрим все его выступления, то увидим, что все предложения сводятся по существу к одному: государство должно издать такие законы, которые оградят крестьянство и ремесленников от главного врага, разрушающего эти слои населения — от магнатов капитала (о том, что Шёнерер подразумевает под этим только одну группу крупной финансовой и торгово-промышленной буржуазии, мы говорили выше). Таким образом, в законодательной деятельности государства заключается панацея от всех бед.

⁵² Негвиг (E. Pichl). Op. cit., Bd. 3, S. 69.

⁵³ Правящие круги Австрии, заявляет он, своей политикой толкают ремесленное производство к гибели; недалеко то время, когда среднее сословие исчезнет, превратившись в пролетариат (Негвиг (W. Pichl). Op. cit., Bd. 3, S. 72).

Задачей законодательства, по мнению Шёнерера, является обязанность «...защищать экономически более слабых посредством, я бы так сказал, хороших законов от злоупотреблений со стороны экономически более сильных и, как правило, более коварных сил»⁵⁴.

Шёнерер всегда и всюду подчеркивал, что в социально-экономических вопросах он хочет реформами улучшить существующий общественный порядок и тем самым избежать социальных потрясений, которые угрожают капиталистическому обществу. «С мужеством, пониманием и упорством можно разрешить величайшую задачу современности — социальный вопрос и разрешение его — в социальных реформах»⁵⁵.

Однако лозунги реформ не могут заслонить того факта, что Шёнерер реакционен в решении социально-экономических вопросов. Все его действия направлены на то, чтобы затормозить закономерный процесс развития капиталистического общества. Естественно, что они были обречены на неудачу.

Шёнерер и его последователи — злейшие враги революционной социал-демократии, они этого не скрывают, наоборот, всегда подчеркивают. В своей речи в рейхсрате 19 января 1883 г. Шёнерер не без кокетства заявлял, что ни одного депутата так не ругали на социал-демократических собраниях, как депутата Шёнерера, но ему, мол, совершенно безразлично, как к нему относятся социал-демократы, он все равно всегда будет защищать материальные интересы рабочих⁵⁶.

Как относились Шёнерер и его сторонники к рабочему классу, защитниками которого они себя всегда представляли? Тут мы встречаемся с очень интересным и совершенно закономерным явлением.

Шёнерер много говорит о тяжелом положении рабочего класса, о необходимости законодательным путем улучшить условия труда фабричных рабочих (путем введения социального страхования в связи со старостью и по инвалидности), об ограничении рабочего дня, о

⁵⁴ Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 3, S. 71.

⁵⁵ Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 3, S. 102; Bd. 1, S. 34—35; Bd. 2, S. 231—246; H. Schnee. Die politische Entwicklung, S. 69—70, 72; H. Hantsch. Op. cit., S. 421.

⁵⁶ Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 3, S. 112.

запрещении детского труда и ограничении труда подростков и женщин, введении воскресного отдыха и т. п.⁵⁷

Но об истинной причине этих «забот» проговаривается восторженный поклонник Шёнерера Шнее, когда он, излагая одно выступление Шёнерера в рейхсрате, сказал, что путем обширных реформ Шёнерер хотел убогатить рабочих и тем самым вырвать их из-под влияния евреев, а мы прибавим, и социал-демократии⁵⁸. Шёнерер сам говорит, что его очень тревожит то обстоятельство, что невнимание правительства к интересам рабочих толкает их в лагерь социалистов⁵⁹.

В этом смысле интересна корреспонденция из Вены, помещенная в газете «Голос». Корреспондент, рассказывая о состоявшихся в Вене и других городах народных собраниях, пишет: «...Народ сверх того все настойчивее требует от своих депутатов составления экономической программы и известных преобразований, столь необходимых для улучшения жалкого материального состояния, в котором задыхаются теперь мелкие промышленники и рабочие...» Корреспондент далее указывает, что «народ, видимо, не сыт» одними адресами сочувствия по поводу его национального положения⁶⁰.

Таким образом, для того чтобы привлечь на свою сторону рабочих, австрийским шовинистам, в частности Шёнереру, впрочем, как и другим буржуазным деятелям, необходимо было включить в арсенал своей пропа-

⁵⁷ Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 3, S. 81; Bd. 1, S. 36. Много лет спустя, выступая на одном собрании, Шёнерер, обрушиваясь на биржевиков-либералов, на клерикалов и социал-демократию, вспомнил, сколько он «сделал» для рабочего класса, будучи депутатом рейхсрата («Unverfälschte deutsche Worte», 1899, N 7, S. 7; Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 3, S. 111; P. Molisch. Op. cit., S. 163).

⁵⁸ H. Schnee. Georg Ritter von Schönerer, S. 32.

⁵⁹ Выступая в рейхсрате 28 февраля 1882 г., Шёнерер указывал, что из года в год растут сторонники социалистов, что усиливается их партия, что это отнюдь не в интересах правительства (Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 3, S. 81).

⁶⁰ «Голос», 24 июля (5 августа) 1881. Заграничные известия. Вена; в передовой газеты «Русские ведомости» от 19 апреля (1 мая) 1882 г. указывается, что рабочие в Австрии не обнаруживают ни малейшего желания таскать каштаны из огня для других, они требуют политических прав, улучшения своего положения... «Они умеют также распознать лиц, которые прикидываются друзьями рабочих, в сущности ловят рыбу в мутной воде».

ганды требования, близкие, понятные и отвечающие интересам рабочего класса.

Ограниченными мерами в области рабочего законодательства Шёнерер думал отвлечь пролетариат от революционной борьбы и привлечь на свою сторону. В своей речи в рейхсрате 19 декабря 1883 г. Шёнерер предлагает законодательным путем провести ряд мер, улучшающих положение рабочего класса, указывая, что это надо провести, пока еще не поздно и пока рабочие не осуществили их сами, с боем... «Тогда легко могла бы вспыхнуть борьба, грознее и опустошительнее которой в Европе еще никогда не было»⁶¹.

Шёнерер хотел разрешить социальный вопрос, значение которого он хорошо понимал, путем примирения труда и капитала.

*«Мы ищем сегодня примирения труда и капитала, эта великая цель должна быть у нас перед глазами, примирение между капиталом и трудом должно наступить, так как оно является разрешением социального вопроса, к которому мы стремимся и благодаря которому сможем удержать в будущем общественный порядок»*⁶², — указывает Шёнерер. Мысль о необходимости примирения классовых противоречий, дабы воспрепятствовать росту революционного движения и предотвратить революцию, т. е. сохранить капиталистическую систему, проходит красной нитью через все его выступления. «Если не будет положен конец теперешнему положению честных ремесленников и крестьян..., то обнищание не только захватит все более широкие слои населения, но и наступит насильственный социальный переворот, по сравнению с которым пережитые до этого многие коммунистические путчи покажутся настоящей детской игрушкой»⁶³. Итак, не «защитником» интересов простого народа, а активным защитником классовых интересов господствующих классов является «друг народа» Шёнерер, в какие бы «демократические» одежды он ни рядился.

И если Шёнерер и его сторонники выдвигают объективно прогрессивные для того времени буржуазно-демо-

⁶¹ Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 3, S. 117.

⁶² Ibid., S. 68—69.

⁶³ Ibid., S. 110.

кратические требования, например требования расширения избирательного права⁶⁴, протестуют против увеличения старых и введения новых налогов⁶⁵, требуют снижения численного состава австро-венгерской армии в целях уменьшения военных расходов, обременяющих малоимущие слои населения⁶⁶, если Шёнерер со всей резкостью выступает против католической церкви, требуя последовательного проведения в жизнь принципа отделения церкви от государства, уничтожения монастырей и секуляризации церковных владений⁶⁷, то все эти прогрессивные требования не должны скрыть от нас истинное лицо Георга фон Шёнерера, создателя одного из самых реакционных течений в общественно-политической жизни Габсбургской монархии — австрийского пангерманизма. Фукс указывает, что немецкие националисты не смогли бы добиться успеха, если бы они свои реакционные лозунги не смешивали с другими, которые сами по себе были прогрессивны^{68—69}.

Для Шёнерера образцом проведения социальной политики была социальная политика Бисмарка.

«Фракция «василька» (Kornblume), вождем которой считается бессмертный Шёнерер, сильно увлекающийся заграничными братьями и особенно свободой и радикализмом Бисмарка...», — писал об этом в августе 1882 г. корреспондент «Голоса»⁷⁰.

Шёнерер все время настойчиво рекомендует австрийскому правительству действовать в этом отношении по примеру Германии. Он указывает, опять-таки ссылаясь на железного канцлера, что одними репрессиями не побороть революционное движение, что нужно в какой-то степени пойти на удовлетворение «законных» требований рабочего класса и тем самым отвести пролетариат от революции⁷¹.

⁶⁴ Ibid., S. 47; Bd. 1, S. 129.

⁶⁵ См.: Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 3, S. 27—29, 34, 70, 80.

⁶⁶ См.: Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 3, S. 35, 27—28, 31, 35; Bd. 1, S. 33.

⁶⁷ Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 3, S. 21, 24—26, 31; Bd. 1, S. 33; E. Zöllner. Op. cit., S. 420.

^{68—69} A. Fuchs. Op. cit., S. 174.

⁷⁰ «Голос», 14(26) августа 1882. Заграничные корреспонденции. Вена.

⁷¹ Шёнерер указывает, что Бисмарк понял, что одними полицейскими мерами ему не справиться с рабочим движением (Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 3, S. 72—73).

Следует также подчеркнуть, что в своей реформаторской деятельности Шёнерер и в Австрии не оригинален. В это время среди господствующих классов появляются деятели, которые также считали, что всевозможными реформами можно сохранить существующий буржуазный строй. В Габсбургской монархии феодально-клерикальные круги, поддержанные правительством, взялись за дело и явились инспираторами клерикально-социального движения⁷². Так редактор консервативного журнала «Das Vaterland» барон Карл фон Фогельзанг предложил ряд реформ, целью которых должно было быть укрепление среднего сословия в городе и крестьянства в деревне, которые, как пишет Цёлльнер, не могли многого ожидать от либералов и были очень преданны католицизму⁷³.

Примерно в то же время и в том же духе большую активность проявляли депутаты рейхсрата католические «демократы» принцы Алоис и Альфред Лихтенштейны⁷⁴.

Напомним, наконец, что и консервативное правительство Тааффе в 80-х годах также предприняло определенные шаги в этом отношении⁷⁵. Но когда куцые реформы, кстати напоминающие социальные требования лидера австрийских пангерманцев, не помогли, Тааффе, по примеру своего германского соседа, перешел к репрессиям против социалистического движения.

Опять-таки интересные сведения, метко схваченные, мы находим в сообщениях корреспондента «Голоса».

⁷² F. Funder. Op. cit., S. 92—93; «Přehled», D. 2, Sv. 1, str. 633.

⁷³ F. Funder. Op. cit., S. 92, 94—95; E. Zöllner. Op. cit., S. 417—418.

⁷⁴ F. Funder. Op. cit., S. 95, 106—107. Уделяет внимание Лихтенштейну и газета «Голос». Излагая речь Лихтенштейна в рейхсрате о необходимости социальных реформ, корреспондент замечает: «...Сказаны ли эти слова искренне или нет — это безразлично. Самый факт произнесения их достаточно характеризует настроение, господствующее в настоящее время на Западе по поводу «социального вопроса...» — «Голос», 17(29) декабря 1882. Заграничные корреспонденции. Вена.

⁷⁵ Оценивая национальную политику Тааффе, Цёлльнер указывает, что относительно более успешной была его консервативно-реформаторская социальная деятельность, хотя, добавляет Цёлльнер, и она была довольно ограниченной (E. Zöllner. Op. cit., S. 425; H. Nantsch. Op. cit., S. 447—448).

Когда в декабре 1882 г. депутаты немецкой оппозиции — либералы передали в рейхсрат проект социально-экономических реформ, сходных, заметим, с проектами Шёнера, то министр финансов Дунаевский объявил, что и правительство намерено в эту сессию предложить рейхсрату ряд законопроектов. «Все это показывает, — замечает корреспондент, — как каждая партия желает получить «пальму первенства» по части предложения экономических проектов, зная, конечно, что такими предложениями можно много выиграть у избирателей»⁷⁶.

Таким образом, «социальная» политика «реформаторов» — представителей господствующих классов — была социальной демагогией и отличались они друг от друга только в степени активности, умении и методах пропаганды.

Надо подчеркнуть, что энергичная деятельность Шёнера в этом направлении принесла свои плоды: ему удалось привлечь на свою сторону определенные круги крестьянства, ремесленников, мелкой городской буржуазии и, конечно, части интеллигенции. Активными сторонниками Шёнера были шовинистически настроенные студенты Вены и других городов Австрии.

Вопрос о распространении пангерманизма среди крупной и средней буржуазии Австрии очень сложен. Надо заметить, что в рассматриваемый в настоящей работе отрезок времени пангерманцы-шёнерианцы не были, очевидно, популярны среди этих групп буржуазии. Они могли найти поддержку среди той буржуазии Австрии, которая в силу ряда причин не страдала от германской конкуренции и которой поэтому крики пангерманцев о Великой Германии не так резали слух.

Влияние Шёнера и других пангерманцев на пролетариат Австрии было незначительным, хотя Шёнере и его сторонники проявляли в этом отношении активность, на которую обратили внимание и корреспонденты русских газет. Они подчеркивают, что Шёнере был инициатором созыва ряда собраний рабочих, которым он хотел

⁷⁶ «Голос», 2 (14) декабря 1882. Заграничные известия. Вена. «Народ начинает все настойчивее требовать от депутатов составления экономической программы и известных преобразований, столь необходимых для улучшения жалкого материального состояния, в котором задыхаются теперь мелкие промышленники и рабочие.— «Голос». 24 июля (5 августа) 1881. Заграничные известия. Вена.

придать ярко выраженный антисемитский и античешский характер⁷⁷; он стремился путем разжигания национальной розни расколоть австрийский пролетариат, шовинистическими посулами привлечь какую-то часть рабочих на свою сторону. Корреспондент «Голоса» не перестает подчеркивать, что Шёнереру не удалось посеять рознь между рабочими различных национальностей: немцами, евреями и чехами. Корреспондент цитирует выступление одного рабочего, сказавшего, что Шёнерер, Фюрнкранц и другие «ультранемцы» перед собранием раздавали деньги, чтобы привлечь рабочих на свою сторону^{77а}.

По поводу одного из собраний, организованных Шёнерером в апреле 1882 г., корреспондент пишет: «Рабочие классы не только стояли вдали от этих собраний, но самым резким образом осуждали антисемитских агитаторов, объявленных ими врагами рабочих интересов... мы знаем, — говорили они (рабочие. — Н. Р.), — одну только разницу — работающих членов общества и лентяев; работающих, будь они немцами, чехами, семитами и т. д., мы глубоко уважаем и считаем своими братьями; лентяев — презираем, если они даже наши соплеменники или родные»⁷⁸.

Однако среди мелкобуржуазных слоев населения социальная демагогия Шёнерера нашла определенный отклик и дала возможность Шёнереру вне рейхсрата (в рейхсрате, как мы указывали выше, он влиянием тогда не пользовался) не только привлечь к себе внимание общественности, но и сблизиться с рядом прогрессивных политических деятелей. В результате в глазах широкой публики Шёнерер и его единомышленники прослыли в то время демократами, фрондирующими как против магнатов капитала, так и против правительства⁷⁹. «Если,

⁷⁷ В корреспонденциях из Вены, напечатанных в «Русских ведомостях», указывается на рост антисемитизма в Австрии, занесенного туда, по мнению корреспондента, из Германии; во главе этого движения в Австрии стоит Шёнерер. Корреспондент отмечает непопулярность антисемитов среди рабочих. — «Русские ведомости», 10 (22) апреля 1882. Иностранные известия. Из Вены.

^{77а} «Голос», 14 (26) апреля 1882. Заграничные известия. Вена.

⁷⁸ «Голос», 9 (21) апреля 1882. Заграничные известия. Вена.

⁷⁹ Интересно, что и для Ганча Шёнерер был «...приверженцем демократических принципов» (Н. Hantsch. Op. cit., S. 444—445): «оригинальным демократом нашего рейхсрата» называет Шёнерера корреспондент газеты «Голос». — «Голос», 8(20) января 1881. Заграничные известия. Вена.

однако, задуматься над тем, — пишет Фукс, — как получилось, что в Австрии они (немецкие националисты. — *Н. Р.*) обрели почву под ногами, то ответ был бы весьма неполным, если не принять во внимание особый вид их демагогии, которая облегчила им общение с цивилизованными и порядочными людьми»⁸⁰.

А то обстоятельство, что фрондером и «демократом» оказался фон Шёнерер, крупный помещик, обладатель большого состояния⁸¹, делало его фигуру особо колоритной и тем самым привлекательной для неискушенного простого избирателя.

Очень удачно охарактеризовал истинную сущность шёнерианской агитации Венграф, когда писал, что Шёнерер уверяет крестьян и ремесленников, что все их неудачи происходят от существующего в Австрии законодательства, и сулит своим слушателям золотые горы, если законодательство перейдет к нему в руки. Его сторонникам, замечает Венграф, приятно слушать миллионера, который выступает против миллионеров⁸².

Социальная демагогия Шёнерера служила опорой его национальной программы, истинного содержания всей его общественно-политической деятельности, направленной к утверждению немецкого господства в многонациональной Габсбургской монархии.

Те слои населения, к которым апеллирует Шёнерер и его сторонники, должны стать, по мнению шёнерианцев, истинными носителями немецкого духа, оплотом немецкой нации, самой судьбой призванной господствовать над остальными. Но и эти слои шли за ним в основном не из-за его социально-экономических требований, к которым, как мы видим, обращались и другие общественно-политические деятели с целью расширения своей социальной базы, а главным образом по национальным мо-

⁸⁰ A. Fuchs. Op. cit., S. 175.

⁸¹ Как враги, так и друзья подчеркивают всегда богатство Шёнерера, дававшее ему, мол, возможность действовать как ему заблагорассудится, ни с кем не считаясь. Шёнерер имел возможность издавать свою газету, поддерживать нужные ему общества, подкармливать своих сторонников и т. п. Он сам неоднократно подчеркивал свою полную материальную независимость.

⁸² R. Wengraf. St. Georg von Zwettl. Wien, 1897, S. 45. (Венграф — автор брошюры с таким издательским заголовком, немецкий шовинист нешёнерианского толка, резко отрицательно относится к главе австрийских пангерманцев).

тивам. Ведь не случайно именно в те годы, когда резко обострялись национальные противоречия в монархии, усиливались шёнерианцы. Увеличение числа депутатов-шёнерианцев в 1897 и 1901 гг. тому пример.

Национально-политические взгляды Шёнера (до конца 70-х годов XIX в.). Мы уже указывали выше, что в конце 60-х — начале 70-х годов имело место усиление шовинизма среди части студенчества и интеллигенции Австрии. Но тогда еще у власти были либералы и, казалось, особых причин для «беспокойства» у австрийских немцев не было.

Шёнере, как и другие националисты, в 70-х годах в своих выступлениях продолжает и развивает в общем положения, выдвинутые Штрогалем и Криклем. Он и ряд других депутатов, которым политика либерального правительства Ауэрсперга казалась «недостаточно национальной», стремились в рамках либеральной фракции рейхсрата — в Прогрессивном клубе — сколотить ядро, как они выражались, национально мыслящих людей⁸³.

В выступлениях Шёнера совершенно отчетливо звучат два положения: отрицание дуализма, т. е. австро-венгерского соглашения 1867 г., и ярко выраженная, ничем не замаскированная прогерманская и прогогенцоллерновская ориентация.

Австро-венгерское соглашение, по его мнению, не оправдало себя ни в политическом, ни в экономическом отношении. Оно не помогло австро-немецким господствующим классам в борьбе с национально-освободительным движением славянских народов, что было помимо умиротворения венгерских господствующих классов одной из основных задач соглашения. Австро-немецкие господствующие классы не могли так консолидировать свои силы в самой Австрии, как это сделали помещики Венгрии. Австрия и Венгрия, говорил Шёнере, должны стать самостоятельными государствами, связанными только личной унией. А пока это не осуществлено, Шёнере требует отмены парламентских делегаций; общие вопросы, касающиеся всей монархии, должны решать парламенты обеих стран, что подымет авторитет рейхсрата⁸⁴.

⁸³ P. Molisch. Op. cit., S. 87.

⁸⁴ Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 3, S. 25.

Шёнерер подчеркивает также, что в политическом отношении независимость от Венгрии даст возможность Австрии вступить в более тесные отношения с Германией⁸⁵.

Свои предложения Шёнерер мотивирует и экономическими причинами: крайней невыгодностью в этом отношении соглашения 1867 г.: распределение квот для покрытия общих расходов слишком обременительно для Австрии; невыгодны торговый и таможенный договоры, каждые 10 лет подлежащие возобновлению и т. п.⁸⁶

Мы не будем подробно характеризовать австро-венгерское соглашение 1867 г. Укажем только, что, заключая его, австро-немецкие господствующие классы монархии стремились укрепить свое господство над славянскими народами если уже не во всей Австро-Венгерской монархии, то по крайней мере в Цислейтании⁸⁷. Об этом писала русская пресса того времени⁸⁸.

В оценке дуализма с позиций австро-немецких господствующих классов наблюдаются различные, иногда по внешности даже противоположные тенденции, хотя вмес-

⁸⁵ Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 3, S. 31. Шёнерер особо подчеркивает необходимость тесного экономического союза с Германией.

⁸⁶ Герwig приводит выдержки из выступления Шёнерера 13 сентября 1875 г. на собрании в Цветле, в котором он подчеркивает обременительность в финансовом отношении соглашения 1867 г. для Австрии (Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 2, S. 388; то же на стр. 389—390). Надо отметить, что в общем все авторы подчеркивают невыгодность в экономическом отношении соглашения 1867 г. для Цислейтании. См.: Z. Tobolka. Politické dějiny československého národa od r. 1848 až do dnešní doby. D. 2. 1860—1879. Praha, 1933, стр. 379; H. Benedikt. Monarchie der Gegensätze, S. 176; E. Zöllner. Op. cit., S. 420; H. Hantsch. Op. cit., S. 399—400, 402—403.

⁸⁷ О созданной в 1867 г. дуалистической системе пишет В. И. Ленин в работе «О праве наций на самоопределение» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 270).

⁸⁸ Издаваемый И. Аксаковым журнал «Русь» писал: «...Это две половины, да еще плохо слаженные между собой, две народности: немецкая и мадыарская — меньшинство — распоряжающееся судьбой остальных народностей, из которых племена славянские — более или менее политически бесправные — одни составляют большинство всего населения империи. Все искусство австрийских государственных людей состоит в политической эквилибристике, в сохранении равновесия между отдельными тяготениями. Государственная комбинация Австрии — это постоянное уравновешиваемое междуусобие народностей». — «Русь», 30 января 1882 г., № 5, стр. 3.

те с тем всем им по существу обще одно — полное игнорирование того неоспоримого факта, что одной из основных задач австро-венгерского соглашения было укрепление национального гнета в многонациональной монархии. Так Ганч считал, что хотя дуализм и был началом распада Австрии, но, как он выражается, по сравнению с выставлявшимся со стороны славян требованием далеко идущего федерализма, еще самая незначительная фаза его⁸⁹. Бенедикт отрицательно относится к дуализму, называя созданную им систему «хроническим недугом»⁹⁰. А подвизающийся в Западной Германии и Австрии фашист историк Бородайкевич, стремящийся доказать в своей работе «Немцы, чехи и поляки в Габсбургской империи», будто вообще никто не притеснял чехов в Австрии, высоко оценивает дуализм, который, дескать, при «желании» чехов создавал благоприятные условия для чешско-немецкого сотрудничества⁹¹. Нет необходимости полемизировать с этой доведенной до абсурда националистической концепцией. Существует обширная литература, говорящая, как оценил чешский народ австро-венгерское соглашение 1867 г.⁹²

Выступления Шёнерера против дуализма встречали, как мы говорили, неодобрение либерального большинства рейхсрата.

Но что резко отличало Шёнерера не только от либералов, но и от остальных шовинистов Австрии, это прежде всего ничем не прикрываемое преклонение перед бисмарковской Германией, как мягко выражается Молиш, «его прусско-гогенцоллерновские симпатии»⁹³.

Эти «симпатии», очевидно, очень бросались в глаза современникам, так как русские журналисты в своих корреспонденциях не перестают подчеркивать преклоне-

⁸⁹ H. Hantsch. Op. cit., S. 402.

⁹⁰ H. Benedikt. Monarchie der Gegensätze, S. 176—177; также отрицательно оценивают дуализм Молиш, Берка (P. Molisch. Op. cit., S. 93; G. Berka. Op. cit., S. 7).

⁹¹ T. Borodajkewycz. Deutsche, Tschechen und Polen im Habsburgerreich. «Das östliche Deutschland». Ein Handbuch. Würzburg, 1959, S. 875—876.

⁹² Н. Д. Ратнер. Подъем национально-освободительной борьбы в Чехии в 1868—1869 гг.— «Из истории революционного движения народов Чехословакии». Сб. статей. М., 1959, стр. 3—83; «Přehled», D. 2, sv. 2, str. 378—401.

⁹³ P. Molisch. Op. cit., S. 91.

ние Шёнерера перед Германией. Они называют Шёнерера «более прусским, чем австрийским немцем»⁹⁴, «пруссак... боготворящим публично Пруссию»⁹⁵ и т. д.

После 1871 г., понимая, что теперь ни о каком реванше не могло быть и речи, господствующие классы австрийских немцев считали, что как внешнеполитическому, так и внутривнутриполитическому положению Австро-Венгрии больше всего соответствует союз с Германией. Либералы не забывали, что в 1871 г. вмешательство Бисмарка было не последним фактором, обусловившим провал разработанных Гогенвартом «Фундаментальных статей» и победу немцев-либералов.

Во внешнеполитическом отношении, если австрийское правительство теперь и могло думать об активной внешней политике, то эта активность могла направляться только на Балканы, где сталкивались интересы Австро-Венгрии, России и Англии и где опять-таки помощь Германии была очень желательной⁹⁶. Если к этому добавить, что и Бисмарк даже в 1866 г., памятуя о своих западном и восточном соседях — Франции и России, не переставал думать об Австрии как о потенциальном союзнике Германии, то договор 9 октября 1879 г., между Австро-Венгрией и Германией был вполне закономерен.

В вопросе о союзе с Германией были согласны все течения австро-немецких господствующих классов: консерваторы, либералы и крайне националистические группировки. Но понимала этот союз каждая политическая фракция по-своему.

⁹⁴ «Голос», 9 (21) января 1883. Заграничные известия. Вена.

⁹⁵ «Голос», 42 (24) апреля 1882. Заграничные известия. Вена.

⁹⁶ Андраши — австро-венгерский министр иностранных дел — решительно повернул в сторону сближения с Германией, он очень боялся усиливающегося влияния России на Балканах (E. Zöllner. Op. cit., S. 420). Фукс очень верно оценивает сущность внешнеполитического курса австрийского правительства на союз с Германией, считая, что это вполне отвечало планам финансового капитала (A. Fuchs. Op. cit., S. 167—169; H. Hantsch. Op. cit., S. 425—427); интересно замечание корреспондента «Голоса»: «...Недаром, а без сомнения с затаенной целью Бисмарк дал с 1878 года всей политике Австрии восточное направление и открыл ей пути на восток, где по его расчету неминуемо должны враждебно столкнуться друг с другом совершенно противоположные интересы Австрии и России...» — «Голос», 21 декабря 1882 (2 января 1883). Заграничные известия. Загреб; см. также: «Голос», 23 января (4 февраля) 1882. Санкт-Петербург.

Если консерваторов и либералов в общем-то удовлетворял договор 1879 г., то шовинисты, главным образом пангерманцы, шли значительно дальше.

Шёнерер во всех своих выступлениях не перестает подчеркивать необходимость такого союза, который, соответственно оформленный, должен был привести к тесному объединению обеих стран. Шёнерер говорит о государственно-правовом оформлении его, очевидно, подразумевая под этим не только ратификацию такого союза парламентами обеих стран, но и включение его в конституции Австро-Венгрии и Германии⁹⁷.

Причем Шёнерер настаивает на необходимости укрепления экономических связей обоих государств, в первую очередь подписания таможенного союза.

Вопрос о таможенной унии между Германией и Австрией не нов. Он был выдвинут еще в 50-х годах и с тех пор не сходил с повестки дня, будучи предметом самых ярых дискуссий. Пангерманцы, как имперские, так и австрийские, всегда уделяли этой проблеме очень большое внимание, делая ее основой своих планов создания «Средней Европы»⁹⁸.

В общем Шёнерер и его единомышленники требуют проведения такой экономической политики, которая, как сам Шёнерер выражался, в конечном итоге «должна подготовить торгово-политическое слияние обоих государств»⁹⁹.

⁹⁷ См. его речи в рейхсрате, опубликованные в третьем томе работы Гервига (Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 3, S. 31, 41, 59, 60, 66, 76). В статьях в «Alldeutsche Blätter», посвященных этому вопросу, также говорится о заключении такого договора, который был бы включен в конституции обеих стран. См., например: AB, 17.VI 1900, S. 247; «Unverfälschte deutsche Worte» (далее: UDW), 1899, N 2, S. 261; Цёлльнер пишет, что примерно такого же оформления хотел и Бисмарк, но не смог преодолеть противодействие со стороны Андраши (E. Zöllner. Op. cit., S. 422—424; P. Molisch. Op. cit., S. 93).

⁹⁸ В этом смысле представляет интерес статья одного из идеологов пангерманизма, председателя Пангерманского союза Э. Хассе, относящаяся, правда, к более позднему времени. См.: AB, 20.V 1900, S. 209; см. также: AB, 17.VI 1900, S. 247.

⁹⁹ Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 3, S. 31, 66. Гервиг, говоря о выступлениях Шёнерера в связи с проектами таможенного союза, указывает, что ничто так не объединяет, как общность материальных интересов. Создание большой экономически замкнутой обла-

Понятно, что такие планы соответствовали экономическим интересам далеко не всех фракций австрийских господствующих классов¹⁰⁰.

Шёнерер делал из союза с Германией еще один вывод, который также не способствовал его популярности среди австрийских господствующих классов: он считал, что наличие такого союза дает, мол, возможность Австрии отказаться от положения великой державы, положения, которое в силу ряда причин, и прежде всего по финансовым соображениям, ей было просто не под силу.

9 декабря 1875 г. Шёнерер, выступая в рейхсрате, заявляет: «Австрийское государство не хочет отказаться от желания быть великой державой и это приведет к очень печальным результатам в будущем... Если отказаться от положения великой державы, если прийти к необходимости уменьшения расходов на армию, если отказаться от дуализма и изменить военный закон — тогда будут необходимые суммы для покрытия расходов, нужных для народного хозяйства...»¹⁰¹ 5 декабря 1876 г. он снова в парламенте призывает отказаться от роли вели-

сти (а такой должна быть территория будущего таможенного союза) кажется ему очень заманчивой (Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 2, S. 399—400). Так, в большой речи, произнесенной в июне 1882 г., Шёнерер горячо ратовал за создание именно такого соглашения (см.: *ibid.*, Bd. 3, S. 92—102). Широкий резонанс эта речь нашла в газете «Голос», корреспондент которой писал: «Известный боготворитель Бисмарка полоумный Шёнерер...» — «Голос», 11 (23) июня 1882. Заграничные известия. Прага; «...эти возгласы Шёнерера, осужденные почти единогласно даже немецкой печатью в Австрии...» — «Голос», 10 (22) июля 1882. Заграничные известия. Вена; «Голос», 9 (21) января 1883. Заграничные известия. Вена.

¹⁰⁰ Заключение таможенного союза было невыгодно австрийской промышленности, которая была слабее германской. Не случайно, подчеркивает Бенедикт, исключение Австрии из таможенного объединения Германского союза помогло развитию промышленности чешских земель (H. Benedikt. *Monarchie der Gegensätze*, S. 172; H. Benedikt. *Der deutsche Zollverein und Österreich*. — «Der Donauraum», 1961, № 1). Австрийские промышленники были в основном против таможенной унии. В ней заинтересованы аграрии и те круги австрийских промышленников, которые связаны с германскими рынками сбыта (H. Gross. *Mitteleuropäische Handelspolitik 1890—1938 und der Donauraum*. — «Der Donauraum», 1962, N 2-3, S. 103).

¹⁰¹ Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 3, S. 151; P. Molisch. Op. cit., S. 95.

кой державы¹⁰². Он все время ратует за сокращение численного состава армии¹⁰³.

Не подлежит сомнению, что подобные выступления «демократа» Шёнерера нужны были ему для увеличения своей популярности среди трудового немецкого населения Австрии. Но основное заключалось не в этом.

Ратуя за ослабление военной мощи и без того слабой монархии, Шёнерер по существу намечал путь превращения Австрии в придаток Германской империи. Естественно, что его заявления по этому вопросу воспринимались без восторга не только правительством, придворными кругами и императором, но и подавляющим большинством господствующих классов Австрии. «Австро-Венгрия не хотела в этом союзе играть подчиненную и жалкую роль»—пишет чешский историк Тоболка¹⁰⁴.

С другой стороны, уменьшение военных расходов Австро-Венгрии было не по душе и Бисмарку, чего не учитывал пруссофил Георг Шёнерер, вызывая неудовольствие железного канцлера, о чем писали русские корреспонденты из Вены¹⁰⁵.

В 70-е годы Шёнерер еще не выступает открыто антигабсбургски, но свое беспредельное преклонение перед Германией, Гогенцоллернами и Бисмарком он и не думает скрывать.

Его культ железного канцлера был замечен всем. Недаром корреспондент «Русских ведомостей» писал о нем из Вены: «...Известный политический деятель г. Шёнерер, обожающий князя Бисмарка до умопомрачения. Его бис-

¹⁰² Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 3, S. 31.

¹⁰³ Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 3, S. 28, 51.

¹⁰⁴ Z. T o b o l k a. Op. cit., d. 2, str. 381.

¹⁰⁵ «Московские ведомости», 9 июня (ст. стиль) 1882. Последняя почта. Австро-Венгрия; то же указывает корреспондент газеты «Голос».— «Голос», 28 июня (10 июля) 1882. Заграничные известия. Вена; Цёлльнер пишет, что немецкие националисты, возглавляемые Шёнерером, «не находили ответной любви у своего идола Бисмарка, политику которого они прославляли, но не совсем правильно понимали, так как он существование Дунайской монархии считал необходимой предпосылкой для безопасности Германии и для немецкого влияния в Юго-Восточной и Центральной Европе» (E. Z ö l l n e r. Op. cit., S. 427). Останавливаясь на отношении Шёнерера к Германии и Бисмарку, Фукс говорит «...о полнейшей бестолковости Шёнерера в отношении внешней политики Германской империи» (A. F u c h s. Op. cit., S. 184).

маркомания имела следствием, что теперь от него отворачиваются все немцы, между тем, как он в прежние годы был здесь довольно популярен»¹⁰⁶.

5 декабря 1876 г. Шёнерер заявляет в рейхсрате: «Мы, австрийские немцы, никогда не должны упускать из вида, что нашей целью является воссоединение (*Wiedervereinigung*)—это означает теснейший союз с Германией»¹⁰⁷.

Наконец, в одной из своих речей он бросил фразу, что положение в стране таково, что все чаще и чаще раздается в немецких частях Австрии вопль: «Если бы мы уже принадлежали к Германской империи»¹⁰⁸.

Эта фраза наделала много шума не только в стране, но и за пределами ее. Она была, как признает Молиш, поддержана очень незначительной частью общественности Австрии: главным образом венскими студентами и людьми, близкими к кружку Крикля¹⁰⁹. В рейхсрат посыпались протесты австрийских немцев; обращает на себя внимание тот факт, что большинство протестов исходило из немецких областей чешских земель, тогда оплота либералов¹¹⁰.

Не ускользнула эта фраза от внимания русских корреспондентов в Вене. Корреспондент «Голоса» в нескольких сообщениях комментировал ее: он считал, что она вызвала столько протестов потому, что австрийские немцы очень враждебны пруссакам и Гогенцоллернам¹¹¹.

¹⁰⁶ «Русские ведомости» 10 (22) апреля 1882 г. Иностранное известие. Это же подчеркивает корреспондент «Голоса», который пишет... «о депутате Шёнерере, боготворящем публично Пруссию, ненавидящем Австрию». См.: «Голос», 2 (24) апреля 1882. Заграничные известия. Вена; «Его Пангермания должна была быть империей Гогенцоллернов»,— пишет Шнее (*H. Schnee. Op. cit., S. 20*).

¹⁰⁷ *Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 3, S. 24, 31, 66—67.*

¹⁰⁸ Речь в рейхсрате 18 декабря 1878.—*Ibid., Bd. 3, S. 46.*

¹⁰⁹ *P. Molisch. Op. cit., S. 97.*

¹¹⁰ *Ibidem.* Об этом упоминает и сам Шёнерер в речи в рейхсрате 28 февраля 1882 г., указывая, что его речь от 18 декабря 1878 г. вызвала громадное количество протестов, в частности, из немецких общин Чехии, преданных государству и династии (*Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 3, S. 69—83*).

¹¹¹ «Шёнерер, этот настоящий «enfant terrible» венской палаты, объявил с парламентской трибуны то, что давно известно всем и каждому, но что до сих пор еще не объявлялось так всенародно и в такой форме.—«Голос», 20 декабря 1878 (1 января 1879). За-

Эта явно выраженная прогерманская направленность выступлений Шёнерера, уже отчетливо проявляющаяся в 70-х годах — в начале его политической деятельности— объясняет не только резко отрицательное отношение к Шёнереру династии, правительства, большинства проавстрийски настроенных либералов, но и недовольство даже той небольшой тогда группы немецких националистов Австрии, находившихся в оппозиции к либералам¹¹². Ибо все они за сохранение Австрии — союзницы Германии, но самостоятельной страны.

Австро-германский договор должен был, по их мнению, укрепить господство австро-немецкой буржуазии и помещиков над славянским населением. Будучи союзницей великой Германии, Австрия сможет под эгидой германского империализма осуществить наступление на Балканы. Не случайно, что в последующие десятилетия прогерманская политика Шёнерера¹¹³ оттолкнет от шёнерианцев все группы австрийских националистов, и в частности сильную и во многих вопросах очень близкую к Шёнереру христианско-социальную партию с Люегером во главе¹¹⁴.

Внешнеполитические и внутривнутриполитические условия роста пангерманизма в Австрии (1876—1878 гг.) Толчком для усиления немецкого шовинизма в Австрии явилась оккупация в 1878 г. двух славянских провинций Турецкой империи — Боснии и Герцеговины — и последовавшая за этим отставка либерального правительства Ауэрсперга, приведшая к изменению правительственного курса в сторону установления контакта с имущими классами славянского населения монархии.

граничные известия, Вена; о протестах, присланных в министерство и газеты в связи с речью Шёнерера, см. также: «Голос», 29 декабря 1878 (10 января 1879). Заграничные известия. Вена.

¹¹² P. M o l i s c h. Op. cit., S. 91.

¹¹³ Недаром корреспондент «Русских ведомостей» уже в 1882 г. писал, что бисмаркомания Шёнерера привела к тому, что от него отворачиваются все немцы.— «Русские ведомости», 10 (22) апреля 1882. Заграничные известия. Из Вены.

¹¹⁴ Правда, тут большую роль сыграла и антикатолическая направленность политики Шёнерера, которая нашла свое выражение в «Los von Rom Bewegung», явившемся открытым походом против Рима. Пангерманцы Австрии в большинстве своем были настроены прокатолически.

Оккупация Боснии и Герцеговины считалась успехом австро-венгерской внешней политики. Эта первая после стольких поражений победа, казалось, подняла престиж Габсбургской монархии на международной арене, она открывала австро-венгерским господствующим классам путь на Балканы, намечая направление дальнейшей экспансии австро-венгерского капитала¹¹⁵.

Если для внешнеполитического положения двуединой монархии оккупация была определенным успехом, то она очень осложнила внутривнутриполитическое положение многонациональной Австрии. Оккупированные территории получили особый статус. Вставал вопрос: как быть в дальнейшем с этими провинциями? Присоединить к Австрии и тем самым усилить численно австрийских славян? Присоединить к Венгрии? Но это означало усиление последней и возможность потери для Австрии Далмации. Вопрос о Далмации теперь, с оккупацией Боснии и Герцеговины, приобретал еще большее значение.

Итак, оккупация вызвала переполох в многонациональной Габсбургской монархии. Всецело поддерживал оккупацию император Франц-Иосиф, считавший это победой своей внешней политики, и поэтому за оккупацию выступили преданные династии крупные земельные собственники, консерваторы и клерикалы, всегда очень чуткие в отношении желаний императора, да и та часть крупной либеральной буржуазии, членов Конституционной партии, которая, с одной стороны, не хотела портить отношений с короной, с другой — считала оккупацию Боснии и Герцеговины отвечающей своим экономичес-

¹¹⁵ Чешская буржуазия поддерживала оккупацию, так как считала, что увеличение численности славянского населения монархии усилит политическое положение чешской буржуазии; кроме того, она считала эти земли удобными для экономической экспансии («Přehled». D. 2, Sv. 1, str. 440—483). Цёлльнер подчеркивает значение Боснии и Герцеговины, как естественного тыла Далмации (E. Zöllner. Op. cit., S. 421—422). Для австрийской экономики открывался Ближний Восток (H. Hantsch. Op. cit., S. 428—431); весьма характерно для австрийских буржуазных историков, высказывание Г. Бенедикта, который, указывая, что оккупация была политической и экономической необходимостью, вместе с тем подчеркивает, что Австрия должна была выполнить свою так называемую *культурную миссию* (курсив мой.— Н. Р.) на Балканах в случае дедича наследства «большого человека» (H. Benedikt. Monarchie der Gegensätze, S. 177; С. Г. Лозинский. Указ. соч., стр. 124—125).

ким интересам. Но большинство либеральной партии восприняло оккупацию отрицательно, мотивируя это как экономическими, так и национальными причинами^{116—117}.

Действительно, оккупация ухудшила и без того неблестящее состояние австрийских финансов, так как потребовала больших материальных затрат, увеличения численного состава армии и т. п.

Но, безусловно, не это, а прежде всего национальные интересы австро-немецких господствующих классов были причиной отрицательного отношения их к оккупации, в которой они усматривали усиление славянских элементов в стране¹¹⁸.

Если либералы отрицательно отнеслись к оккупации, то шовинистические группировки встретили ее просто в штыки.

Шёнерер в рейхсрате, на собраниях избирателей, на партайтагах конституционной партии резко выступает против оккупации, он не упускает случая напасть на нее и в дальнейшем¹¹⁹.

^{116—117} Н. Hantsch. Op. cit., S. 432. «Депутаты Гербст и Гискра от имени либеральной партии заявили (в рейхсрате.— *H. P.*), что требуемый правительством для оккупационных целей кредит в 60 млн. гульденов будет ими отвергнут» (С. Г. Лозинский. Указ. соч., стр. 125); Гервиг, никогда не упускающий случая напасть на либералов, уверял, что они выступали против оккупации в противовес своим министрам и королю только для того, «...чтобы приобрести расположение народа, столь нехватящее им» (Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 1, S. 90; Z. Tobolka. Op. cit., D. 2. str. 379—380).

¹¹⁸ Либералы в адресе императору указывали, что оккупация приведет к увеличению славянского населения Австрии (G. Verka. Op. cit., S. 7; Н. Hantsch. Op. cit., S. 435; E. Zöllner. Op. cit., S. 422).

¹¹⁹ В речи в рейхсрате 18 декабря 1878 г., о которой мы упоминали выше, Шёнерер говорил, что австрийские немцы хотели бы принадлежать к Германской империи, чтобы наконец освободиться от Боснии и ее придатка (Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 3, S. 46). На эту часть фразы обращает внимание и корреспондент «Голоса», указывая, что Шёнерер в своей речи сказал, что австрийские немцы жаждут отделения... «от босняков и прочих разных славян». — «Голос», 20 декабря 1878 (1 января 1879). Заграничные известия. Вена. Требуя прекращения оккупации, Шёнерер, однако, предлагает сделать эти области самостоятельным государством с кем-нибудь из Габсбургов во главе (Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 2, S. 390).

Вскоре после оккупации либеральное министерство Ауэрсперга, правившее Австрией с 1871 г., ушло в отставку¹²⁰. Его заменило консервативное правительство Эдуарда Тааффе.

Крупный землевладелец, консерватор и клерикал, лично близкий к Францу-Иосифу, Тааффе опирался на коалицию австро-немецких помещиков — консерваторов и клерикалов со славянскими депутатами рейхсрата¹²¹. Основой внешней политики правительства был союз с Германией, задачей внутренней политики — укрепление реакционного габсбургского государства путем консолидации господствующих классов всех национальностей монархии.

Ганч и другие реакционные австрийские историки называли эту консолидацию господствующих классов укреплением великоавстрийской идеи, которая могла стать активным политическим фактором на европейском форуме¹²².

«...Он (Тааффе.— Н. Р.),— писал корреспондент «Голоса»,— пользуется безусловным доверием короны и корона усматривает в политике, которой он следует, вернейшую гарантию укрепления империи... он надеялся добиться примирения национальностей и партий...»¹²³

¹²⁰ Н. Нantsch. Op. cit., S. 435, 437; E. Zöllner. Op. cit., S. 422; Z. Tobolka. Op. cit., D. 2, str. 379.

¹²¹ Тааффе вначале был не прочь привлечь к сотрудничеству и либералов, но натолкнулся на оппозицию последних. (Н. Нantsch. Op. cit., S. 437). Тааффе в основном поддерживали немецкие помещики-клерикалы Верхней Австрии, Штирии и Тироля (С. Г. Лозинский. Указ. соч., стр. 127—128).

¹²² Н. Нantsch. Op. cit., S. 437. Русский публицист Звездич писал, что австрийская государственная идея — в идеале идея мирного сожительства различных народностей монархии на практике никогда не проводилась австрийским правительством, и если теперь Австрии пришлось признать ее своей исторической миссией, то это не по доброй воле, а вследствие культурного роста остальных национальностей (П. Звездич. Австрия.— В кн.: «Государственный строй и политические партии в Западной Европе и Северо-Американских Соединенных Штатах», т. 1. СПб., (s. a.), стр. 9—10). Об австрийской государственной идее иронически говорится в статье «Beati possidentis» («Очерки новой Австрии»), опубликованной в газете «Голос». «Австрийская же «Staatsidae», по-видимому, состоит в следующих общих и незыблемых положениях: внутри империи применение принципа «divide et impera». См. «Голос», 2 (14) октября 1882.

¹²³ «Голос», 13 (25) февраля 1882. Заграничные известия. Вена.

С целью укрепления правительства и расширения его социальной базы Тааффе провел в 1882 г. реформу избирательного права: имущественный ценз был уменьшен до 5 гульденов, вследствие чего избирательные права получила большая часть мелкой буржуазии города и деревни¹²⁴.

Понимая, какую угрозу представляет рост рабочего движения, Тааффе считал нужным бороться с ним не только путем репрессий, но и идя на кое-какие уступки в смысле улучшения рабочего законодательства.

Здесь уместно вспомнить программу социальных преобразований «демократа» Шёнерера. Мы видим, что в рабочем вопросе он в общем недалеко ушел от реакционного графа Тааффе.

Как мы уже говорили, приход к власти правительства Тааффе означал в национальном вопросе изменение внутривнутриполитического курса в Цислейтании в сторону сближения с имущими классами славянских национальностей, в первую очередь чешской¹²⁵. На это обратили внимание и русские газеты. Так, спустя три года в корреспонденции из Праги указывалось, что «...Австрия после девятнадцатилетней немецкой гегемонии начинает освобождаться от заржавелых централистских традиций и бразды правления находятся в руках если не «славянофилов», то во всяком случае не «славянофобов». «Австрия не может быть ни немецкой, ни славянской страной, а

¹²⁴ Ганч подчеркивает, что реформа избирательного права дала в основном избирательные права мелкой буржуазии, но не рабочим (H. Hantsch. Op. cit., S. 443). Очень большое внимание уделила реформе избирательного права русская печать того времени. «...Правая партия,— пишет корреспондент из Вены,— этой важной реформой и уступкой народу, особенно мелким промышленникам, ремесленникам и т. д., нанесла самый моральный удар всей так называемой конституционной партии, кричащей день и ночью о либерализме и все-таки ничего в пользу либерального расширения избирательного права не сделавшей...» — «Голос», 19 (31) марта 1882. Заграничные известия. Вена; в корреспонденции от 15 марта подчеркивается, что реформа избирательного права усилил славянский элемент в рейхсрате.— «Голос», 10 (22) марта 1882. Заграничные известия. Вена; см. также: «Новое время», 18 (30) сентября 1882. Внешние известия. Вена.

¹²⁵ После прихода к власти Тааффе во внутренней политике Цислейтании получило развитие консервативное, как подчеркивает Цёлльнер, благоприятное славянам направление (E. Zöllner. Op. cit., S. 421).

австрийской, сказал недавно в рейхсрате граф Тааффе, и все славянские депутаты восторженно приветствовали эту новую, справедливую и единственно возможную в Австрии государственную формулу»¹²⁶.

Тааффе объявил, что целью его политики должно быть «примирение» национальных споров, под этим он понимал прежде всего примирение с имущими классами чешской национальности. Дело в том, что с польскими магнатами у Тааффе было полное взаимопонимание, чешские же депутаты бойкотировали рейхсрат.

В поддержке чешского дворянства граф Тааффе не сомневался, ему надо было привлечь к себе чешскую буржуазию, представленную тогда двумя политическими партиями — старо- и младочехами.

В 1879 г. чешские депутаты вошли в рейхсрат¹²⁷, а в начале 80-х годов было издано два распоряжения, которые являлись как бы платой за поддержку ими правительства Тааффе.

Большинство историков различных направлений по-разному оценивают деятельность правительства Тааффе¹²⁸. Но они, как и современники, высказывают мнение

¹²⁶ «Голос», 25 февраля (9 марта) 1882. Заграничные известия. Прага; положительно оценивается политика правительства в славянском вопросе в следующих корреспонденциях из Австрии: «Голос», 2 (14) апреля 1882. Заграничные известия. Вена; «Голос», 19 (31) января, 11 (23) июня 1882. Санктпетербург, 1882; «Голос», 9 (21) апреля 1882. Заграничные известия. Вена. «Немецкие элементы в Австрии с каждым месяцем все более утрачивают свое прежнее влияние на правительство», — безусловно преувеличивая «славянофильство» Тааффе, писалось в газете «Новое время», — «в пределах самой Австрии славянские интересы, национальные и материальные, мало-помалу удовлетворяются; немцы в этом видят ущерб себе». — «Новое время», 12 (24) марта 1882. Ежедневное обозрение.

¹²⁷ Шённерер с возмущением говорит о том, что, выступая в рейхсрате 5 апреля 1879 г., Тааффе настаивал на том, чтобы чешским элементам была дана возможность войти в рейхсрат (Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 3, S. 55).

¹²⁸ Ганч положительно оценивает деятельность Тааффе. «Идея и целостность общего государства были доминирующим направлением его политики» (H. Hantsch. Op. cit., S. 437—439, 443). Цёлльнер считает, что Тааффе в своей политике примирения был просто разумен, стремясь посредством небольших уступок сохранить основное и поэтому как политический деятель он должен быть более высоко оценен, чем это делала немецко-националистическая и либеральная историография (E. Zöllner. Op. cit., S. 425).

о том, что мероприятия правительства Тааффе явились для шёнерианцев и других шовинистических группировок поводом для разжигания националистической пропаганды¹²⁹.

С этим нельзя не согласиться. Действительно, даже незначительные уступки чехам (нет оснований, как это делает австрийская буржуазная историография почти всех направлений, преувеличивать значение языковых постановлений Тааффе, ведь основное было не в букве закона, а в том, проводились ли они в жизнь) взбудоражили «общественное мнение». Снова, как во времена Гогенварта, волна шовинизма захлестнула определенные круги немецкого населения Австрии и в первую очередь немцев чешских земель, оценивших эти постановления как подрыв своего господствующего положения в чешских землях.

Чешские земли (Чехия, Моравия и Силезия) в экономическом отношении представляли очень развитые части монархии; в чешских землях, где в некоторых районах немцы составляли большинство, немецкая буржуазия держала тогда в своих руках важнейшие отрасли народного хозяйства. Экономические интересы буржуазии и помещиков австрийских областей Цислейтании тесно переплетались с экономическими интересами немецкой буржуазии и помещиков чешских земель. Ведь не случайно, что руководящие деятели либеральной партии были немцы из чешских земель — Шмейкаль, Гербст, Гискра и др.¹³⁰

Немецко-шовинистические авторы, естественно, резко отрицательно относятся к Тааффе (H. Schnee. Op. cit., S. 10; P. Molisch. Op. cit., S. 114). Очень характерно высказывание пангерманца П. Замассы: «Тааффе, который из кожи немцев нарезал ремни для «железного кольца правых».— АВ, 13.IV 1901, S. 180.

¹²⁹ В своей речи в рейхсрате 28 февраля 1882 г. Шёнерер говорил, что даже член палаты господ барон Унгер, близкий к династии, признавал, что результатом политики правительства было создание немецко-национальных группировок в Австрии (Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 3, S. 82). Усиление немецко-национального движения — результат благотворной для славян правительственной политики («Briefe zur deutschen Politik in Österreich von 1848 bis 1913». Wien — Leipzig, 1934, S. 294).

¹³⁰ Немецкая буржуазия чешских земель составляла влиятельную часть господствующих классов австро-венгерской монархии (K. Gajan. Německý imperialismus a československo-německé vztahy v letech 1918—1921. Praha, 1962, str. 14).

Либералы, о чем уже говорилось ранее, не были однородной группой. Некоторые из них считали возможным какое-то сотрудничество с Тааффе, предполагая не без основания, что этим можно будет уменьшить влияние славянских и консервативно-клерикальных элементов, но победа оказалась за более непримиримо настроенной частью, возглавляемой судетскими немцами Гербстом и Гискрой, для которых политика Тааффе — политика мелких уступок чехам — была неприемлемой¹³¹.

Удержать привилегированное положение в политическом и экономическом отношениях в чешских землях было основной задачей не только господствующих классов немцев этих земель, но и других австро-немецких политических деятелей, от более умеренных в своих национальных воззрениях до самых крайних типа Шёнераера.

Мы уже говорили о том, что именно для удержания своего господствующего положения в чешских землях националисты выдвинули требование выделения из состава Цислейтании Галиции, Буковины и Далмации. И вот Тааффе своими законами, казалось, выбивал почву из-под ног немцев чешских земель.

Что представляли из себя эти постановления, которые, как заявляют пангерманцы и прочие шовинисты, были началом славнизации Австрии¹³².

В 1880 г. двумя постановлениями правительства (так называемые постановления Тааффе — Штремайера о языках, изданные отдельно для Чехии и отдельно для Моравии) было введено употребление чешского языка как внешнего языка дело- и судопроизводства для Чехии

¹³¹ Все это нашло отражение в корреспонденциях газеты «Голос». «Дело в том, что влияние чешских немцев с Гербстом еще очень сильно в рядах нынешней многочисленной немецко-оппозиционной партии и освобождение от этого влияния сопряжено с большими затруднениями» (см.: «Голос», 16 (28) мая 1882. Заграничные известия. Вена). «Вся борьба австрийских немцев, все меры, принимаемые ими как в законодательных палатах, так и в общественных учреждениях, направлены главным образом в защиту богемских немцев. Венская печать, как печать столичная и поэтому очень влиятельная, отстаивает почти купно интересы богемских немцев и в главных венских газетах чехи служат мишенью для всех полемических статей, полных ненависти к «злой чешской нации».—«Голос», 1 (13) января 1883. Заграничные корреспонденции. Прага.

¹³² H. Schnee. Op. cit., S. 10; P. Molisch. Op. cit., S. 114.

и Моравии¹³³, в 1882 г. университет в Праге был разделен на две части: немецкую и чешскую¹³⁴. В те же годы было создано высшее техническое училище в Праге¹³⁵.

Введение чешского языка как *внешнего* языка дело- и судопроизводства означало, что подателю должны были отвечать на его же языке. Однако *внутренним* служебным языком учреждений и суда оставался немецкий, т. е. все делопроизводство продолжало вестись на немецком языке, хотя бы эти учреждения и находились в чешских областях Чехии и Моравии. Постановления Тааффе — Штремайера, по мнению З. Шолле, не так уж много давали, но очень усилили национальные трения, особенно в смешанных в национальном отношении областях Чехии и Моравии¹³⁶.

Но, несмотря на это, постановления 1880 г. при их осуществлении на практике были первым, пусть незначительным шагом в борьбе против засилья немецкого элемента в учреждениях и судах Чехии и Моравии, так как отныне во внешнем дело- и судопроизводстве надо было знать оба языка — немецкий и чешский, что ставило чиновников-чехов в более выгодное положение¹³⁷.

¹³³ Текст постановления см.: В. Sutter. Op. cit., S. 273—274.

¹³⁴ Об этом подробно пишет З. Тоболка. Вначале были созданы только два факультета чешского университета: юридический и философский. Остальные факультеты (в частности, медицинский и богословский) были организованы несколько позднее. В 1890 г. была основана Чешская академия наук, литературы и искусств (Z. Tobolka. Op. cit., D. 3, č. 1. Praha, 1934, str. 48—69).

¹³⁵ T. Tobolka. Op. cit., D. 3, č. 1, str. 81—94. Приводятся также сведения о развитии средних специальных школ.

¹³⁶ «Přehled», d. 2, sv. 1, str. 601—602. Тоболка считает, что указы стали началом чешско-немецкого спора о языке, который продолжался вплоть до распада монархии. (Z. Tobolka. Op. cit., d. 3, č. 1, str. 39—45).

¹³⁷ E. Zöllner. Op. cit., S. 425. Ганч пишет, что при признании равноправия национальностей это, казалось, было естественным, но, замечает он, и это высказывание очень характерное для Ганча, который старается оправдать действия немецких националистов. постановления таили в себе как признание чешского государственного права, так и отрицание заикнутой немецкой языковой области (H. Hantsch. Op. cit., S. 241—242). Немцы чешский язык не знали: «он им был ни к чему», чехи же немецкий знали, поэтому им был открыт доступ на все должности (H. Benedigt. Monarchie der Gegensätze, S. 183). В результате много чешских чиновников появилось в городах Чехии с немецким населением

Разделение Пражского университета в 1882 г. означало укрепление и увеличение национальной чешской интеллигенции, что, без сомнения, задевало привилегированное положение немецкой интеллигенции чешских земель¹³⁸.

Таким образом, вопрос о языке задевал, безусловно существенно, интересы господствующих классов немцев чешских земель. Не случайно, что уже в программах Крикля — Штрогаля был поставлен вопрос об объявлении в законодательном порядке немецкого языка государственным языком страны; мы увидим в дальнейшем, какое место этот вопрос займет в программах австрийских пангерманцев.

При этом не надо забывать, что с развитием капитализма усиливалась и укреплялась национальная чешская буржуазия, которая медленно, но упорно набирала силы для перехода в наступление на политические и экономические позиции своего врага и конкурента — немецкой буржуазии чешских земель¹³⁹.

Если к этому еще прибавить, что в связи с ростом промышленности и железнодорожного строительства в северные, северо-западные и северо-восточные области Чехии, тогда очень развитые в экономическом отношении территории, населенные в большинстве своем немцами, нахлынула из чисто чешских и смешанных в национальном отношении, в основном земледельческих областей Чехии и Моравии, дешевая чешская рабочая сила¹⁴⁰, то

(H. Schnee. Op. cit., S. 13). Молиш указывает, что волнение немецкого населения в чешских землях было гораздо более сильным, чем волнение в парламенте, и правительству нелегко было с ним бороться (P. Molisch. Op. cit., S. 113—114, 128—129; G. Verka. Op. cit., S. 9).

¹³⁸ В тесной связи с языковой политикой чехов стоял вопрос о разделении Пражского университета. Разделение означало бы первый успех чешского движения (P. Molisch. Op. cit., S. 114—115; E. Zöllner. Op. cit., S. 425).

¹³⁹ K. Gajan. Op. cit., str. 15.

¹⁴⁰ В связи с этим интересно замечание Ганча, в котором его национализм прорывается наружу. Ганч пишет: «Там, где нужна рабочая сила, национальный момент не играет никакой роли и в замкнутые в национальном отношении области, особенно в немецкие области промышленной Чехии, переселяется множество людей другой национальности, которые стоят на значительно более низкой ступени культурного развития, менее требовательны и поэтому предпринимателю более желанны» (H. Hantsch. Op. cit., S. 406).

становятся понятны крики об опасности «славянизации» и рост шовинизма, захватившего также широкие слои немецкого населения чешских земель.

...«Нигде немецко-славянская борьба не находится в таком разгаре, как именно в Чехии», — отмечает корреспондент «Голоса» из Праги¹⁴¹. «В Чехии обитают два народа, находящиеся всегда на «военном положении» и ведущие беспрестанно самую горячую национальную борьбу...», — писал корреспондент «Голоса» из Вены¹⁴².

Из всего изложенного выше понятна борьба немецкой буржуазии за сохранение своего господствующего положения в чешских землях и понятно также, почему на уступки чехам австрийские немцы реагировали резче, чем на уступки, сделанные другим национальностям монархии¹⁴³.

В самих чешских землях в то время немецко-шовинистические группировки возглавляли не пангерманцы-шённерианцы, а националисты более умеренного толка.

Австрийские пангерманцы были популярны лишь в некоторых городах Чехии, в частности Либерце (Рейхенберге)¹⁴⁴. В этом отношении представляет интерес письмо К. Фогельзанга к графу Белькреди (оба представители клерикально-консервативного направления), касающееся возможности налаживания контактов с Шённерером для совместной борьбы с либералами.

«В качестве вознаграждения можно было бы ему (Шённереру. — Н. Р.), — пишет Фогельзанг, — помочь на-

¹⁴¹ «Голос», 29 марта (9 апреля) 1882. Заграничные известия. Прага.

¹⁴² «Голос», 25 декабря 1882 (6 января 1883). Заграничные корреспонденции. Вена.

¹⁴³ Когда в конце 60-х годов польский язык был признан внутренним языком суда- и делопроизводства в Галиции, то это не вызвало особого шума среди немецко-австрийской бюрократии (E. Zöllner. Op. cit., S. 415; H. Hantsch. Op. cit., S. 410—411).

¹⁴⁴ Бахман, конечно, несколько преувеличивает, указывая, что до 1914 г. немецкое население Чехии в основном отвергало радикальные партии, в том числе и Шённерера (H. Wachsman. Op. cit., S. 216). Молиш указывает, что Шённерер и его сторонники преуспевали тогда главным образом в Нижней Австрии (P. Molisch. Op. cit., S. 115, 123). Метниц также считает, что Шённерер имел сторонников тогда главным образом в Вене и Нижней Австрии (G. A. Metniz. Op. cit., S. 107, 112). Просматривая немецко-шовинистическую прессу того времени, о которой мы находим подробные сведения у Гервига, убеждаешься, что в эти годы шённерианцы не были сильны в чешских землях (Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 2, S. 66—72, 143—148).

ладить связи в Северной Чехии для того, чтобы он смог там победить общего врага — «либералов». Но Шёнерер ответил, что в дела «Северной Чехии он, наоборот, не имеет никакого желания вмешиваться; он очень отрицательно отзывался о тамошних немцах»¹⁴⁵.

Таким образом, к концу 70-х — началу 80-х годов пангерманцы в основном находили поддержку в Нижней Австрии; в чешских землях, будущей цитадели пангерманизма, они, как видно из всего изложенного выше, тогда большим влиянием не пользовались.

Причины малой популярности Шёнерера в рассматриваемый отрезок времени кроются, на наш взгляд, в прогерманской, пропрусской ориентации шёнерианцев, отчетливо выкристаллизовавшейся уже в то время. Интересы, как экономические, так и политические, австро-немецкой буржуазии были связаны с Австрией, с Габсбургской монархией, идея «аншлюса», к которому в конечном итоге стремился Шёнерер, была тогда малопопулярна.

Резкое обострение национальных противоречий, толчком для которого был «славянский» курс политики Тааффе, приблизило в последующие годы к Шёнереру те группы капиталистов Австрии, и в особенности Чехии и Моравии, экономические интересы которых не особенно страдали от конкуренции германских товаров и которые поэтому для борьбы со своими чешскими конкурентами были не прочь позвать на помощь «Великую Германию».

Усиление австрийского пангерманизма в конце 70-х — начале 80-х годов. Попытки образования самостоятельной партии и выработки программы. В 1879—1882 гг. в связи с переменами внутриполитического курса в Австрии активизируются немецкие шовинисты, в частности австрийские пангерманцы. В эти годы, предшествующие выработке Линцской программы (1882 г.) — первой официальной программы австрийских пангерманцев, шовинисты Австрии делают попытки порвать в организационном отношении с либералами, образовать свою самостоятельную партию и выработать свою программу.

¹⁴⁵ «Briefe zur deutschen Politik...», S. 296 (Karl von Vogelsang an den Grafen Egbert Belkredi, 17.XII 1887, Wien).

В связи с политикой Тааффе в самой Конституционной партии активизируются более резко выраженные шовинистические элементы. Ее руководство, которое шовинисты бесосновательно упрекали в каком-то национальном нигилизме, также очень резко реагировало на изменение правительственного курса, и вопрос о «защите» австрийских немцев от так называемого славянского «натиска» не сходил с повестки дня.

Не пожелав (что не обошлось без борьбы мнений внутри партии) сотрудничать с правительством Тааффе, большинство Конституционной партии перешло в оппозицию к правительству.

Руководство партии хотело консолидировать свои силы и боролось со всяческими проявлениями оппозиции в самой партии. К пангерманцам типа Шёнерера либералы всегда относились крайне враждебно¹⁴⁶. Но и более умеренные, чем шёнерианцы (например, Фридьонг), вызывали их недовольство. «Это немецко-националистическое движение,— писал Эрнст Пленнер, один из лидеров либералов, в октябре 1881 г. отцу Игнацу Пленнеру, также известному политическому деятелю либеральной партии,— заглушает каждое разумное решение, оно утихнет само по себе в течение нескольких лет...»¹⁴⁷

Либеральное большинство почти всегда отклоняло предложения, исходящие от шёнерианцев и близких им политических деятелей, а в таких предложениях в 1879—1882 г. не было недостатка.

В предвыборных воззваниях, на предвыборных собраниях (в 1879 г. состоялись выборы в рейхсрат), на парттайтагах Конституционной партии отчетливо звучат требования немецких шовинистов.

Уже 8 июня 1879 г. Шёнерер выступает на 4-м нижнеавстрийском парттайтаге в Сен-Пельтене¹⁴⁸, в это же вре-

¹⁴⁶ P. Molisch. Op. cit., S. 111—113, 116; Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 1, S. 94—95, 97.

¹⁴⁷ «Briefe zur deutschen Politik...», S. 290.

¹⁴⁸ Herwig (E. Pichl). Op. cit., B. 1, S. 91—92; P. Molisch. Op. cit., S. 107—108. Изложение Молиша и Гервига несколько разнятся: так Молиш указывает, что Шёнерер уже в Сен-Пельтене требовал «особого положения» для Галиции, у Гервига этого нет. Вероятно, прав Герwig, потому что в предвыборном воззвании Шёнерера, опубликованном в это же время, это требование отсутствует.

мя он опубликовывает свое предвыборное воззвание «Моя программа»¹⁴⁹, 6 октября 1879 г. Шёнерер выступает со своими предложениями на собрании Конституционной партии¹⁵⁰.

Шёнерер снова яростно нападает на «ненациональный капитал, биржевых либералов», которые, мол, совместно с правительством несут ответственность за тяжелое положение трудового народа. Следует напомнить, что в понятие «трудового народа» у Шёнерера укладываются как различные группы буржуазии и помещиков, так и ремесленники, крестьяне и рабочие.

Таким образом, он, как и прежде, выступает от имени тех группировок австро-немецкой буржуазии, которые хотят побить своего конкурента и врага — часть финансовой и торгово-промышленной олигархии, представляющей интересы крупной австрийской буржуазии еврейской и немецкой национальности.

Но если до 1879 г. Шёнерер требовал (не конкретизируя) расширения избирательного права, то на партайтаге в Сен-Пельтене (июнь 1879 г.) он уже требует введения всеобщего, прямого и равного избирательного права, что, однако, не находит тогда поддержки у остальных участников партайтага. Это требование было для него лишь избирательным маневром, который должен был помочь «демократу» Шёнереру в борьбе с другими кандидатами.

Когда Шёнерер убедился, что он и его сторонники не находят понимания у большинства либералов, что им не удастся на базе Конституционной партии сплотить «национально мыслящие» элементы, он берет курс на разрыв и на создание своей самостоятельной партии.

После выборов 1879 г. Шёнерер в рейхсрате образует свою партию, вернее группку, носящую вызывающее название «Партия двух человек». Партнером Шёнерера был депутат рейхсрата от нижнеавстрийского округа¹⁵¹ Фюрнкранц.

¹⁴⁹ Полный текст см.: Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 1, S. 83—85; H. Schnee. Op. cit., S. 122—125. Шнее приводит высокую оценку, которую дал этому предвыборному воззванию национал-социалист судетский немец Ганс Кребс.

¹⁵⁰ Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 1, S. 92—93; P. Molisch. Op. cit., S. 109.

¹⁵¹ H. Schnee. Op. cit., S. 11.

В январе 1881 г. Шёнерер и его единомышленники опубликовывают воззвание программного характера¹⁵². В этом воззвании отчетливо звучит призыв к объединению всех «национально мыслящих немцев» Австрии в одну партию.

Каковы основные требования Георга Шёнерера, который тогда еще в основном отражал взгляды большинства шовинистов Австрии?

В воззвании 1881 г. «Немецким соплеменникам», которое было выпущено от имени Шёнерера и его, как указывает Гервиг, «многочисленных сторонников»¹⁵³, выкристаллизовываются те национально-политические требования, которые потом составят основу Линцской программы.

В воззвании указывается, что пришло время организовать самостоятельную национальную партию, «независимую партию с чистыми руками и сердцами, чувствующими честно, по-немецки».

Следует отметить, что и здесь, как и в выступлениях предшествующих лет, национально-политические требования тесно связаны с социальной демагогией. Шёнерер выступает как «защитник» интересов народа в отличие от либералов, которые, дескать, преследуют свои личные, корыстные цели.

Корреспондент «Голоса», перечисляя социально-экономические требования, носящие, по его мнению, демократический характер, пишет: «...Словом, предметы все самые радикальные». Но вместе с тем корреспондент прекрасно раскусил этот «демократизм», целью которого является укрепление немецкого господства в Австрии. «Вообще, программа его в высшей степени оригинальна и, не в обиду будь сказано этому демократу, чисто немецкого пошиба, наполнена противоречиями... Если же г. Шёнерер полагает, что одни только «культурные» немцы имеют привилегию на эту свободу, то, значит, он вполне согласен со своими «богемскими» единомышленниками,

¹⁵² Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 1, S. 100—103. Полный текст воззвания «Deutsche Stammesgenossen»; H. Schnee. Op. cit., S. 126—127, сокращенный текст.— «Голос», 8 (20) января 1881. Заграничные известия. Вена. Корреспондент излагает содержание этой программы (так он называет воззвание), приводит выдержки из нее.

¹⁵³ Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 1, S. 100.

ведущими с чехами борьбу на жизнь и смерть из-за этой «привилегированной» свободы. Не удивительно поэтому,— замечает корреспондент,— если немцы не увлекаются его красивыми фразами, хотя и принимают многие пункты выставленной им программы»¹⁵⁴.

Надо подчеркнуть, что если в воззвании 1881 г. в социально-экономических требованиях Шённерера мы не находим ничего по сравнению с тем, за что ратовал он в предшествующие годы, то в национально-политических появляются два новых и в высшей степени важных момента: требование «особого положения» Галиции, Буковины и Далмации и требование объявления в законодательном порядке немецкого языка государственным языком в Цислейтании.

Если о государственно-правовом оформлении союза с Германией Шённерер не перестает говорить все предшествующие годы, то вопрос о выделении Галиции, Буковины и Далмации он тогда почти не ставит, вернее, не акцентирует на нем внимание. Уже в программах Крикля и Штрогала выставляется это требование; Шённерер же об «особом положении» Галиции, Буковины и Далмации в полный голос заговорил именно теперь, в 1881 г., после прихода к власти в Австрии «славянофильского» министерства Тааффе, после своего окончательного разрыва с либералами.

Какую же цель преследовал Шённерер, включая требование «особого положения» для этих трех славянских областей? Да только одну: создать такую Австрию, в которой австрийские немцы при всех обстоятельствах составляли бы пусть незначительное, но все же большинство населения, получили бы большинство в парламенте и тем самым господствующее положение австро-немецкой буржуазии и помещиков было бы гарантировано. Показательно, что вопрос о всеобщем избирательном праве Шённерер также тесно связывает с требованием «особого положения»¹⁵⁵. В необходимости создания такой Австрии

¹⁵⁴ «Голос», 8 (20) января 1881. Заграничные известия. Вена.

¹⁵⁵ На это обстоятельство обращает внимание Молиш (P. Molisch. Op. cit., S. 107—108). Заметим, что в 1906 г. Шённерер выступает против всеобщего избирательного права: он понимает, что без «особого положения» оно принесет усиление славянским народам монархии.

были согласны как Шёнерер, так и другие шовинисты более умеренного толка, вскоре отошедшие от пангерманцев-шёнерианцев.

В воззвании 1881 г. «особое положение» понимается в том смысле, что эти области (Галиция и Буковина) получают автономию в составе Цислейтании на таких же правах, как Хорватия в Венгрии; причем указывалось, что эти автономные области не должны вмешиваться во внутренние австрийские дела.

Выделение Галиции преследовало также цель воспрепятствовать возможности создания славянского блока внутри Австрии и столкнуть поляков с другими славянскими народами монархии.

Мы говорили, что наряду с чехами поляки были самым многочисленным славянским народом в Цислейтании, но, в отличие от чешских земель, немцев в Галиции было очень немного и в Галиции как таковой австрийские немцы в общем-то не были заинтересованы.

«Особое положение» Галиции путем предоставления ей автономии не было «громом среди ясного неба», а было логическим завершением той политики в отношении Галиции, которую именно в целях разобщения австрийских славян стало с конца 60-х годов проводить австрийское правительство. Ганч откровенно замечает, что то обстоятельство, что в Галиции украинцы были отданы во власть польской шляхты, мало кого интересовало. Автономия Галиции была, мол, платой за то, что в рейхсрате польские депутаты стали поддерживать правительство¹⁵⁶.

Выставление пангерманцами требования «особого положения» Галиции, которое было и оставалось очень долгое время основным пунктом их программы, конечно, носило элементы заигрывания с польскими помещиками. Это не скрывал сам Шёнерер, когда, выступая много лет спустя на собрании «Союза немецких сельских хозяев», указывал, что целью «особого положения» было добиться отхода поляков от остальных австрийских славян¹⁵⁷.

¹⁵⁶ Н. Н a n t s c h. Op. cit., S. 410.

¹⁵⁷ UDW, 1899, № 5, S. 55; возможность путем «особого положения» не допустить объединения австрийских славян хорошо понимал австрийский реакционный историк В. Библь (V. Bibl. Der Zerfall Österreichs. Bd. 2. Von Revolution zur Revolution (1848—1918). Wien — Berlin, 1924, S. 373).

✓ Для шёнерианцев с их расоненавистничеством все славяне были людьми низшего сорта. Но в той конкретной исторической обстановке классовые интересы немецких господствующих классов требовали сосредоточения сил против чехов, их изоляции путем нейтрализации поляков. «Мы бы смогли тогда (в случае отделения Галиции.— Н. Р.) дать отпор чехам, скрутить их в бараний рог»,— так много лет спустя раскрыл сущность отделения Галиции шёнерианец депутат Тюрк¹⁵⁸.

Несколько сложнее был вопрос о Далмации. После 1867 г. Далмация находилась под управлением Австрии, однако Венгрия и Хорватия претендовали на нее¹⁵⁹. Как для Австрии, так и для Венгрии несомненно имело значение географическое положение прибрежной Далмации.

Вполне закономерно, что вопрос о выделении Галиции, Буковины и Далмации Шёнерер ставил со всей силой именно теперь, когда правительство Тааффе начинает проводить политику «мелких уступок», политику «примирения» со славянами, в первую очередь речь идет, конечно, о чехах. Ведь по существу «особое положение» всем своим острием направлено против них. Раньше Шёнерер не акцентировал внимания на этом вопросе, потому что либеральное правительство, которое он и ему подобные не переставали обвинять в «отсутствии национальных чувств», твердо стояло на страже интересов австрийских немцев, как господствующей нации, чешские депутаты отсутствовали в рейхсрате и ни о каких уступках чехам либеральное министерство Ауэрсперга и не помышляло.

Требование объявить немецкий язык в законодательном порядке государственным языком в Австрии, которое выдвигалось немецкими шовинистами 60-х годов — Криклем и Штрогалем, Шёнерер в 70-х годах обходит молчанием как в рейхсрате, так и вне его.

Оно было вновь выдвинуто в январском воззвании

¹⁵⁸ UDW, 1899, № 22, s. 261.

¹⁵⁹ Спустя много лет в отчете о 3-м очередном собрании Пангерманского союза в Майнце указывалось, что в вопросе «особого положения» Далмации мнения расходятся, так как Далмация обладает очень важными морскими портами; вопрос, мол, о Далмации тесно связан с окончательным решением вопроса о Боснии и Герцеговине и во всяком случае Далмация «для современного парламентаризма еще не созрела» (AB, 17.VI, 1900, S. 246; E. Zöllner. Op. cit., S. 413).

1881 г.¹⁶⁰, и с тех пор стало обязательной частью всех дальнейших программ австрийских пангерманцев.

Вновь актуальным и острым сделали этот вопрос распоряжения Тааффе о языке. Теперь непременным требованием пангерманцев стало именно объявление немецкого языка государственным языком в Цислейтании. И все время они припоминали как промах либерального министерства, как доказательство его «инертности» то, что оно в свое время не узаконило немецкий язык в качестве государственного языка страны¹⁶¹.

Старым в воззвании 1881 г. остается требование теснейшего союза с Германской империей. «Мы должны,—говорится в воззвании,—считать своей национальной обязанностью укреплять с помощью законов союзное сообщество наше с Германией, с которой нам следует восстановить органически-государственные отношения...»¹⁶² Здесь Шёнерер не говорит так резко, как иногда он позволял себе в выступлениях в рейхсрате, о слиянии Австрии и Германии как о конечной цели своей политики.

Шёнерер, очевидно, считал в этот момент уместным не выпячивать свои антигабсбургские настроения, считаясь с тем, что его прогогенцоллерновские взгляды оттолкнут от него других немецких шовинистов — «патриотов» Австрии.

Лозунг тесного союза с Германией, соответственно оформленного (мы говорили выше, как шёнерианцы представляли себе это оформление), дополняется лозунгом торгового и таможенного соглашения, за которое и раньше ратовал Шёнерер.

Заметим, что это — таможенная уния и соответственные торговые соглашения — является основой основ всей политики австрийских пангерманцев, целью которой в конечном счете должен быть аншлюс.

В этом воззвании нет специального пункта, направленного против евреев, хотя антисемитизм, как и прежде, совсем не скрывается Шёнерером.

¹⁶⁰ Интересно, что в воззвании упоминается о законном праве на существование обиходного языка данного округа.

¹⁶¹ Стоит отметить, что именно либерал Вурмбрандт в ответ на постановление Тааффе поставил в рейхсрате вопрос о немецком языке как государственном языке Австрии.

¹⁶² Цитируем по тексту, опубликованному в «Голосе».

Антиславянская направленность воззвания не вызывает сомнения ¹⁶³, но здесь нет резких и грубых наскоков, которые потом станут характерными для австрийских пангерманцев. Однако борьба со славянством для «защиты» немецкого народа, которому, мол, «угрожает» славянское иго, составляет лейтмотив воззвания.

По словам Гервига, буржуазная либеральная австро-немецкая пресса обрушилась на воззвание, иронизируя; почему, собственно Шёнерер не требует полного присоединения Австрии к Германии, ведь он по сути своим требованием теснейшего союза ставит Австрию на одну доску с Баварией ¹⁶⁴.

Некоторые органы официальной австрийской печати, по словам корреспондента «Голоса», хотели найти в программе Шёнерера государственную измену, утверждая, что он «...зарекомендовал себя публично плохим патриотом» ¹⁶⁵. А «Kölnische Zeitung» откликнулась на воззвание Шёнерера статьей, автор которой, в целом одобряя воззвание, упрекал Шёнерера в утопичности; по мнению газеты, установление «государственно-правового органического отношения «между обеими странами можно воспринимать только... как музыку будущего» ¹⁶⁶.

Примерно в то же самое время, в ноябре 1880 г., наряду с Шёнерером с проектом организации своей независимой от либералов партии выступает другой австро-немецкий шовинист, близкий тогда к Шёнереру, историк и общественный деятель Генрих Фридьюнг ¹⁶⁷. Программа ¹⁶⁸, с которой он выступил на партайтаге Конституционной партии в конце 1880 г., заслуживает внимания, во-первых, потому, что Фридьюнг стал в дальнейшем одним из авторов Линцской программы, во-вторых, потому, что сравнение обоих документов — воззвания Шёне-

¹⁶³ «Голос», 8 (20) января 1881. Заграничные известия. Вена.

¹⁶⁴ Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 1, S. 103.

¹⁶⁵ «Голос», 8 (20) января 1881. Заграничные известия. Вена.

¹⁶⁶ Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 1, S. 103.

¹⁶⁷ Очень красочную характеристику Фридьюнгу дает в своей книге Фукс, который отрицательно относится к Фридьюнгу, как ярко выраженному шовинисту (A. Fuchs. Op. cit., S. 17—20).

¹⁶⁸ Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 1, S. 104—105; P. Molisch Op. cit., S. 111; G. Metnitz. Op. cit., S. 107; A. Fuchs. Op. cit. S. 179.

рера и программы Фридъюнга — покажет два пути, по которым пошло в дальнейшем немецко-шовинистическое движение в Австрии: пангерманский и проавстрийский.

Что объединяло обе программы?

Требования выделения Галиции, Буковины и Далмации из Австрии, расширения избирательного права, объявления немецкого языка государственным языком в Цислейтании, установления теснейшего союза с Германией и ряд других; в социально-экономическом отношении — «забота» о «маленьком человеке».

Отличие, и отличие на наш взгляд весьма существенное, заключалось главным образом в проавстрийской направленности программы Фридъюнга, он твердо стоит на позициях необходимости существования Австро-Венгерской монархии как равноправного союзника Германской империи, на позициях признания дуализма.

Так, Фридъюнг не требует отмены австро-венгерского соглашения 1867 г. и установления личной унии Австрии с Венгрией. Он говорит только о необходимости усиления государственно-правового положения Австрии в двуединой монархии путем отмены института делегаций и передаче их функций парламентам, что, как указывает Фридъюнг, без сомнения поднимет влияние австрийского рейхсрата на внешнюю политику страны.

Фридъюнг в своей программе считает необходимым заменить официальное, но несколько туманное название Цислейтании «...представленные в рейхсрате королевства и земли...» названием «Австрия», в котором, по его мнению, найдет выражение единство этой части монархии.

И, наконец, параграф 8 программы, гласящий: «Так же нерасторжимо, как с судьбами немецкой нации, благодаря долгой и славной истории немцы Австрии связаны с судьбой австро-венгерской монархии». Ничего подобного мы в воззвании Шёнера не находим.

Если Шёнере считает таможенный союз Австрии с Германией лишь первым этапом своей пангерманской политики, задачей ближайшего будущего, то для Фридъюнга таможенный союз — конечная цель, для осуществления которой следовало провести ряд мер (например, унификацию экономической политики, железнодорожного транспорта и т. п.).

Фридьонг подчеркивает «правомерность стремления народов Балканского полуострова к политической самостоятельности», рекомендует Австро-Венгрии проводить «дружелюбную» политику в отношении их, так как такая политика скорее склонит их к присоединению «к великому средневропейскому союзу». Цель Шёнерера и Фридьонга в общем одна: подчинить балканские страны германским и австрийским капиталистам, но методы различны. Шёнереру и в голову не приходит, пусть на словах, считаться с маленькими, к тому же еще славянскими народами. Фридьонг ту же империалистическую политику считает нужным замаскировать красивыми фразами.

В отличие от Шёнерера, очень подробно останавливающегося в своем воззвании на социально-экономических вопросах, Фридьонг касается их в своей программе только бегло. Шёнерер играет в демократа, социальная демагогия — основа его пропаганды; Фридьонга, выступающего на собрании либералов, очевидно, эти сюжеты не привлекают.

Фридьонг не так резко нападал на «биржевых либералов», которые всегда служили объектом нападок Шёнерера.

Но ни программа Фридьонга, ни его предложения о создании партии не нашли отклика среди большинства Конституционной партии. И «молодые», оппозиционно относящиеся к руководству, в данном вопросе не поддерживали Фридьонга и его сторонников. Попытки расколоть Конституционную партию терпят неудачу. Руководство партии, поддерживаемое большинством, не склонно идти на примирение даже с немецкими шовинистами более умеренного толка, каким был тогда Фридьонг.

В начале 80-х годов в руках Шёнерера и других австрийских пангерманцев уже имеются определенные средства агитации.

По-прежнему студенчество и его организации являются наиболее активными проводниками их взглядов¹⁶⁹. Большую работу в этом направлении проделывают соз-

¹⁶⁹ В 1882 г. начинает издаваться как приложение к журналу «Deutsche Worte» журнал «Studentische Beilage», который большинство студенческих немецко-шовинистических корпораций признает своим органом (H e r w i g (E. Pichl). Op. cit., Bd., 2, S. 58).

данные шовинистами «Немецкий клуб»¹⁷⁰ и «Немецкое школьное общество»¹⁷¹.

В 1880 г. Шёнерер на свои средства начинает издавать журнал «Deutsche Worte»¹⁷², который становится рупором австрийских пангерманцев. Официальным издателем и редактором этого издания становится сторонник Шёнерера, в будущем видный деятель австрийской социал-демократии Э. Пернерсторфер.

Попытки Шёнерера и его единомышленников создать свою независимую от либералов политическую организацию приводят к образованию «Немецко-национального союза», учредительное собрание которого состоялось 2 июня 1882 г. в Вене¹⁷³. «Немецко-национальный союз» был как бы зародышем будущей пангерманской партии в Австрии.

¹⁷⁰ Основанное в январе 1880 г. в Вене «Немецкое общество читателей» вскоре переименовывается в «Немецкий клуб», который не надо смешивать с возникшей в 1885 г. парламентской фракцией, носившей такое же название. Активное участие в его организации и работе принимает в то время лично Шёнерер. «Немецкий клуб» становится центром немецких шовинистов Австрии. Его членами тогда были Пернерсторфер, Фридьонг, Адлер, Штейнвендер и др. (Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 1, S. 99, 105; G. Metniz, S. 108; «Голос», 11 (23) июня 1882. Заграничные известия. Вена).

¹⁷¹ Основано в мае 1880 г. в Вене (Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 1, S. 99). «Отделение этого национального ферейна (речь идет о «Немецком школьном обществе». — Н. Р.) существует также в Австрии, где, как известно, немецкая национальность также «страшно угнетена». Во главе австрийского ферейна стоят Вейтлоф и Шёнерер». Далее корреспондент, называя Шёнерера культуртрегером и славяноедом, пишет: «...Имя Шёнерера сделалось у австрийских славян едва ли не нарицательным». — «Голос», 12 (24) апреля 1882. Заграничные известия. Пешт.

¹⁷² Первый номер журнала вышел 1 мая 1880 г. См.: Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 1, S. 106. Когда летом 1883 г. Пернерсторфер разошелся главным образом на почве антисемитизма с Шёнерером и его сторонниками, то Шёнерер приступил к изданию другой газеты «Unverfälschte deutsche Worte», которая стала выходить с 1 июля 1883 г. Основной задачей газеты было совершенное неумное прославление пангерманизма и лично Шёнерера (Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 2, S. 57—58; H. Schnee. Op. cit., S. 13).

¹⁷³ «Немецко-национальный союз» долго не мог конституироваться из-за препятствий, чинимых властями. Его первым старостой стал Пернерсторфер (Herwig (E. Pichl). Op. cit., Bd. 1, S. 106). «Союз» был политической организацией, пропагандирующей идеи Шёнерера в народе (H. Schnee. Op. cit., S. 13).

Тем же летом 1882 г. с проектом создания новой партии в Австрии, отличной от Конституционной партии, выступает известный австрийский общественный деятель Адольф Фишгоф, проекты которого о федералистическом переустройстве монархии известны уже в 60-х годах. Главным противником его политики «примирения» выступает «Немецко-национальный союз» Шёнерера.

Концепция Фишгофа сводилась по сути к сохранению и укреплению Австрии, которого он хотел достичь, консолидировав господствующие классы многонациональной Габсбургской монархии, путем каких-то уступок ненемецким национальностям.

Фишгоф предлагает увеличить автономию отдельных земель, гарантировав в них отдельным национальностям соответствующие права¹⁷⁴. Но тогда в связи с усилением национализма и эти требования Фишгофа казались шовинистам всех мастей неприемлемыми. Однако не следует преувеличивать «либерализм» Фишгофа в национальном вопросе. Он и не думает скрывать, что считает немцев выше остальных народов и что в Австрии их, по его мнению, моральное превосходство дает им более прочные гарантии, чем искусственно приобретенное большинство в парламенте. «...При помощи германизации не выполняет немец свою культурную миссию, а только пробуждает ненависть других народов и помогает целям России»¹⁷⁵.

На примере Фишгофа мы видим, что среди австрийских немцев-либералов существовало течение, вероятно немногочисленное, которое считало нужным для сохранения и укрепления австрийской монархии договориться с буржуазией славянских народов, установив взаимоприемлемое статус-кво. Как видно из приведенных выше высказываний Фишгофа, немаловажную роль в этом играла боязнь панславизма.

¹⁷⁴ Свои взгляды Фишгоф очень обстоятельно изложил в книге «*Österreich und die Burgschaften seines Bestandes. Politische Studie*» (3. Auflage. Wien, 1870); уже неоднократно цитируемый нами корреспондент «Голоса» благожелательно относится к Фишгофу, не скупясь на похвалы. См.: «Голос» №10 (22 июля) 1882. Заграничные известия. Вена; 6 (18) июля 1882. Заграничные известия. Вена; 11 (23) мая 1882. Заграничные известия. Вена,

¹⁷⁵ A. Fischhof. Op. cit., S. 104—105.

Мы знаем, что такие попытки «примирения» делались также и со стороны чехов, в частности лидером буржуазно-консервативной партии старочехов Ригером летом 1878 г., когда стал очевидным кризис либерального министерства. Интересно, что Ригер тогда хотел найти общий язык с кем-то из австрийских либералов, чтобы с их помощью начать переговоры с немецкой буржуазией чешских земель. Тогда посредником выступил тот же Адольф Фишгоф, но безуспешно, так как один из руководителей чешских немцев либерал Гербст, сначала согласившись на переговоры с Ригером, потом сорвал их¹⁷⁶.

Но Фишгоф и его сторонники не отступали от своих планов. Может быть, в ответ на усиление в начале 80-х годов пангерманского направления среди австрийских шовинистов активизировались и они. Во всяком случае заслуживает внимания тот факт, что в 1882 г. сторонники Фишгофа выступили с проектом организации новой партии — «Немецкой народной партии». Интересно совпадение названий, ведь Шённерер и его «Немецко-национальный союз» также ратовал за создание партии, носящей такое же название.

Большое внимание как самому Фишгофу, так и попыткам организации новой партии уделила русская пресса, в частности газета «Голос». В передовых и корреспонденциях из Вены она подробно информирует русского читателя о всех перипетиях борьбы, положительно оценивает попытки создания партии «примирения», правда, высказывая сомнения в возможности, в данных условиях, добиться успеха¹⁷⁷.

Намерения Фишгофа вызывают бурную реакцию со стороны шённереровского «Немецко-национального сою-

¹⁷⁶ Активно участвовал в этих переговорах главный редактор влиятельнейшей газеты австрийских либералов «Neue Freue Presse» Этьен (Z. Tobolka. Politické dějiny..., D. 2, str. 386; «Přehled», D. 2, sv. 1, str. 600; «Голос», 11 (23) мая 1882 г. Заграничные известия. Вена).

¹⁷⁷ «Голос», 11 (23) июля 1882. Санкт-Петербург; см. также: «Голос», 19 апреля (1 мая) 1882. Заграничные известия. Вена; 11 (23) мая 1882. Заграничные известия. Вена. Сообщается о подготовительной работе по организации новой партии; «Голос», 16 (28) мая 1882. Заграничные известия. Вена; 19 (31) мая 1882; 11 (23) июня 1882. Заграничные известия. Вена. «...Народная партия не имеет прочного настоящего, хотя будущее, без сомнения, принадлежит именно подобной партии».

за». Еще 28 июня 1882 г. Союз выпускает специальное заявление, в котором указывается, что немецкая Народная партия была создана Шёнерером и его сторонниками еще в конце 1880 г., что «...в политических кругах было хорошо известно, что существует немецкая Народная партия, было хорошо известно и ее название и основные положения ее программы, ...было известно, что эта партия представлена в рейхсрате Шёнерером и Фюрнкранцем и что большинство населения Верхней и Нижней Австрии и значительная часть свободомыслящих немцев в других провинциях признает ее принципы»¹⁷⁸. Все это не соответствовало действительности. Ведь все время Шёнерер вел речь еще только о необходимости организации такой партии¹⁷⁹.

Очевидно, Шёнерер, Фридьонг и другие австрийские пангерманцы не без основания усмотрели в намерении Фишгофа угрозу своим планам, потенциальную возможность уменьшения числа своих сторонников и т. п. и решили всеми силами противодействовать этому.

Надо отметить, что Конституционная партия так же восприняла попытки Фишгофа в штыки и всячески старалась помешать Фишгофу созвать в Вене собрание, посвященное вопросу создания новой партии. В этом смысле она как бы солидаризировалась с «Немецко-национальным союзом» Шёнерера.

Все эти распри привлекли внимание корреспондентов «Голоса». «Различие и подчас даже прямая противоположность интересов обнаруживаются не только между двумя главными элементами империи, немцами и славя-

¹⁷⁸ Полный текст заявления см.: Негwig (E. Pichl). *Op. cit.*, Bd. 1, S. 106—108; на собрании «Немецко-национального союза» 18 января 1884 г. Шёнерер продолжает утверждать, что еще в ноябре 1880 г. была создана «в узком кругу единомыслящих людей под моим влиянием» немецкая Народная партия (Негwig (E. Pichl). *Op. cit.*, Bd. 3, S. 146).

¹⁷⁹ В цитированном нами выше воззвании Шёнерера (январь 1881 г.) говорится, что надо «...сделать возможным организацию национальной партии». См.: Негwig (E. Pichl). *Op. cit.*, Bd. 1, S. 100; Молиш, переходя к характеристике Линцской программы, пишет, что теперь (лето 1882 г.—*Н. Р.*), когда стало ясно, что с Конституционной партией ничего не выйдет, встал вопрос о создании немецконациональной партии под руководством Шёнерера, для которой надо было выработать программу (Р. Молиш. *Op. cit.*, S. 118).

нами, но даже между немцами и немцами, славянами и славянами. Немцы Шённереровского пошиба преследуют цели, прямо противоположные целям немцев лагеря Фишгофа и Вальтерскирхена»¹⁸⁰.

Когда 16 июля 1882 г. в Вене состоялось большое собрание, на котором с речью выступил престарелый Фишгоф, то собрание это не могло быть доведено до конца из-за скандала, который учинили присутствующие на нем сторонники Шённерера. В «Голосе» очень красочно и подробно описывалось это собрание, причем сочувствие корреспондента всецело на стороне Фишгофа. «...Естественно, что подобное собрание явилось бельмом на глазу всех немецких шовинистов, кричащих денно и нощно об угнетении немецкой национальности и проповедующих борьбу со славянами *bis auf's Messer*. Эти матадоры постарались поэтому, чтобы собрание приняло скандальный характер... собрание, действительно, окончилось скандалом, произведенным сотней ультранемецких крикунов...»¹⁸¹.

В это же время летом 1882 г. Шённерер и его единомышленники приступают к выработке программы, а в сентябре 1882 г. программа эта, получившая название Линцской, была опубликована в журнале Шённерера — Пернерсторфера «*Deutsche Worte*».

Мы не останавливаемся здесь подробно на Линцской программе, так как она по сути только суммировала те программные положения, которые были выработаны Шённерером и его сторонниками в предшествующее десятилетие и о которых речь шла выше.

Вместе с тем мы не думаем преуменьшать значение Линцской программы как первой официальной, если можно так выразиться, программы австрийских пангерманцев, оказавшей большое влияние на дальнейшее развитие австрийского пангерманизма¹⁸².

¹⁸⁰ «Голос», 25 декабря 1882 (6 января 1883). Заграничные корреспонденции. Вена; 3 (15) мая 1882. Заграничные известия. Прага.

¹⁸¹ «Голос», 12 (24) июля 1882. Заграничные известия. Вена. Приводятся также выдержки из выступления Фишгофа на собрании (там же, 11 (23) июля 1882. Санкт-Петербург). Очень подробное описание собрания 16 июля (там же, 6 (18) июля 1882. Заграничные известия. Вена).

¹⁸² N. D. Ratner. Program pangermanistów austriackich uchwalony w Linz w 1882 г.— «Przegląd Zachodni», 1964, № 5—6.

Линцская программа долгое время, ещё в первом десятилетии XX в. оставалась программой австрийских пангерманцев, признанной и одобряемой Пангерманским союзом Германской империи. Следует указать, что и другие течения немецких шовинистов Австрии также во многом исходили из основных положений Линцской программы. Линцская программа определила основные направления пангерманской идеологии; социальная демагогия австрийских пангерманцев, на которой мы подробно останавливались выше, нашла в Линцской программе очень яркое выражение.

Такова была национально-политическая платформа австрийских пангерманцев к началу 80-х годов, когда они пытались конституировать свою партию и выработали свою программу.

И хотя шёнерианцы в общем-то в политической жизни монархии существенной роли не играли, но в тяжелые для нее времена — во времена обострения национальных противоречий — всегда выплывали на поверхность, активизировались и усиливались.

Преследуя свои определенные пангерманские цели, направленные по сути на расчленение многонациональной монархии, шёнерианцы не хотели уменьшения национальных противоречий. В их интересах было не снижение напряженности, а накал национальных страстей и обострение в связи с этим обстановки в стране.

И не случайно, что оформление этого течения падает на первые годы деятельности правительства Тааффе, заигрывавшего с имущими классами чешской национальности и с этой целью издавшего свои постановления о языках (1880 г.).

Также не случайно, что активизация и усиление австрийских пангерманцев, их выдвижение, пусть на короткое время, на авансцену политической борьбы произойдет опять-таки в период резкого обострения национальных противоречий в Австрии, связанных с изданием правительством Бадени указов о языках (1897 г.), явившихся толчком для взрыва немецко-чешских противоречий, приведших страну к тяжелому внутривнутриполитическому кризису и обратившему на себя внимание Европы.

**Указы о языках в Австрии
в 1897—1899 гг.
и отношении пангерманцев
к борьбе вокруг этих указов**

Внутриполитическая обстановка в Австрии ко времени издания указов Бадени. Когда в апреле 1897 г. министр-президент Австрии граф Казимеж Бадени издал указы о языках для Чехии и Моравии, то в Цислейтании сначала в чешских землях, а затем и в других областях развернулась ожесточенная борьба, захватившая не только господствующие классы, но и широкие слои как австро-немецкого, так и чешского населения Габсбургской монархии.

Немецко-чешские столкновения приняли различные формы: демонстрации, митинги в общественных местах, особенно в высших учебных заведениях и школах, экономический бойкот в отношении своего противника и конкурента (вплоть до увольнения рабочих и служащих), задевавший уже широкие слои трудового населения той и другой национальности, и, наконец, борьба в законодательных учреждениях — австрийском рейхсрате и местных сеймах, на время парализовавшая работу этих учреждений и сделавшая невозможным их нормальное функционирование.

В чем была сущность внутриполитического кризиса в австрийской половине монархии, толчком к которому явились пресловутые указы?

Внутриполитический кризис в Австрии нельзя рассматривать изолированно: он происходил не только на фоне кризиса дуалистической системы, но и в период вступления капитализма в его последнюю империалисти-

ческую стадию развития, когда обострились все противоречия капиталистического общества, в том числе главное — противоречие между трудом и капиталом, когда борьба за завершение раздела и передел уже поделенного мира стала основным фактором в политике великих держав¹.

Переход к империализму в Австро-Венгрии, как и в других странах, характеризуется усилением всех этих противоречий. В Австро-Венгрии рост социально-экономических противоречий обострялся и усугублялся усилением национальных противоречий, издавна характерных для многонациональной монархии. Недовольство широких слоев населения, усиление пролетариата, рост его организованности и классового самосознания вынудили австрийское правительство пойти на уступки и в какой-то, пусть малой степени удовлетворить требование, в выдвижении которого были единодушны широкие круги населения Цислейтании — требование введения всеобщего избирательного права.

В 1896 г. австрийское правительство провело избирательную реформу и, не уничтожив существовавшую в Австрии четырехклассную куриальную систему — основу господства в парламенте крупных земельных собственников и крупной буржуазии, создало пятую курию, избираемую на основе всеобщего избирательного права. Эта куцая реформа, это урезанное всеобщее избирательное право все-таки в известной степени изменило лицо австрийского рейхсрата². В марте 1897 г. состоялись первые выборы по новой системе. Впервые в стенах рейхсрата появились представители социал-демократии, усилились различные мелкобуржуазные элементы, часто очень националистически настроенные³. Правительству прихо-

¹ В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 301—425.

² «Справедливость требует сказать, что граф Бадени сумел ловко окорнать реформу и под соусом всеобщего избирательного права преподнести нечто такое, что лишь в очень отдаленной степени напоминало эту основу всякого демократического государства» (С. Г. Лозинский. Национальный вопрос и политические партии в Австрии. М., 1907, стр. 69).

³ G. Kolmer. Parlament und Verfassung in Österreich, Bd. 6. Wien — Leipzig, 1910, S. 190 u. ff. На стр. 218 приводятся интересные цифровые данные об отдельных группировках австрийского рейхсрата; С. Г. Лозинский. Национальный вопрос и политические партии в Австрии, стр. 69—70.

дилось считаться с изменением социального состава австрийского парламента.

Если с первого взгляда могло показаться, что национальный вопрос в то время являлся главным и определяющим при характеристике событий внутриполитической жизни, то на деле все было гораздо более сложным и запутанным, так как национальный вопрос был составной частью всего сложного комплекса социально-экономических противоречий, раздиравших тогда австро-венгерскую монархию.

Очень трудной проблемой являлись отношения Австрии и Венгрии в системе дуалистической монархии. Эта проблема требует самостоятельного большого исследования и в настоящей работе мы касаемся ее только в той мере, в какой она необходима для понимания рассматриваемой нами темы.

В конце века дуализм в Австрии начал испытывать серьезные затруднения. Австро-венгерское соглашение 1867 г., заложившее основы дуалистической монархии, не ликвидировало, а только на какое-то время отодвинуло сложные политические, социально-экономические и главным образом национальные противоречия Габсбургской монархии, которые вскоре вспыхнули с новой силой⁴.

В 1897 г. должно было быть подписано очередное экономическое соглашение между австрийской и венгерской половинами монархии, подлежащее согласно соглашению 1867 г. возобновлению каждые 10 лет. Подписание натолкнулось на серьезные препятствия. В Австрии и особенно в Венгрии существовала оппозиция против дуализма, главным образом недовольство вызывалось экономической стороной дуалистической системы.

⁴ Т. М. Исламов. Политическая борьба в Венгрии в начале XX в. М., 1959, стр. 10—12, 20—21, 38—41, 57—60. В своей монографии, правда относящейся к более позднему времени, автор дает на наш взгляд правильную характеристику дуалистической системе. Проблема дуализма посвящена работа венгерского историка П. Ханака. См.: P. H a n n a k. Probleme der Krise des Dualismus.— «Studien zur Geschichte der Österreichisch-Ungarischen Monarchie». Budapest, 1961; см. так же: J. M e s a r o š. Kríza dualismu a slovenské národné hnutie v deväťdesiatych rokoch.— «Historický časopis», Bratislava, 1966, № 3; J. K ř í ž e k. La crise du dualisme et le dernier compromis austro-hongrois (1897—1907).— «Historica», XII. Praha, 1966, p. 71—145.

Венгерская и австрийская стороны никак не могли договориться между собой; осложняло дело и то обстоятельство, что соглашение подлежало ратификации обоих парламентов. Венгерские господствующие классы воспользовались фактическим бездействием рейхсрата, ставшего в связи с борьбой против указов Бадени о языках на несколько лет почти неработоспособным, и всячески тормозили подписание соглашения, надеясь сделать его более выгодным для Венгрии. Со своей стороны господствующие классы Цислейтании не хотели идти на уступки Венгрии.

Именно то обстоятельство, что австрийский рейхсрат был не в состоянии принять очередное австро-венгерское экономическое соглашение, превратило кризис из внутреннеавстрийского в кризис всей дуалистической системы. В результате соглашение было подписано только летом 1899 г.

Обострение противоречий между господствующими классами обеих привилегированных национальностей монархии — австрийскими немцами и венграми, с одной стороны, как и между ними и имущими классами угнетенных национальностей, с другой — показали, насколько непрочно дуалистическая система в целом. Причина этого заключалась в том, что исторические условия (социально-экономические, политические и национальные), сделавшие возможным образование в 1867 г. Австро-Венгрии, к концу века изменились.

Усложнял внутривнутриполитическую ситуацию в Австро-Венгрии рост национальных противоречий, которые в этой многонациональной монархии играли очень большую роль, особенно в Цислейтании. Там господствующему положению австро-немецкой буржуазии и помещиков начало серьезно угрожать национальное движение в первую очередь славянских национальностей монархии. Этот процесс, характерный для второй половины XIX в., все усиливался по мере социально-экономического развития отдельных областей Цислейтании, особенно чешских земель. Он вел к укреплению позиций имущих классов угнетенных национальностей, которые естественно стремились занять соответствующее положение в управлении страной.

В Цислейтании тогда особенную активность проявляла молодая чешская буржуазия, тесно связанная с капи-

тализирующимся сельским хозяйством и бывшая самой сильной среди остальных национально-угнетенных буржуазных групп в монархии.

Чешско-немецкие противоречия в землях чешской короны, проявлявшиеся с различной силой уже с времен революции 1848—1849 гг., обострялись по мере усиления экономического развития этих областей и роста удельного веса чешской буржуазии и помещиков. Чешская буржуазия «... с 90-х годов боролась не только за господствующее положение в чешских землях, но и за изменение соотношения сил в Габсбургской империи с целью заполнения для себя лучшего места под австрийским солнцем вообще»⁵.

С 80-х, а особенно с 90-х годов австрийское правительство и австро-немецкие господствующие классы должны были считаться со славянскими фракциями рейхсрата, среди которых чешские депутаты играли существенную роль. Как показали события, связанные с изданием указов Бадени о языках, в конце века чешско-немецкие противоречия были «вопросом № 1» для австрийской половины монархии. «Тяжелейшей центральной проблемой всей австрийской внутренней политики» считает чешско-немецкие отношения австрийский буржуазный политический деятель Йозеф Редлих⁶. Всякие уступки в отношении чешской национальности, в первую очередь речь шла о расширении официальных прав чешского языка в чешских землях, принимались австро-немецкими господствующими классами в штыки.

⁵ «Přehled československých dějin». D. 2, Sv. 1, Praha, 1960, str. 657; см. также: J. Kořalka. Všeněmecký svaz a česká otázka koncem 19. století. Praha, 1964, str. 33.

⁶ J. Redlich. Josef M. Baernreither. Eine biographische Skizze.— J. M. Baernreither. Fragmente eines politischen Tagebuches. Hrsg. und eingeleitet von J. Redlich. Berlin, 1928, S. 24. Один из лидеров австрийских социал-демократов Отто Бауэр писал в своей «Истории австрийской революции» (М., Изд-во «Пролетарий», 1925): «Начиная с 90-х годов среди национальной борьбы внутри Австрии самой значительной и грозной была национальная борьба между чехами и немцами. Парламент начиная с 1897 года обессиливался национальной обструкцией; бюрократическое управление разлагалось национальными противоречиями чиновничьего организма; даже армейской машине угрожала все сильнее национальная борьба» (стр. 30—31).

Указы Бадени о языках были изданы в апреле 1897 г. с единственной целью сколотить в рейхсрате крепкое правительственное большинство, чтобы иметь возможность провести соглашение с Венгрией. Это было ясно и современникам событий. «Для графа Бадени суть дела в завершении австро-венгерского соглашения, а ни в коем случае не в разрешении чешского вопроса», — писала газета «Čas»⁷.

Надо отметить, что никогда еще националистическая пропаганда не охватывала с такой силой земли чешской короны — Чехию, Моравию и Силезию. Буржуазные лидеры — и немецкие и чешские — делали все для того, чтобы разжечь национальную рознь.

К тому же не надо забывать, что это отвечало и классовым интересам эксплуататорских классов: проповедью национальной вражды они тормозили развитие классового самосознания как немецкого, так и чешского пролетариата, препятствовали их объединению для совместной борьбы с угнетателями.

Мы здесь не будем останавливаться на вопросе отношения между собой чешских имущих классов различных земель чешской короны. Вопрос этот не прост и требует особого исследования. Однако для понимания национально-политической борьбы чешской буржуазии с 1848 г. до распада монархии он не может быть игнорирован.

Если буржуазные политические деятели Чехии все время говорили о единстве земель чешской короны и это отвечало их экономическим и политическим интересам,

⁷ «Čas», 6.XI 1897, str. 705; «Alldeutsche Blätter» писала, что Бадени указами о языках просто заставил чехов согласиться на очень невыгодное для них соглашение с Венгрией.— «Alldeutsche Blätter», 19.X 1901, S. 461 (далее — АВ). Об этом пишут в своих воспоминаниях австрийский полигический деятель граф Кильмансегг (E. Kielmannsegg, Kaiserhaus, Staatsmänner und Politiker, Wien, 1966, S. 267), один из лидеров младочехов, непосредственный участник переговоров с Бадени министр финансов австрийского правительства в 1898—1899 гг. Иозеф Кайзль (J. Kaizl. Z mého života. D. 3, c. 1. Praha, (s. a.), str. 558—559); см. также: Z. Tobolka. Politické dějiny československého národa od r. 1848 až do dnešní doby. D. 3, č. 2. Praha, 1936, str. 95; H. Hantsch. Die Geschichte Österreichs, Bd. 2. 2. Auflage. Graz—Wien—Köln, 1953, S. 468; P. Molisch. Geschichte der deutschnationalen Bewegung in Österreich von ihren Anfängen bis zum Zerfall der Monarchie. Jena, 1926, S. 188.

то в Моравии чешская буржуазия была несколько инертнее в этом отношении, хотя в целом во время крупных национальных акций все имущие классы Чехии и Моравии действовали в общем едино. Так было во времена «Фундаментальных статей» 1871 г., так было и в бурные 1897—1899 гг. В комплексе земель чешской короны Силезия, в которой жили чехи, поляки и немцы, занимает особое положение и чешские политические деятели не рассчитывали на нее. Положение немецких господствующих классов в то время в Силезии было относительно прочным.

Однако «пассивность» моравян всегда беспокоила чешских буржуазных политических деятелей и во время указов Бадени это беспокойство усилилось. Не случайно этому вопросу уделял внимание «*Čas*».

Указы были встречены почти всеми немецкими партиями Австрии, за исключением придворных кругов и консервативной католической Народной партии альпийских земель, резко враждебно и вызвали такую бурю в стране, о которой и не думали инициаторы этих указов — министр-президент Бадени и поддерживавший его император⁸. «Они бросили государственный корабль в бушующее море, из которого он в течение ряда лет не мог выбраться, а когда он наконец достиг спокойных вод, то понес уже непоправимые потери», — писал в своих воспоминаниях Ф. Фундер⁹, тогда еще молодой сотрудник венской газеты «*Reichspost*».

Немецкие господствующие классы Австрии выступи-

⁸ Многие современники обвиняли Бадени в том, что он слишком легкомысленно отнесся к этим указам, не отдавая себе отчет в их последствиях. См.: F. Funder. Von Gestern ins Heute. Aus dem Kaiserreich in die Republik. 2. Auflage. Wien — München, 1953, S. 202. Австрийский историк Бертольд Зуттер, издавший двухтомную монографию, посвященную указам Бадени о языках, немецко-националистическая направленность которой, несмотря на «стремление» автора к «объективности» изложения, не вызывает сомнений, писал, что Бадени хотел проблему Чехии разрешить одним росчерком пера. См.: B. Sutter. Die Badensischen Sprachenverordnungen von 1897, ihre Genesis und ihre Auswirkungen vornehmlich auf die innerösterreichischen Alpenländer, Bd. 1. Graz — Köln, 1960, S. 11.

⁹ F. Funder. Op. cit., S. 198. Отто Бауэр писал, что национальная революция в Австрии началась собственно не в 1918, а в 1897 г. (О. Бауэр. Указ. соч., стр. 31).

ли против указов, видя в них наступление на свои позиции как господствующей нации.

Каково же было содержание этих пресловутых указов?

Указы Бадени — Гауча о языках. Уже с революции 1848 г., а затем с 60-х годов с начала так называемой конституционной эры в Австрии в программах чешских буржуазных политических деятелей неперменным был пункт о расширении сферы употребления чешского языка в школах, дело- и судопроизводстве Чехии и Моравии, где господствовал немецкий язык, никогда, правда, не объявленный формально государственным языком в Цислейтании¹⁰.

В прежние годы вопрос о начальной школе был в общем к тому времени решен в Чешских областях и в областях со смешанным чешско-немецким населением, и в чешских требованиях в 80—90-х годах речь шла в основном о необходимости создания высших и специальных чешских учебных заведений. Но в вопросе о языке дело- и судопроизводства, «этих боевых требований национально настроенных чехов, которые прослеживаются с 1848 г.»¹¹, дело было сложнее.

Распоряжения Тааффе — Штремайера 1880 г., упоминавшиеся выше, по которым внешним языком дело- и судопроизводства в Чехии и Моравии наряду с немецким становился и чешский язык, безусловно были шагом вперед в борьбе чехов за их национальные права, однако они еще не очень сильно задевали австро-немецкую бюрократию, так как немецкий язык продолжал оставаться языком внутреннего дело- и судопроизводства.

Указы Бадени — Гауча вводили чешский язык наряду с немецким во внутреннее дело- и судопроизводство. Они были изданы отдельно для Чехии и для Моравии¹².

¹⁰ С точки зрения Зуттера, стоящего на позициях явно выраженного национализма, то обстоятельство, что в конституции 1867 г. не было введено понятие государственного языка, а принята формулировка «употребляемый в стране язык» было упущением, которое потом, как он выражается, жестоко отомстило. См.: B. Sutter. Op. cit., S. 68.

¹¹ B. Sutter. Op. cit., S. 82.

¹² Ошибочно указание некоторых авторов (Е. Пристер. Краткая история Австрии. М., 1952, стр. 458) будто указы Бадени распространялись и на Силезию.

Они состояли из двух распоряжений. Одно упорядочивало пользование языками в учреждениях и судах, другое касалось языковой квалификации чиновников¹³.

Отныне все чиновники должны были знать два языка — немецкий и чешский. Это вводилось не сразу, для обучения давался определенный срок — три года, после чего надо было сдавать соответствующие экзамены. Указы Бадени ударили по интересам довольно многочисленной в старой Австрии части общества — австро-немецкой бюрократии, которая теперь должна была знать чешский язык. Это задевало и австро-немецкую интеллигенцию, из которой вербовалось чиновничество Австрии.

В то время как чиновники-чехи все без исключения знали немецкий язык, немцы чешских земель в массе знали чешский очень плохо или совсем не знали¹⁴.

Сами указы в том виде, в каком они были изданы в 1897 г. Бадени, просуществовали недолго и уже в начале 1898 г. были видоизменены Гаучем, сменившим Бадени на посту министра-президента. Гауч, желая смягчить оппозицию, скорректировал указы в ее пользу, чем естественно вызвал раздражение противной стороны.

Сущность изменений, произведенных Гаучем, сводилась к тому, что он решил поделить Чехию на национальные округа — чешские, немецкие и смешанные и соответ-

¹³ Текст указов опубликован Зуттером. См.: В. Sutter. Op. cit., S. 274—278; см. также: G. Kollmer. Op. cit., S. 205—214.

¹⁴ Фундер пишет, что судетские немцы очень плохо знали чешский язык, поэтому указы Бадени означали для них необходимость — либо выучить чешский язык, либо уйти в отставку и быть замененными чехами (F. Funder. Op. cit., S. 202; В. Sutter. Op. cit., S. 86). Интересно, что Зуттер, указывая, что для немецких студентов изучение чешского языка было делом нелегким, «...он для них был языком низшего народа», тем не менее считает, что немцам Чехии не стоило так игнорировать чешский язык. «Двуязычие принесло бы чешским немцам много пользы в их политической и национальной борьбе, кроме того оно сделало бы ее менее ожесточенной» (там же, стр. 87). Это существенно для понимания всей концепции Зуттера: всецело стоя на стороне австрийских немцев, он все же считает, что им для сохранения Австрии следовало пойти на какие-то уступки чехам. Брюгель, автор большой работы «Чехи и немцы», резко порицает непримиримую позицию австрийских немцев в этом вопросе, что, по его мнению, подрывало основы мирного сосуществования чехов и немцев в монархии (J. W. Brügel. Tschechen und Deutsche. 1918—1938. München, 1967, S. 17—18).

ственно с этим урегулировать там вопрос внутреннего языка дело- и судопроизводства¹⁵.

Согласно указам Гауча внутренним языком дело- и судопроизводства в Чехии являлся обиходный язык населения данного округа, т. е. внутренним языком в чешских округах должен был быть чешский, в немецких — немецкий язык.

В смешанных в национальном отношении округах внутренним языком дело- и судопроизводства становились два языка — чешский и немецкий. Смешанным округ считался в том случае, если хотя бы в одной общине административного округа по меньшей мере одна четверть населения считала обиходным языком второй язык.

Таким образом, по сравнению с Бадени, который вводил двуязычие по всей территории Чехии и Моравии, указы Гауча ограничивали его только смешанными в национальном отношении округами.

Но для положения австро-немецких господствующих классов проблема смешанных в национальном отношении территорий была очень важной, чреватой далеко идущими последствиями.

Вопрос о разделении Чехии сложен и имеет предысторию. В 1848 г. чешские политические деятели с Палацким во главе считали возможным для сохранения чешского народа от германизации разделение Чехии, на которое тогда не соглашались немцы, считавшие себя хозяевами всей страны. Это была вынужденная уступка. В дальнейшем по мере укрепления социально-экономических и политических позиций чешского народа чешские политические деятели категорически отвергали разделение Чехии на национальные области, неоднократно

¹⁵ Текст указов см: В. Sutter. Op. cit., S. 278—284. Современный австрийский историк Э. Цёлльнер в общем-то в отличие от остальной австрийской буржуазной историографии положительно оценивает изменения, произведенные Гаучем. Цёлльнер пишет, что Гауч хотел склонить судетских немцев на сторону правительства путем разделения на национальные округа (E. Zöllner. *Geschichte Österreichs. Von den Anfängen bis zur Gegenwart*. München, 1961, S. 431; Z. Tobolka. Op. cit., d. 3, č. 2, str. 191—198; «Prehled», d. 2, č. 4, str. 666; G. Kollmer. Op. cit., S. 413—417).

предлагавшееся немецкой стороной, твердо стоя на «историческом государственном праве», исключавшем такое деление. Неудача «пунктуаций» в 1890 г., т. е. попытки чешско-немецкого соглашения путем разделения Чехии на национальные округа, предпринятой правительством Тааффе при поддержке старочехов, представлявших интересы только консервативных кругов чешской буржуазии и помещиков, и связанное с этим поражение партии старочехов объяснялось именно тем, что широкие слои чешской городской и сельской буржуазии, возглавляемые младочехами, были решительно против таких уступок немцам в национальном вопросе.

Не останавливаясь подробно на этих вопросах, следует обратить внимание на следующее. По мере развития капитализма, особенно бурного в последние десятилетия XIX в., чешское население в поисках работы устремилось из так называемых внутренних, тогда более аграрных областей Чехии в северные и северо-западные промышленно развитые районы страны, бывшие цитаделью немецкой буржуазии чешских земель, постепенно восстанавливая чешский национальный характер этих территорий. Эта миграция чешского населения очень беспокоила тогда немецких националистов и особенно шённерианская пресса много кричала тогда об угрозе «чехизации».

Естественно, что немецкая буржуазия, желая укрепить и обеспечить свое господствующее положение в этих пограничных частях Чехии, которые уже переставали быть якобы «чисто немецкими языковыми областями», ибо историческое развитие превращало их по сути в смешанные в национальном отношении области¹⁶, ратовала за разделение страны на национальные округа. Только шённерианцы, больше всех крича об опасности «чехизации», в то же время выступали против деления, считая, что вся Чехия должна войти в империю и что разделение явится препятствием для германизации Чехии^{16а}.

¹⁶ «Указы Бадени о языках были решительным ударом против всех попыток немецких националистов создать из смешанных в национальном отношении пограничных областей «замкнутые немецкие области», которые стали бы основой для овладения всеми чешскими областями (J. Kořalka. Všenětecký svaz a česká otázka..., str. 39).

^{16а} P. Molisch. Op. cit., S. 177. Молиш указывает, что в вопросе

Поэтому действия Гауча, сохранившего употребление чешского языка наряду с немецким как внутреннего языка дело- и судопроизводства в так называемых смешанных в национальном отношении округах Чехии, представляли для немецкой оппозиции серьезную опасность. Ибо Гауч, идя на уступки австро-немецкой бюрократии в том смысле, что он ликвидировал введенное Бадени двуязычие в «немецких округах», вместе с тем сохранил его в «смешанных округах», тенденция которых к расширению за счет «немецких округов» была несомненна и очень тревожила немецкие господствующие классы чешских земель.

Указы Гауча не удовлетворили австро-немецких националистов, за которыми тогда шли остальные, более умеренные в национальном отношении партии. Они настаивали на полной отмене указов и решения вопроса о языке дело- и судопроизводства законодательным путем, через рейхсрат, понимая, что при существующих условиях такой закон никогда не будет принят. В конце 1899 г. министерство Клари отменило и эти куцые указы Гауча¹⁷.

Вместе с тем указы Гауча вызвали большое недовольство у чехов и были восприняты ими как серьезные уступки оппозиции со стороны правительства. Однако эти указы имели немаловажное принципиальное значение, которое как-то осталось незамеченным не только современниками, но и исследователями: немецкий язык, в течение нескольких веков насильственно утверждаемый в качестве господствующего в Чехии, переставал быть административно-юридическим пусть хотя бы в одной

разделении Чехии шёнерианцы отличались от остальных немецких националистов, примыкавших к немецкой Народной партии, которая стояла за разделение Чехии. Некоторые историки, в частности Б. Зуттер, изобретая задним числом всевозможные рецепты «сохранения» габсбургского многонационального государства, считали, что именно такое национальное разграничение разрешило бы национальные противоречия и спасло бы Австрию от распада (B. Sutter. Op. cit., S. 35). Цёлльнер пишет, что среди австрийских немцев не было единства в этом вопросе. Если немцы судетских земель стремились к созданию национальных административных округов, то в Штирии, Каринтии и Тироле они придерживались противоположной точки зрения (E. Zöllner. Op. cit., S. 431).

¹⁷ Z. Tobolka. Op. cit., d. 3, č. 2, str. 234—240; «Přehled», d. 2, č. 2, str. 669.

только части Чехии, где отныне единственным языком дело- и судопроизводства признавался чешский язык. Весьма недолговечные указы Гауча стали важной вехой, отмечающей потерю господствующей нацией одной из существенных позиций в ее сопротивлении справедливой борьбе нации угнетенной.

Безусловно, в случае осуществления указов Бадени на практике, они способствовали бы усилению позиций чешских имущих классов в управлении. Вместе с тем указы о языках были положительным явлением в борьбе всего чешского народа за свое национальное освобождение и они, естественно, находили поддержку трудового населения Чехии и Моравии¹⁸.

Вследствие разгоревшейся борьбы вокруг указов они просуществовали недолго — около трех лет, но безусловно способствовали укреплению позиций чешской бюрократии, что стало исходной точкой для дальнейшего укрепления и роста влияния чешской буржуазии в чешских землях в период, предшествующий первой мировой войне¹⁹.

Почти во всех работах, посвященных этому периоду истории Австрии и Чехии, указам Бадени и в основном национально-политической борьбе, разгоревшейся вокруг них, всегда уделяется внимание. Естественно, что оценка их зависела от национально-политических взглядов того или иного автора. Так, немецко-шовинистические историки, враждебно относясь к указам, все свое внимание сосредоточивают на борьбе против указов немецкого населения Чехии и Моравии. Но если пангерманская публицистика, о чем речь будет идти в дальнейшем, открыто поносила указы, объявляя их неслыханным актом насилия в отношении немецкого населения, то придерживающийся по существу тех же взглядов австро-немецкий националист Пауль Молиш в своей книге, не говоря о на-

¹⁸ Поэтому нам кажется неверной оценка, которую дает указам А. С. Ерусалимский, называя их «малозначительными реформами» (указ. соч., стр. 480).

¹⁹ В этом мы вполне согласны с З. Шолле. См.: «Přehled», d. 2, sv. 1, str. 669; в общем того же мнения, выраженного в несколько туманной форме, придерживается и З. Тоболка (Z. Tobolka. Op. cit., d. 3, č. 2, str. 5). Молиш подчеркивает, что, несмотря на отмену указов, чешское чиновничество укрепилось и усилилось (P. Molisch. Op. cit., S. 207).

сили, всем своим изложением подводит к тому же. По его концепции, борьба немцев против указов понятна и оправданна, так как для них речь шла якобы «о куске хлеба».

Это явно тенденциозное преувеличение показательно для всего изложения Молиша. Характерным для него является и то, что, описывая события, он все время сообщает о выступлениях чехов против немцев, но ничего не пишет о подобных, но гораздо более многочисленных и резких акциях немецкой стороны²⁰.

Нацист Метниц вообще не считает нужным останавливаться на указах. Высоко оценивая Шёненера, он заявляет, что если бы не энергия и активность последнего в те бурные времена, указы Бадени не были бы отменены²¹.

Австрийская буржуазная историография более позднего времени — Ганч и другие также отрицательно относятся к указам, акцентируя внимание не столько на их содержании, сколько на том, что они явились началом кризиса монархии, оказав очень пагубное влияние на дальнейшее развитие Австро-Венгрии, и в какой-то степени обусловили распад этого многонационального государства²².

Собственно специально указам Бадени посвящена двухтомная работа Бертольда Зуттера, богатая фактическим материалом, но написанная с немецко-националистических позиций; в ней дается история вопроса, скрупулезная характеристика указов, а затем очень подробно излагаются события, связанные с борьбой австрийских немцев против указов Бадени.

Чешская буржуазная историография (в первую очередь З. Тоболка), а также историки и публицисты других стран (француз А. Шерадам, русский историк С. Г. Лозинский и др.), сочувствие которых было всецело на стороне чехов, оценивали эти указы положитель-

²⁰ P. Molisch. Op. cit., S. 189—191.

²¹ G. A. Metnitz. Op. cit., S. 15.

²² H. Hantsch. Op. cit., S. 469. Его точку зрения полностью разделяет Зуттер (B. Sutter. Op. cit., S. 8—9). Этих же взглядов в общем придерживается и Г. Моммзен (H. Mommsen. Die Sozialdemokratie und die Nationalitätenfrage im Habsburgischen Vielvölkerstaat, Bd. I. Das Ringen um die supranationale Integration der zisleithanischen Arbeiterbewegung (1867—1907). Wien, 1963, S. 266).

но, как определенное завоевание в национально-политической борьбе чешского народа²³. Вместе с тем некоторые чешские буржуазные политические деятели, враждебные младочешскому руководству, считали их недостаточными, полагая, что можно было бы добиться большего²⁴.

Современная чехословацкая историческая наука (Шолле, Коржалка, Кржижек), на наш взгляд, правильно дает положительную характеристику указам, но в то же время она не склонна преувеличивать и их значение.

Так, Шолле пишет, что указы, в общем недостаточно и непоследовательно разрешая языковой вопрос, не были главным и решающим для устранения неравноправного положения чешского народа в Цислейтании²⁵. Нельзя также представлять их чуть ли не как одну из причин, приведших монархию Габсбургов к распаду.

Нам также кажется, что нет оснований преувеличивать значение указов в этом плане.

На самом деле указы о языках были определенным этапом в развитии национальных отношений в Австрии. Они только отражали, и то не полностью, усиление экономических, политических и культурных позиций чешской буржуазии. Последняя, чувствуя свою силу, естест-

²³ Z. T o b o l k a. Op. cit., d. 3, č. 2, str. 131, 151; A. Ш е р а д а м. Европа и австрийский вопрос на рубеже XX в. СПб., 1903, стр. 85. Указы, по мнению Шерадама, «носили умиротворяющий характер»; С. Г. Л о з и н с к и й. Царствование Франца-Иосифа. Пг., 1916, стр. 157—160.

²⁴ Так, сторонники Масарика, отражающие взгляды радикально настроенной чешской интеллигенции и мелкой буржуазии, также безусловно положительно оценивая указы, упрекали младочешских лидеров в том, что они пошли на сговор с консервативно-клерикальным правительством Бадени, что они слишком большое значение придали указам о языках, поставив их в центр борьбы чешского народа с целью отвлечь его от других не менее важных задач (например, демократизации общественной жизни). В этом смысле представляет интерес полемика с младочехами на страницах газеты «Cas». См.: «Cas», 10.IV 1899, str. 226; 29.IV 1899, str. 285. «Младочехи умрут, убежденные в том, что распоряжения о языках были эпохальным событием»,— иронизирует газета.

²⁵ «Přehled», d. 3, sv. 1, str. 663. В советской исторической литературе нет специальных работ, посвященных этому вопросу. Правильную оценку указов и борьбы, разгоревшейся вокруг них, мы находим в «Истории Чехословакии» («История Чехословакии», т. 2: М., 1959, стр. 175—177).

венно, стала добиваться соответствующих ее положению прав.

Итак, приведение политических прав чешской буржуазии в соответствие с ее реальным положением в империи — вот что было главным в событиях 1897—1899 гг., что было сущностью указов. Вместе с тем борьба, разгоревшаяся вокруг указов, обнаружила нежизнеспособность и гнилость государственного организма австрийской монархии, перманентный внутривполитический кризис которой начался, однако, гораздо раньше и был обусловлен всем историческим развитием реакционной многонациональной Габсбургской монархии, а не указами о языках. Это не противоречит тому, что борьба эта воочию показала всю силу национальных антагонизмов в Австрии, сделав внутривполитический кризис этого государства объектом внимания в Европе.

Пангерманцы и указы Бадени—Гауча. Мы уже говорили, что немцы Чехии и Моравии встретили указы в штыки. Они очень скоро получили поддержку, и притом очень активную, в австрийских областях Цислейтании²⁶. Австро-немецкие господствующие классы начали решительную борьбу против указов Бадени и, опираясь на весь арсенал своей шовинистической пропаганды, играя на национальных чувствах широких слоев населения Австрии, сумели вовлечь в движение не только большую часть мелкой буржуазии и интеллигенции, интересы которых непосредственно задевались указами, но и трудящиеся массы. Национально-шовинистическая истерия охватила тогда большую часть немецкого общества Австрии.

Очень сложной была позиция австрийской социал-демократии, особенно ее руководства²⁷. Отметим, что социал-демократия не выступала против существования самих

²⁶ Не случайно упомянутая выше монография Зуттера посвящена именно борьбе против указов в альпийских землях австрийской половины монархии.

²⁷ Западногерманский историк Ганс Моммзен в своей интересной работе уделяет много внимания борьбе, разгоревшейся вокруг указов. Он подчеркивает, что усиление национализма имело место тогда и в рядах пролетариата (H. Mommsen. *Op. cit.*, S. 266 u. ff.). В чешско-немецких столкновениях в связи с указами Бадени руководство социал-демократии не смогло правильно по-

указов о языках, а против методов правительства Бадени, проведшего их в форме правительственного распоряжения, а не законодательным порядком через рейхсрат. Однако учитывая соотношение сил в рейхсрате, эта защита конституционных форм со стороны лидеров социал-демократии была лишь лицемерным прикрытием националистических мотивов, враждебности акту, уменьшавшему всевластие австро-немецкого элемента в Цислейтании.

В оппозицию вошли почти все буржуазные немецкие политические партии Австрии, начиная от либералов, объединенных в Прогрессивную партию, и кончая небольшой, но тогда чрезвычайно активной фракцией австрийских пангерманцев-шёнерианцев. Довольно влиятельной в то время была немецкая Народная партия, которая объединяла националистические элементы как из собственно австрийских, так и из чешских земель монархии.

Эта партия, в отличие от пангерманцев, хотя и тяготела к Германии, однако не афишировала свои пропрусские и прогогенцоллерновские симпатии, как это делали шёнерианцы; в отличие от последних, она не кричала об аншлюсе.

В борьбе против указов эта партия была очень настойчива и до отмены их не хотела вступать в переговоры с правительством и чехами²⁸. В этом смысле более склонны к примирению были либералы, но под влиянием крайних шовинистических группировок, боясь поте-

ставить национальный вопрос. Оно не только не осудило шовинизм немецкой буржуазии Австрии, но оппозицию, которую тогда возглавляли пангерманцы, оценило как положительное явление, борющееся с реакционером Бадени («Přehled», d. 2, sv. 1, str. 710—711; Е. Пристер. Указ соч., стр. 459—462). Пристер пишет, что выступление австрийской социал-демократии против указов «...привело социал-демократов к рискованной близости с пангерманцами» (там же, стр. 462; см. также «История Чехословакии», т. 2, стр. 180, 184).

²⁸ Об этой партии подробно пишет П. Молиш. Указывая, что она во многом была близка шёнерианцам (Молиш сравнивает программу Народной партии, принятую в 1896 г., и Линцскую программу 1882 г.), он в то же время подчеркивает, что, будучи «национально-австрийской», она в случае надобности контактировала и с христианско-социальной партией Люегера и даже с либералами (P. Molisch. Op. cit., S. 176—182).

рять доверие избирателей, они держались в тени²⁹. Оппозицию поддерживали также немецкие помещики чешских земель, так называемая фракция «верных конституции крупных земельных собственников», во многом очень близких Прогрессивной партии, которые более всех были склонны тогда к соглашению с правительством³⁰⁻³¹.

В это время пангерманская пропаганда в Австрии достигла своего расцвета. Волна шовинизма выдвинула Шёнераера и его сторонников на передний план³², и их резкая антиавстрийская и антидинастическая пропаганда обратила на себя внимание в Европе³³.

Но шёнерианцы, как и остальные немецкие партии, в своей борьбе против указов и чехов не были одиноки. Они имели мощного внешнеполитического союзника — Германскую империю.

На отношении официальной Германии к указам о языках мы остановимся в дальнейшем, здесь же хотелось бы подчеркнуть следующее. Германское правительство, не скрывая своей заинтересованности в отмене указов, все время ссылалось на то, что интерес его к событиям в Австрии объясняется в значительной степени напором общественного мнения империи, которое очень

²⁹ Интересный материал в этом смысле дает переписка, опубликованная в кн.: «Briefe zur deutschen Politik in Oesterreich von 1848 bis 1918. Wien — Leipzig, 1934, S. 347—364.

³⁰⁻³¹ J. Redlich. Op. cit., S. 26.

³² Не случайно в чешской прессе того времени даже появляется выражение «нынешняя шёнереверовская коалиция». См.: «Národní listy», 1897. Odpoledné vydání k № 208, str. 1, odpoledné vydání k № 234, str. 1; см. также: J. Droz. L'Europe Centrale. Evolution historique de l'idée de «Mitteleuropa». Paris, 1960, p. 169.

³³ Как раз в это время французский публицист Андре Шерадам пишет работы, посвященные пангерманцам (см.: A. Chéradame. L'Europe et la question d'Autriche aux seuil du XX siècle. Paris, 1901). Книга эта была переведена в 1903 г. на русский язык. Современник событий, Шерадам приводит большой фактический материал (в основном данные прессы), часто не критически относясь к нему. Основной тезис Шерадама — пангерманизм наступает, угрожая миру в Европе и именно Австрия является форпостом пангерманцев. Коржалка справедливо считает, что некоторые рассуждения Шерадама о силе и возможностях пангерманцев преувеличены (J. Kořalka. Všeněmecký svaz a česká otázka..., str. 6).

обеспокоено судьбой своих австрийских соплеменников³⁴.

Действительно, значительная часть буржуазной общественности Германии была втянута в антиславянскую пропаганду, почва для которой была подготовлена всей предыдущей историей Германии. Конечно, в разных слоях общества немецко-шовинистическая антиславянская агитация находила различный резонанс.

Большинство представителей интеллигенции и буржуазно-помещичьих кругов Германии считали, что немцы в силу своей якобы «высокой культуры» призваны быть господствующим народом в многонациональной Австрии. Различия проявлялись в тактике — в отношении к австрийскому правительству.

Очень показательным для характеристики поведения немецкой интеллигенции в то время было обращение известного немецкого историка Теодора Моммзена к немцам Австрии, опубликованное в популярной тогда либеральной венской газете «Neue Freie Presse». В нем Моммзен в очень оскорбительном для чешского народа тоне призывал австрийских немцев к единству и к твердости в борьбе с чехами, этими «апостолами варварства». «Чешская башка не внемлет разуму, но поддается ударам», — писал Моммзен³⁵. Письмо Моммзена вызвало возмущение не только широкой чешской общественности, но и за пределами чешских земель. Видный польский историк Освальд Бальцер публично ответил Моммзену, указывая, что непристойно Моммзену заниматься фальсификацией истории для подтверждения своих античешских взглядов. Бальцер, именно исходя из исторического

³⁴ J. Kořalka. Všeněmecký svaz a česká otázka..., str. 47. В отчете МИДа за 1897 г. обращается внимание, «...что парламентская неурядица в Австрии вызвала со стороны некоторой части германской печати и общества слишком явное стремление вмешательства в пользу немецкой партии рейхсрата, обстоятельство, встреченное крайне недружелюбно австрийской прессой». (Архив внешней политики России (далее: АВПР), ф. Отчеты МИД. 1897, д. 122, л. 40).

³⁵ «Neue Freie Presse», 31.X 1897. «An die Deutschen in Österreich». Вызывает удивление, почему Р. Гюнтер в своей статье, посвященной крайне недружелюбно австрийской прессой». (Архив внешней политики России. — «Studien über die deutsche Geschichtswissenschaft», Bd. 2. Berlin, 1965, S. 9—24.

прошлого, показал вклад чешского народа в историю прогресса и культуры³⁶.

Георгий Васильевич Чичерин, который в те далекие годы учился в одном из университетов Германии, не прошел мимо этих событий. Через несколько дней после выступления Моммзена он писал: «Не могу забыть, как самые выдающиеся немецкие ученые протестовали против самой простой равноправности для чехов... Хороши плоды просвящения»^{36а}.

В этой немецко-шовинистической пропаганде первое место принадлежало различным националистическим группировкам, среди которых основанный в начале 90-х годов Пангерманский союз играл руководящую роль³⁷. Эта относительно немногочисленная³⁸, но политически значительная организация сумела распростра-

³⁶ O. Balzer. List otwarty do dr. Theodora Mommsena. Lwów, 1897; см. также: «Češi a Poláci v minulosti», sv. 2. Praha, 1967, str. 337—338. Здесь дана высокая оценка выступления Бальцера. «Сотрудничество чехов и поляков против наступающего немецкого национализма было в то время значительным событием».

^{36а} См.: С. Кизельштейн. Молодые годы Г. В. Чичерина.— «Прометей», т. 7. М., 1969, стр. 233.

³⁷ Среди обширной буржуазной литературы, посвященной Пангерманскому союзу, следует отметить монографию А. Крука «Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890—1939», вышедшую в Висбадене в 1954 г. Работа Крука, которая неприемлема для нас с методологических позиций, содержит большой фактический, хорошо систематизированный материал, что делает ее интересной и для советского исследователя. Для характеристики позиции Крука в отношении национально-освободительного движения не немецких народов в бисмарковской Германии показательно следующее высказывание: «В ее границах жили чужие народы, которые все упорнее сопротивлялись постепенной германизации и все сильнее выступали с наступательными требованиями...» (стр. 11). Автор книги здесь выступает сторонником федеративного переустройства Австрии. Однако федерация нужна ему лишь потому, что она облегчила бы в дальнейшем аншлюс. См. также: H. Krause. Die alldeutsche Geschichtsschreibung vor dem ersten Weltkrieg.— «Studien über die deutsche Geschichtswissenschaft», Bd. 2. Berlin, 1965, S. 192 u. ff.

³⁸ Р. Ольшовский, обращая внимание на относительную малочисленность Пангерманского союза в самой Германии, замечает: «Пангерманское движение имело только в чешских землях гораздо больше членов, чем Пангерманский союз в Германской империи во время его наибольшего расцвета» (R. Olšovský. Pronikání německého imperialismu do jichovýchodní Evropy. Období 1890—1940. Praha, 1963, str. 36).

нить свое влияние среди широких слоев германского общества.

Каково было отношение пангерманцев к событиям в Австрии? Речь пойдет прежде всего не об австрийских пангерманцах-шёнерианцах, поскольку их взгляды достаточно полно освещены ранее, а о Пангерманском союзе, этой мы бы сказали, головной организации всего пангерманского движения. Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на следующее. Если в идейном отношении, в основных политических вопросах имперские и австрийские пангерманцы были едины, то в вопросах тактики между ними бывали, правда, в общем-то незначительные разногласия. Австрийские пангерманцы и их рупор «Unverfälschte deutsche Worte» выступали тогда значительно более резко и непримиримо в отношении и австрийского правительства и, конечно, чехов, чем их германские единомышленники. И это естественно. Последние не были непосредственными участниками самих событий и, со стороны наблюдая все перипетии немецко-чешской борьбы, считали нужным иной раз придерживаться более гибкой тактики.

Мы остановимся здесь только на руководстве Пангерманского союза, оставляя в стороне так называемых «диких пангерманцев», т. е. публицистов и писателей, которые, пропагандируя пангерманскую идеологию, формально не были членами Союза. Подчас «дикие» слишком откровенно высказывали свое мнение и руководству приходилось их сдерживать³⁹.

В пангерманских планах создания «Великой Германии», сильной на континенте и в колониях, Австро-Венгрии уделялось видное место. Она была для пангерманцев не только трамплином для «Дранга» на Ближний Восток, но и передовым отрядом германизма в борьбе с так называемой надвигающейся славянской опасностью⁴⁰. Последнее было очень важным беспрестанно пов-

³⁹ А. Крук. Op. cit., S. 5; J. Kořalka. Všeněmecký svaz a česká otázka..., str. 5. Коржалка считает, что противоречия между так называемыми «дикими» и Пангерманским союзом стали очевидными в последнее десятилетие перед первой мировой войной, в то время как до XX в. на практике таких разногласий не было.

⁴⁰ Кучинский писал, что Пангерманский союз старался движение немцев в Восточной марке (так пангерманцы называли Австрию) ввести в нужное ему русло (J. K u c z u n s k i. Studien zur Geschichte

торяющимся «аргументом» пангерманской идеологии, прикрывающей агрессивные, расистские устремления пангерманцев. «Австрийские немцы являются, — говорил видный деятель Пангерманского союза А. Леер на собрании в Дрездене в мае 1897 г., — нашей стражей на Востоке и смелыми форпостами против славянского натиска, который грозит уничтожить все немецкое»⁴¹. Это было непременным рефреном выступлений пангерманцев. На деле планы Пангерманского союза в отношении Австрии преследовали одну, совершенно определенную цель: экономическое, а затем и политическое поглощение ее⁴².

Пангерманцы считали, что 1871 год не закончил дела объединения Германии, которое можно будет считать завершенным только тогда, когда все европейские области немецкого языка волеются в Германскую империю. Здесь в первую очередь речь шла об Австрии⁴³. Пангерманский союз стремился, как пишет Кучинский, «...прежде всего укрепить положение австрийских немцев в самой тюрьме народов — Австро-Венгрии — и поддержать их в борьбе против национально-освободительных стремлений угнетенных народов этой империи»⁴⁴.

Поэтому, когда в Австрии в связи с указами Бадени начался острый внутривластный кризис, а в Германии развернулось движение «в защиту» австрийских немцев, то, конечно, во главе его стал Пангерманский союз.

«Было естественно, — считает Крук, — что когда австрийским немцам угрожала опасность, пангерманцы со всей решительностью выступали на их стороне»⁴⁵. И хотя тогда большая часть общественного мнения не солидаризировалась открыто с программой Пангерманского союза, все же его настойчивая, бьющая в одну цель и хорошо

des deutschen Imperialismus, Bd. 2. Propagandaorganisationen des Monopolkapitals. Berlin, 1950, S. 55); со своей стороны австрийские немцы должны были найти в Германии опору против славян (ibid., S. 54).

⁴¹ АВ, 23.V 1897, S. 101. В том же духе выступал в Лейпциге лидер австрийских пангерманцев К. Г. Вольф (АВ, 20.VI 1897, S. 120).

⁴² А. С. Ерусалимский. Указ. соч., стр. 131—132.

⁴³ АВ, 17.VI 1900, S. 246. Изложение выступления П. Замассы, который, по словам Кучинского, был «одним из австрийских экспертов Пангерманского союза» (J. Kuczynski. Op. cit., S. 93).

⁴⁴ J. Kuczynski. Op. cit., S. 90.

⁴⁵ А. Крук. Op. cit., S. 106.

организованная пропаганда не оставалась без влияния, просачиваясь в самые различные слои общества.

Лидеры австрийских пангерманцев (Шёнерер, Вольф, Тюрк, Иро и др.), так же как и некоторые члены немецкой Народной партии, будучи членами Пангерманского союза⁴⁶, посещали его собрания, распространяли в Австрии его газету «Alldeutsche Blätter», информировали его о событиях и т. п. Причем они не упускали случая подчеркнуть, что ждут от Пангерманского союза только моральной поддержки. «Мы пришли к вам не для того, чтобы вы вмешивались в нашу политическую борьбу; тот факт, что наша поездка из Эгера в Лейпциг (в сентябре 1897 г. несколько видных австрийских пангерманцев были приглашены Пангерманским союзом на собрание в Лейпциг.— *Н. Р.*) вылилась в национальное триумфальное шествие, заставит графа Бадени задуматься и внушит нашим врагам больше уважения, чем если бы из Берлина в Вену была бы направлена дипломатическая нота»,—сказал К. Иро на собрании в Лейпциге⁴⁷. Слишком откровенные антиавстрийские и антигабсбургские выступления пангерманцев были очень не по душе многим политическим группировкам в Германии, как не способствовавшие, по их мнению, укреплению отношений между двумя союзными странами и вызывавшие в Австрии опасения о возможном вмешательстве Германии⁴⁸.

⁴⁶ Ibid., S. 108; AB, 7.IX 1901, S. 414.

⁴⁷ AB, 12.IX 1897, S. 182. В отчете Пангерманского союза указывается, что он не может оказать австрийским немцам никакой помощи, кроме моральной (AB, 29.V 1897, S. 106).

⁴⁸ AB, 16.V 1897, S. 97—98. В статье высказывается возмущение тем, что сочувствие борьбе австрийских немцев воспринимается частью немецко-имперской печати чуть ли не как вмешательство в австрийские дела; когда Пангерманский союз решил созвать в Берлине в начале ноября 1897 г. собрание, посвященное австрийским делам, целью которого было, дескать, только продемонстрировать солидарность немцев Германии и Австрии, и пригласил на него австрийских пангерманцев, то берлинская полиция запретила им присутствовать на собрании, вследствие чего оно было отменено. (AB, 31.X 1897, S. 227; 14.XI 1897, S. 231; К. Кгиск. Op. cit., S. 107). О том, что запрещение собрания вызвало недовольство некоторых депутатов рейхсрата, сообщает в Петербург русский посол в Берлине граф Остен-Сакен (АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 21, л. 358. Остен-Сакен — Муравьеву, 4 (16) декабря 1897; см. также: «Красный архив», 1939, № 1, стр. 219. «Докладная записка помощника секретаря Российского посольства в Берлине Фан-дер-Флита посвященная Пангерманскому союзу, его организациям и целям»).

Со своей стороны Пангерманский союз обвинял рейхстаг и ряд имперских газет, что они не поддерживают пангерманских депутатов, в частности Э. Хассе, призывавшего парламент официально объявить о своей солидарности с борьбой австрийских немцев⁴⁹. Кучинский подчеркивает, что Пангерманский союз считал себя признанным вождем немцев Австро-Венгрии, «вмешиваясь самым невероятным образом в дела другого государства»⁵⁰.

Отношение Пангерманского союза к событиям в Австрии оказывало тогда влияние не только на общественное мнение, но и на правительство Германии. О степени этого влияния существуют различные точки зрения, но несомненно, что пропаганда Пангерманского союза встречала «понимание» в юнкерско-империалистических кругах империи и в правительстве, интересы которых Пангерманский союз по сути дела представлял. Можно утверждать, что германские правящие политические круги не были безучастны к планам пангерманцев. Они не только не вступили в борьбу против идеи германизации Австро-Венгрии, но «...и сами стали (сначала, правда, осторожно, но затем все более активно) опираться на эти идеи в политической борьбе за влияние в Центральной Европе»⁵¹. Это, однако, не исключало того, что правительство выражало недовольство, когда эти планы излагались слишком откровенно. Вместе с тем германское правительство и его дипломатия, официально всегда отрещиваясь от пангерманцев, все же очень умело использовали их пропаганду для нажима на своих австрийских союзников. Надо сказать, что среди дипломатов германского посольства в Вене мы находим довольно активных сторонников австрийских пангерманцев⁵².

⁴⁹ АВ, 20.VI 1897, S. 121. Заметка под названием «Вмешательство» не без ехидства напоминает читателям, что, мол, в 1871 г. германский рейхстаг не побоялся высказаться в защиту австрийских немцев.

⁵⁰ J. K u c z y n s k i. Op. cit., S. 91.

⁵¹ «Правительство по меньшей мере не мешало политической агитации пангерманских империалистов в отношении Австрии...» А. С. Е р у с а л и м с к и й. Указ. соч., стр. 133, 482.

⁵² Например, Лихновский, впоследствии посол в Англии. См. его открыто пангерманские донесения, опубликованные в издании «Die Grosse Politik der europäischen Kabinette», Bd. 13. Berlin, 1924, S. 118—119, 174—175.

Пангерманский союз в связи с указами Бадени четко формулирует свою точку зрения по австрийскому вопросу, которая находит отражение как на общих собраниях союза⁵³, так и в ряде статей его руководителей на страницах еженедельника Пангерманского союза «Alldeutsche Blätter»⁵⁴.

Указы о языках рассматривались Пангерманским союзом не как причина кризиса, а как толчок, который усилил назревавшие давно события: «...Теперешние национальные бои в Чехии не являются эпизодом, но продолжением скрытой формы кризиса, существующего с 1866 года», — говорил председатель Пангерманского союза Э. Хассе⁵⁵. Таким образом, такое сложное явление, как кризис Габсбургской монархии, Хассе связывает прежде всего с исключением Австрии из Германского союза, ослабившим положение «восточной марки» и усилившим в ней славян. В статье «Будущее Австро-Венгрии» говорится о том, что указы о языках под влиянием событий отходят на задний план, основа всего происходящего — борьба немцев со славянами⁵⁶. Поэтому пангерманцы считают, что борьбу, разгоревшуюся вокруг указов, надо рассматривать шире, в аспекте борьбы германизма со славянством в целом, и поэтому «языковые указы не являются только внутренним делом Габсбургской монархии. Это шахматный ход в борьбе иезуитско-славянских сил против всего германизма и против нас (имперских немцев. — *H. P.*)... речь идет вообще о сохранении германизма»⁵⁷.

⁵³ Интересна повестка отчетных годовых собраний Союза в конце 90-х годов XIX в. В основном разбираются три вопроса: строительство флота, колониальная политика и положение Австрии. — АВ, 20.VI 1897, S. 118, 29.V 1898, S. 105, 17.VI 1900, S. 241. «С самого начала 90-х годов, т. е. с начала существования Пангерманского союза австрийский вопрос играл в нем важную роль» (А. Кг и с к. *Op. cit.*, S. 104). Крук указывает, что тогда (во времена Бадени) пангерманское руководство было едино в австрийском вопросе, разногласия появились позже, перед первой мировой войной (*Ibid.*, S. 108 и ff.).

⁵⁴ По «австрийскому вопросу» много писал председатель Пангерманского союза Э. Хассе, редактор «Alldeutsche Blätter» П. Замасса и др.

⁵⁵ АВ, 10.X 1897; S. 206; 26.IX 1897. Beilage.

⁵⁶ АВ, 15.VIII 1897, S. 163.

⁵⁷ АВ, 14.XI 1897, S. 233.

В том же духе писала газета шёнерианцев «Unverfälschte deutsche Worte»⁵⁸.

Отсюда понятна и закономерна, по мнению Пангерманского союза, заинтересованность Германии в отношении событий в Австрии.

Они в пангерманской пропаганде из локального, чисто австрийского явления перерастают в событие более крупного плана, имеющее якобы значение для всего германского народа в целом, являющееся одним из этапов славяно-германской борьбы вообще. Отсюда, по мнению пангерманцев, понятна «заинтересованность» Пангерманского союза в «австрийских делах».

Очевидно, поэтому Пангерманский союз уделяет относительно мало внимания самим указам, разбору их отдельных положений. Указы должны быть отменены, а не изменены, даже, если изменения делаются в пользу немцев⁵⁹.

Пангерманцы всегда подчеркивают, что «...указы являются планомерно направленным действием для вытеснения всего немецкого»⁶⁰, что они не только «оскорбительны для немецкой чести», но и принесут немцам материальный ущерб, так как немецкая молодежь никогда не будет учиться чешскому языку и поэтому вся Чехия будет отдана в руки чехов⁶¹. Надо отметить, что пангерманцы не упускают случая акцентировать внимание на экономической стороне чешско-немецких отношений.

Пангерманский союз также опасается, что указы могут вызвать своего рода цепную реакцию для остальных славянских народов Австрии. В статье с характерным для пангерманцев названием «Славянская алчность» указывается, что уступки чехам в Чехии и Моравии по-

⁵⁸ «Unverfälschte deutsche Worte», 1899, № 1, S. 11 (далее — UDW). Автор политического обозрения указывает, что уже в течение двух лет бушует в Австрии борьба, в которой немецкий Запад и славянский Восток должны померяться силами; австрийский вопрос не является только вопросом местного значения.

⁵⁹ Это находит подтверждение в том, как встретили «Alldeutsche Blätter» указы Гауча (AB, 20.III 1898, S. 57). В статье «Zur Lage in Österreich» указывается, что немцы требуют только одного — отмены указов и объявления немецкого языка в законодательном порядке государственным языком (AB, 8.V 1898, S. 94).

⁶⁰ AB, 18.IV 1897, S. 78.

⁶¹ AB, 20.VI 1897, S. 119.

будили славянскую прессу Силезии требовать, чтобы и в Силезии чиновники знали все земские языки. «Исполнение этого желания было бы совершенно так же, как и в Чехии, равносильно устранению всех немецких чиновников»⁶².

Но как могут быть, по мнению Пангерманского союза, разрешены немецко-чешские противоречия в Австрии? Только силой. Это было аксиомой для всех пангерманцев. Некий Р. С. (вероятно, Пауль Замасса) писал, что чешско-немецкий вопрос вообще непригоден для соглашения, он является просто вопросом силы⁶³.

«Обосновывали» пангерманцы свою позицию чисто по-расистски, повторяя неоднократно старые доводы о мнимом превосходстве немцев над остальными народами, прежде всего славянскими. Тезис о нациях полноценных и неполноценных проходит красной чертой через все номера «Alldeutsche Blätter» и «Unverfälschte deutsche Worte». Хассе, председатель Пангерманского союза и теоретик пангерманизма, называет немцев «благородным народом», в отличие «от неполноценных» чехов, поляков, словенцев и венгров. «Чехи и поляки,— пишет Хассе,— стремятся лишить немцев Австрии их руководящего положения... и свести их до положения неполноценных наций»⁶⁴. В связи с указами подвергается просто глумлению чешский язык: чешский язык, мол, сам по себе не представляет никакой ценности, не существует чешской литературы и т. п. «Совершенно несправедливо требовать от более высоко развитых немцев изучения языка нижестоящих по своему развитию чехов, как языка якобы равноправного с немецким по уровню своей культуры»⁶⁵.

⁶² АВ, 8.VIII 1897, S. 159; см. также: АВ, 4.IX 1898, S. 1174.

⁶³ АВ, 28.I 1900, S. 38; UDW, 1899, № 11, S. 126. Один из главарей шёнерианцев, Карл Иро, требует ведения беспощадной борьбы с чехами.

⁶⁴ АВ, 9.I 1898, S. 6; 6.II 1898, S. 25; 13.III 1898, S. 53. «...Чехи, поляки и другие неполноценные народы»; нацией без будущего считает чехов автор статьи «Schönerer in Wenussen», напечатанной в 1899 г. в «Unverfälschte deutsche Worte» (см.: UDW, 1899, № 7, S. 80).

⁶⁵ АВ, 18.IX 1898, S. 188; см. также: UDW, 1899, № 4, S. 50. «Когда славянин мечтает стать немцем — это понятно, так как немцы представляют в значительной степени более высокую и благородную нацию...».

«Немецкий язык должен быть господствующим, мы не смогли бы обойтись каким-либо славянским наречием»⁶⁶. Этот расистский бред, хорошо усвоенный впоследствии фашистами, должен был обосновать дальнейшую политику пангерманцев в отношении Австрии.

Итак, никакого соглашения с чехами, только беспощадная борьба, от исхода которой зависит, не перестают повторять пангерманцы, судьба Австрии как «немецкого государства», как члена Тройственного союза. Для того чтобы сохранить такую Австрию, Пангерманский союз выдвигает требования, которые повторяют основные положения немецких шовинистов, сформулированные еще в 1882 г. в Линце и ставшие потом основой почти всех программ немецко-националистических группировок Цислейтании. Это требование предоставления Галиции, Буковине и Далмации «особого положения». «Поэтому,— пишет Хассе, законным является желание австрийцев выделить эти чужеродные тела (Галицию, Буковину и Далмацию.— *H. P.*), убрать их из рейхсрата и таким образом добиться, правда, пусть и незначительного, но все же большинства в 51,5%»⁶⁷.

В такой Австрии должна проводиться ярко выраженная антиславянская политика, которая приведет к полной германизации страны.

Официальная Германия очень держалась за господствующие классы Венгрии, считая их своими союзниками в борьбе со славянством, и этот германо-венгерский альянс стал традиционен в германской политике. Пангерманский же союз, опять в полном согласии с австрийскими пангерманцами, был против дуализма, выдвигая требова-

⁶⁶ UDW, 1899, № 18, S. 213.

⁶⁷ AB, 9.I 1898, S. 7. Об «особом положении» этих трех областей «Alldeutsche Blätter» пишут очень много, считая, что оно сможет быть осуществлено, если в теперешней немецко-чешской борьбе в Австрии победят немцы и как победители они смогут диктовать свои условия правительству (см.: AB, 15.VIII 1897, S. 164; 7.XI 1897, S. 231). Об этом же все время пишет шёнерианская газетенка, указывая, что «особое положение» дало бы немцам в парламенте большинство (см.: UDW, 1899, № 22, S. 261); судетского немца Э. Францля, прошедшего гитлеровскую школу, мысль о том, что для удержания господства немцам надо иметь какое-то численное превосходство, просто забавляет (E. Franzel. Der Donauraum im Zeitalter des Nationalitätenprinzips (1789—1918). Bern — München, 1958, S. 126).

ние личной унии между Австрией и Венгрией. Вообще пангерманцы были против мадьяр, считая их также «неполноценным народом», к тому же угнетающим трансильванских саксов⁶⁸. Но все-таки помня, что в борьбе со славянами мадьярские господствующие классы являются союзниками Германии, они тогда воздерживались от слишком резких нападков на мадьяр⁶⁹.

Но не следует думать, что, «выделяя» Галицию, Буковину и Далмацию, заключая с Венгрией только личную унию, пангерманцы отказывались от этих областей. Нет, они просто предусматривали германизацию двуединой монархии по этапам, из которых первым было немецивание чешских земель и южных областей Австрии, населенных словенцами, т. е. чехи и словенцы становились первыми жертвами пангерманской агрессии⁷⁰. Без сомнения, потом пришла бы очередь и других «неполноценных народов».

«Немецкая Австрия» пангерманцев должна была быть связана с Германской империей целой системой договоров, которые в конечном итоге должны были подготовить слияние ее с Германией. Тут в первую очередь речь шла о договорах экономического характера — таможенного, торгового, железнодорожного и т. п.

Мы знаем, что эти вопросы играли первенствующую роль в планах создания «Срединной Европы». «Alldeutsche Blätter» уделяли им большое внимание, стремясь по-

⁶⁸ Пангерманцы много пишут о мадьяризаторской политике венгерских господствующих классов в отношении трансильванских саксов (см. например: АВ, 17.X 1897, S. 214).

⁶⁹ «Alldeutsche Blätter» писали, что если мадьяры будут поддерживать немецкий элемент в Венгрии, то Тройственный союз обоснован (АВ, 17.X 1897, S. 214; 31.X 1897, S. 221).

⁷⁰ Коржалка пишет, что для чешского и словенского народов Пангерманский союз не допускал даже мысли о возможности какой-либо автономии, даже самостоятельного национального существования (J. K o ř a l k a. V š e n ě m e c k ý s v a z a č e s k á o t á z k a..., str. 35). Венгерский историк Токоди, разбирая планы Пангерманского союза относительно Австрии, относящиеся к более позднему времени (так называемый меморандум Риттера 1912 г.), указывает, что, хотя пангерманцы хотели тогда реорганизовать Габсбургскую монархию, создав внутри ее семь отдельных национальных групп, тем не менее Чехию, Моравию, Словению и Истрию они включили в «восточную марку» — немецкую область этого реорганизованного государства (G. T o k o d y. Die Pläne des Alldeutschen Verbandes zum Umgestaltung Österreich-Ungarns.— «Acta Historica», 1963, № 1-2, S. 57).

мимо всего прочего показать, что подобные соглашения отвечают более интересам Австрии, чем Германской империи.

В этом смысле представляет интерес статья П. Замассы «Немецкая экономическая политика будущего и Австро-Венгрия»⁷¹, в которой автор, стараясь убедить читателя, что таможенная уния выгодна прежде всего Австрии, акцентирует все же внимание на том, что получит от унии Германская империя; интересно также, что на первом этапе в таможенную систему должна войти не вся Австро-Венгрия, а только перекроенная на основе выделения Галиции, Буковины и Далмации Цислейтания, так как включение аграрной Венгрии автор считает невыгодным для Германии.

Помимо договоров экономического характера Австрия должна была заключить с Германией государственно-правовой союз, который должен был быть зафиксирован в конституциях обеих стран.

Такая Австрия должна была, в планах пангерманцев, стать надежной союзницей Германии, действительным оплотом против якобы угрожающего славянства.

Если австрийские пангерманцы, также придавая очень большое значение системе договоров, не упускали случая пугать австрийское правительство призраком аншлюса⁷², то руководство Пангерманского союза предпочитало не говорить об аншлюсе, указывая, что его могут выдвинуть только взволнованные умы в Австрии. И когда на собрании Пангерманского союза в сентябре 1897 г. пангерманец Хофер из Хеба (Эгера) патетически заявил: «Мы, немцы в Австрии, образуем защитный вал для будущей борьбы, которая произойдет между славянством и германизмом, и всегда нашим девизом будет «один бог, один император, одна империя»⁷³, то руководство Пангерманского союза старалось всячески замаять дело,

⁷¹ АВ, 12, 19.X 1901; см. также: АВ, 8.VII 1900, S. 280. Автор статьи— Пауль Замасса пишет, что заключение таможенной унии даст возможность Австрии использовать германские колонии, но что со своей стороны для Германии не безразличны водные ресурсы и морские порты альпийских земель (см. также: АВ, 1.VIII 1897, S. 155; 5.IX 1897, S. 280; 20.V 1900, S. 202—204).

⁷² UDW, 1899, № 22, S. 261. Выдержки из выступления шёнерианца К. Тюрка в рейхсрате 25.X 1899 г.

⁷³ АВ, 12.IX 1897, S. 183.

представляя его лишь результатом запальчивости оратора.

Не аншлюс, а заключение государственно-правового союзного договора и ряда экономических договоров между Германией и Австро-Венгрией — такова была политика Союза в то время⁷⁴.

Но дело заключалось не в том, что Пангерманский союз был против аншлюса. Ведь по существу все его планы создания «Великой Германии» вели к ликвидации Австро-Венгрии. Нет, руководители Пангерманского союза не одобряли аншлюс именно сейчас, когда Германия была в основном занята колониальными делами, строительством флота и, когда ей, по их мнению, незачем было тратить силы на внутренние дела (так пангерманцы называли австро-германские отношения)⁷⁵. Они понимали также, что аншлюс вызвал бы ненужные тогда для Германии внешнеполитические осложнения. Для Пангерманского союза аншлюс был вопросом будущего, правда, может быть, и не столь далекого, но который требовал подготовки. В этом смысле характерен следующий эпизод. В брошюре явно пангерманского направления «Германия в начале века»⁷⁶ автор проводит мысль, что расширение Германии в Европе будет достигнуто не мирным путем, а в ходе войны, что из чешских земель следует выселить чешское население и заменить его немецким. За эти высказывания автор получает от «Alldeutsche Blätter» нагоняй: он, мол, слишком легко идет на войну, не понимая, что последняя может быть опасна для существования Германии⁷⁷. Таким образом, неуверенность в исходе войны, а не сама война — причина недовольства пангерманской газеты.

Таково было в то время отношение Пангерманского союза к австрийскому вопросу в целом. Что же касает-

⁷⁴ АВ, 18.VII 1897, S. 143.

⁷⁵ АВ, 17.VI 1900, S. 246. Изложение выступления П. Замассы. П. Замасса считал аншлюс нежелательным, так как он мог вызвать внутренние осложнения в империи и помешал бы осуществлению «мировой политики». АВ, 11.II 1900, S. 63. В статье затрагивается вопрос о возможности распада Австрии и присоединения ее к Германии и рекомендуется не торопиться, подождать пока Германия совершенно не окрепнет.

⁷⁶ «Deutschland bei Beginn des Jahrhunderts» (Von einem Deutschen). Berlin, 1900.

⁷⁷ АВ, 30.IX 1900, S. 392.

ся непосредственных событий, т. е. национальной борьбы, развернувшейся в Австрии в связи с указами Бадени, то пангерманское руководство все время зорко следило за разворачиванием событий в Австрии и всячески старалось активизировать немцев империи в смысле поддержки своих, как они выражались, австрийских соплеменников. Какова должна быть эта поддержка?

Во-первых, моральная. Митинги и собрания в «защиту австрийских братьев» в самой Германии, поездки деятелей Пангерманского союза в Австрию, посещения австрийскими пангерманцами Германии, публикация различных брошюр, посвященных положению в Австрии и т. п. Вся эта деятельность имела целью разжигание в Германии антиславянских настроений, усиление пангерманской пропаганды, возбуждение общественного мнения против австрийского правительства. Все это должно было воздействовать на германское правительство с тем, чтобы оно предприняло более решительные шаги в отношении своей союзницы. Вместе с тем Пангерманский союз хотел запугать и австрийских руководящих политических деятелей.

Во-вторых, экономическая. Эта интересная сторона деятельности Пангерманского союза не всегда была эффективной⁷⁸, но очень симптоматичной. «Alldeutsche Blätter» все время призывает жителей Германии всеми силами поддержать немецких промышленников и немецких сельских хозяев чешских земель в их борьбе с чешскими конкурентами. Они призывают немцев Германии и Австрии покупать товары только немецкого производства и в немецких магазинах, увольнять чешских рабочих⁷⁹.

И наконец, очень пропагандируется как эффективное средство изменения национального состава населения в пользу немцев скупка немцами земель, продающихся,

⁷⁸ J. Kořalka. Všeněmecký svaz a česká otázka..., S. 50. Можно согласиться с И. Коржалкой, который считает, что экономическая борьба в целом-то дала тогда мало результатов.

⁷⁹ АВ, 6.VI 1897, S. 116. Пангерманский союз призывает всех немцев не давать работы чешским рабочим и чешской прислуге (АВ, 13.II 1898, S. 31). Надо сказать, что такого рода экономическая борьба велась и противной стороной с неменьшим усердием, лозунг «svůj k světu» был тогда весьма популярен среди чешского населения.

как всегда выражаются немецкие националисты, в «немецких областях», имея в виду те области Чехии, где немцы составляли большинство населения, или в близлежащих к ним районах⁸⁰. Скупка эта должна была, по их мнению, воспрепятствовать так называемой «чехизации» этих районов, которой так боялись пангерманцы. Все это вызывало ассоциации с политикой прусского правительства в отношении польских земель и должно было, естественно, встретить полное понимание прусско-юнкерских кругов Германии. Пангерманский союз при этом просто ссылался на прусский опыт; он предлагал проводить в «немецких районах» Чехии и Моравии и в районах, граничащих с этими областями частную, колонизацию, наподобие той государственной, какую проводят в прусских восточных провинциях Германии⁸¹. Пангерманцы хотели чтобы на примере их страны австрийские немцы убедились бы в «целесообразности» такой политики.

Пангерманский союз считал необходимым единство австрийских немцев в борьбе, разгоревшейся вокруг указов о языках, и очень следил за тем, как бы среди «немецкой оппозиции» не восторжествовали бы умеренные элементы, призывающие к соглашению с правительством и чехами. Тут основную роль играла Прогрессивная партия. И хотя симпатии Пангерманского союза были на стороне крайних немецких националистов — пангерманцев, он все же больше ориентировался на немецкую Народную партию⁸². Руководство Пангерманского союза опасалось, что слишком разнузданная антиавстрийская

⁸⁰ Такого рода материала много на страницах «Alldeutsche Blätter». Немецким банкам рекомендуется давать ссуды немцам, желающим приобрести такие земли. Приветствуется учреждение немецкого «Volksbank für Böhmen», задачей которого является поддержание немецких земельных собственников (см.: АВ, 13.II 1898, S. 31; 27.II 1898, S. 46; UDW, 1899, № 13, S. 158).

⁸¹ АВ, 19.XII 1897, S. 265.

⁸² Пангерманский союз все время стремится активизировать лидеров Народной партии, подчеркивая, что если они не хотят потерять руководство движением, то должны быть решительными и энергичными в национальном отношении (см.: АВ, 19.I 1901, S. 32). Коржалка пишет, что лидеры Пангерманского союза понимали, что шёнерианцы имеют массовую опору только среди крайних шовинистов пограничных областей чешских земель и что другие немецко-националистические партии имеют гораздо большее значение в политической жизни страны (J. Kořalka. Všeněmecký svaz a česká otázka., str. 8, 53).

пропаганда Шёнерера усилит умеренные элементы в «немецкой оппозиции», что может оказать пагубное влияние на немецкую Народную партию и тем самым ослабить все немецко-националистическое движение в целом. Поэтому Пангерманский союз и его орган «Alldeutsche Blätter» все время призывает австрийских пангерманцев действовать едино с немецкой Народной партией и из-за мелких личных споров не нарушать единства оппозиции⁸³. Вместе с тем Пангерманский союз был всецело на стороне шёнерианцев, категорически отвергающих всякие переговоры с правительством и чешской оппозицией.

Таково было в общих чертах отношение Пангерманского союза к внутривосточному кризису в Австрии, разгоревшемуся в связи с указами о языках.

Открыто пангерманская, резко выраженная антиславянская политика Пангерманского союза, этой наиболее реакционной и шовинистической организации германских империалистов, несомненна и вызывает много аналогий и ассоциаций с фашистской Германией.

Вместе с тем эта политика в сущности отражала основные тенденции развития германского империализма, превосходящая в своих требованиях откровенно экспансионистских и грубо расистских, то, что по сути потенциально было основой всего внешнеполитического курса германского правительства.

Внутривосточный кризис в Дунайской монархии в конце века, с одной стороны, а также пангерманская пропаганда, с другой, должны были обратить на себя внимание европейских великих держав, и, естественно, вопрос о судьбе и о перспективах ее развития не мог не дебатироваться на высшем уровне. Вот этот, мы бы сказали, международный аспект пангерманской пропаганды и судьба Австро-Венгрии будет предметом исследования в следующих главах.

⁸³ Надо отметить, что Шёнерер не был склонен к «компромиссам» и очень резко на страницах своей газетки «Unverfälschte deutsche Worte» громил «соглашательские» тенденции немецкой Народной партии (UDW, 1899, № 7, S. 80).

●

**Дипломатия Германии, Франции, Англии
и внутривосточный кризис
в Австрии в конце века**

Международное положение Австро-Венгрии в конце XIX в. Внутривосточный кризис в Габсбургской монархии в конце века, обнаруживший всю шаткость и гнилость двуединой монархии, естественно, приковал к себе внимание европейских держав.

Можно сказать, что впервые в истории дуалистической монархии, т. е. с 1867 г., *внутренние* события в Австрии стали объектом пристального внимания европейских правительств и европейского общественного мнения, были вынесены как бы на международный форум и таким образом «чешский вопрос» из внутривосточного стал превращаться в международный вопрос и, как пишет Юрий Кржижек, «на короткое время привлек интерес империалистической дипломатии и публицистики»¹.

¹ J. Křížek. Česká buržoazní politika a česká otázka v letech 1900—1914.— «Československý časopis historický», 1958, № 4, str. 660, 629. На это обращают внимание и другие историки, например западногерманский историк Э. Бирке, останавливающийся в своей работе на отношении французской общественности к Австро-Венгрии. Бирке дает большой фактический материал, однако, несмотря на декларации автора о своем стремлении к объективности изложения, античешская направленность книги не вызывает сомнений (см.: E. Birke. Frankreich und Ostmitteleuropa im 19. Jahrhundert. Beiträge zur Politik und Geistesgeschichte. Graz — Köln, 1960, S. 490).

Обострение классовых и национальных противоречий в конце века настолько расшатало основы государственной власти в Австрии, что тогда в Европе — и в дипломатических кругах и в прессе — стал даже муссироваться вопрос о перспективах самого существования второго после Турецкой империи «больного человека»². Считалось, что толчком к распаду может послужить смерть престарелого императора Франца-Иосифа. А это выдвигало ряд проблем, имеющих первостепенное значение для всей Европы в целом. Кому из великих держав выгоден в настоящей ситуации распад Австро-Венгрии? Может быть, в их интересах сохранить этот дряхлеющий государственный организм.

Ведь дальнейшее существование Австро-Венгрии с точки зрения международных отношений было тесно связано с соперничеством великих держав на Балканах и в Турции³, с национально-освободительным движением народов этого района Европы.

Впрочем, как показала дальнейшая история, даже позднее, когда распадение Австро-Венгрии было уже вопросом ближайших месяцев, великие империалистические державы не очень были склонны санкционировать уничтожение этой многонациональной монархии и создание вместо нее ряда самостоятельных национальных государств.

Между тем распад монархии Габсбургов, о котором под влиянием внутривосточных событий стали поговаривать в Европе, был уже тогда, как мы видели, громко и ясно провозглашен в самой Австрии, став основным

² Бертольд Зуттер подчеркивает международный резонанс событий в Австрии, которые продемонстрировали внутреннюю слабость и разобщенность монархии Габсбургов и «придали спорам, которые велись тогда во всей Европе по вопросу дальнейшего существования монархии, подчеркнуто пессимистический характер...» (B. S u t t e r. Die Badenischen Sprachenverordnungen von 1897, ihre Genesis und ihre Auswirkungen vornehmlich auf die innerösterreichischen Alpenländer, Bd. 1. Graz — Köln, 1930, S. 8). Г. Ганч с сожалением констатирует, что Европа тогда потеряла доверие к силам монархии (H. H a n t s c h. Geschichte Österreichs, Bd. 2. 2. Auflage. Wien — Graz — Köln, 1953, S. 471—472). З. Шолле подчеркивает, что внутренний кризис в Цислейтании был настолько сильным, что повлиял и на международное положение Австрии («Přehled československých dějin». D. 2. 1848—1918. Sv. 1. 1848—1900. Praha 1960, str. 665).

³ J. K ř í ž e k. Op. cit., str. 629.

пунктом программы австрийских пангерманцев-шёнерианцев.

Резкое обострение немецко-чешских отношений, бывшее причиной внутривосточного кризиса австрийской половины монархии, выдвинуло пангерманцев на авансцену политической борьбы, и эта по существу немногочисленная политическая группировка, будучи глашатаем самой разнузданной открыто пангерманской пропаганды, обратила на себя внимание за пределами Австрии в основном из-за криков о желательности распада монархии и аншлюса⁴. Шёнерианцы тогда громко афишировали свои антигабсбургские, прогерманские требования, что нашло полное отражение в их прессе.

В данной главе мы ставим своей задачей рассмотрение отношения главных западноевропейских держав — Германии, Франции, Англии — к внутривосточному кризису в монархии Габсбургов в конце века⁵. При этом нам представляется существенным показать не только, как европейские державы оценивали события в Австрии, но и как они относились к открыто прогерманским лозунгам шёнерианцев, которые были не одиноки, так как за ними стояла такая мощная организация, как Пангерманский союз империи.

Вместе с тем мы совершенно не склонны преувеличивать значение так называемого «австрийского вопроса» в международном плане, его нужно рассматривать только

⁴ Г. Ганч пишет, что в Европе о событиях в Австрии плохо разбирались, так как слишком прислушивались к громким фразам и крикам радикалов (так Ганч называет пангерманцев), не понимая, что за этим барабанным боем стоит лишь небольшая группа людей (H. Hantsch. Op. cit., S. 472—473). Об определенной изолированности пангерманского движения в Австрии в конце века пишет венгерский историк Д. Токоди, специально занимающийся историей пангерманизма в Венгрии в годы, предшествующие первой мировой войне. Он видит корни этого в прогогенцоллерновской, прусской политике шёнерианцев, которая, мол, шла вразрез с тенденциями австрийского империализма к самостоятельности. Это не противоречит тому, что, по мнению Токоди, пангерманизм в Австрии был опорой германского империализма (G. Tokody, Zur Frage der politischen Beziehungen zwischen Österreich-Ungarn und Deutschland von 1900 bis 1914. — «Österreich-Ungarn in der Weltpolitik 1900—1918». Berlin, 1965, S. 150, 152).

⁵ Позиции царской России мы посвящаем отдельную главу. Мы не рассматриваем отношение к австрийскому вопросу молодых балканских государств, считая, что оно, вероятно, может стать предметом специального исследования.

в общем комплексе международных отношений того времени, учитывая сложную международную обстановку как в Европе, так и во всем мире.

Надо подчеркнуть, что в историографии эти вопросы не стали предметом монографических исследований.

Правда, и в общих работах, и в книгах, посвященных отдельным проблемам международных отношений того времени, почти всегда мы находим упоминание, что Австро-Венгрия не была тогда способна к активной внешней политике вследствие глубокого внутривластного кризиса. Однако более подробное рассмотрение этого кризиса и его, мы бы сказали, международного резонанса выпадает из поля зрения историков.

Вместе с тем в последнее время в связи с возросшим интересом к проблемам Австро-Венгрии и с дискуссиями о закономерности ее распада некоторые историки отмечают необходимость изучения связи внутривластного курса двуединой монархии с направлением ее внешней политики⁶.

Вообще внешнеполитическая история Габсбургской монархии в 90-е годы XIX в. не получила достаточного освещения в трудах австрийских историков⁷. Исследова-

⁶ J. Galántai. Die Aussenpolitik Österreich-Ungarns und die herrschenden Klassen Ungarns.— «Österreich-Ungarn in der Weltpolitik 1900—1918». Berlin, 1965, S. 257.

⁷ Об этом пишет и современный австрийский историк Фриц Фелльнер, высказывая предположение, что причиной этого была пассивная (за исключением 1906—1911 гг.) внешняя политика Габсбургской монархии, не заинтересовавшая историков (F. Fellner. Der Dreibund. Europäische Diplomatie vor dem Ersten Weltkrieg. Wien, 1960). Венгерский историк И. Диосеги указывает, что отсутствие монографий очень затрудняет работу историков, занимающихся внешней политикой Австрии (см.: J. Diószegi. Einige Bemerkungen zur Frage der österreichisch-ungarischen Ostpolitik.— «Österreich-Ungarn in der Weltpolitik 1900—1918». Berlin, 1965, S. 240. Сама статья представляет для нас интерес, так как излагает историю внешней политики Австрии в 1895—1905 гг. и опирается на архивный материал, в частности на протоколы Общего министерского совета Австро-Венгрии. Старая австрийская историография также как-то прошла мимо этого периода. Книги Рихарда Хармаца и Теодора Сосножского представляют теперь интерес лишь в историографическом плане (см.: R. Charnatz. Geschichte der auswärtigen Politik Österreichs im 19. Jahrhundert, Bd. 2. 1848—1895. Berlin, 1918; R. Charnatz. Österreichs äussere und innere Politik von 1895 bis 1914. Leipzig, 1918; Th. Sosnosky. Die Politik im Habsburgerreiche, Bd. 1. Berlin, 1912; idem. Die Balkanpolitik Österreich — Ungarns seit 1866, Bd. 2. Stuttgart — Berlin, 1914.

телей в основном интересовал период более поздний, связанный с предысторией и историей первой мировой войны. Естественно, что именно в этих работах мы находим некоторые материалы по внешнеполитической истории Австрии конца века. В этом смысле представляет несомненный интерес сборник «Österreich-Ungarn in der Weltpolitik 1900—1918», опубликованный в Берлине в 1965 г., содержащий материалы международной конференции, состоявшейся в мае 1964 г. в Будапеште.

Осложняет положение исследователя и то обстоятельство, что австрийская публикация официальных дипломатических документов открывается только временем боснийского кризиса, т. е. 1908 г.⁸

В публикациях дипломатических документов западноевропейских держав, в первую очередь Германии, в меньшей степени Франции и Англии, а также в Архиве внешней политики России мы находим материалы по интересующей нас теме; кое-какой материал дают и мемуары политических деятелей и дипломатов того времени. Все это позволяет обрисовать отношение правительств этих стран к внутренним событиям в Австрии в конце века.

Для того чтобы лучше понять отношение Германии, Франции и Англии к событиям в Австрии, надо остановиться на международном положении Австро-Венгрии в то время. Вместе с тем это покажет нам более полно взаимоотношения Австро-Венгрии и Германии, что необходимо как для правильного анализа пангерманской пропаганды, так и для понимания роли Германии как внешнего фактора, питающего пангерманское движение Австрии.

⁸ «Österreich-Ungarns Aussenpolitik von der bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. Diplomatische Aktenstücke des österreich-ungarischen Ministerium des Äusseren». Hrsg. von L. Bittner und H. Übersberger, Bd. 1—2. Wien, 1930. Исключение представляет публикация А. Прибрама «Тайные договора Австро-Венгрии в 1879—1914 гг.» для нашей работы интереса не представляющая (А. Ф. Прибрам. Die politischen Geheimverträge Österreich-Ungarns 1879—1914. Wien, 1920).

Интересующий нас в настоящей работе относительно небольшой отрезок времени — 1897—1899 гг. — очень насыщен событиями и имеет большое значение для дальнейшего исторического развития.

Конец века знаменателен тем, что завершается раздел мира между великими державами и начинается борьба за его передел. Африка, Ближний, Средний и Дальний Восток становятся ареной напряженной борьбы капиталистических хищников⁹. «Владычица морей», крупнейшая колониальная держава Англия стремится захватить то, что она еще не успела прибрать к рукам. На ее пути встают другие державы — Франция, Россия, Япония и прежде всего усиливающаяся, уже тогда рвущаяся к мировому господству Германская империя, которая также требует «свое место под солнцем»¹⁰. Неравномерность экономического развития, одна из характернейших черт капитализма, наглядно прослеживается на примере Германии, которая, будучи сравнительно молодой капиталистической страной, примерно за 30 лет выдвигается на авансцену мировой политики, по темпам развития опережая более старые капиталистические державы Европы. Германии нужны новые рынки сбыта для своей растущей промышленности и тут ее интересы, естественно, сталкиваются с другими капиталистическими странами и в первую очередь с Англией. Но англо-германский антагонизм, который являлся основным и определяющим для всего последующего исторического развития, в 90-е годы прошлого столетия назревал еще подспудно и порою другие противоречия казались более значительными.

⁹ См.: В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 378.

¹⁰ Б. Бюлов. Воспоминания. М., 1935, стр. 109. Из речи Б. Бюлова в рейхстаге в декабре 1897 г.; см. также «Deutsche Geschichte», Bd. 2, Abschnitt 6. Deutschland von 1897—1898 bis 1917. Von F. Klei n. Berlin, 1965, S. 683. На эту фразу Бюлова обращает внимание Петербурга и русский посол в Берлине граф Н. Д. Остен-Сакен, который пишет: «Проникнутый, по-видимому, высокомерными взглядами императора на могущество и силу современной Германии, оратор горделиво заметил, что прошли времена, когда немцы довольствовались небом, предоставляя одним море, а другим сушу» (Архив внешней политики России. Далее: АВПР), ф. Канцелярия, 1897, д. 21, л. 337. Остен-Сакен — Муравьеву 28 ноября (10 декабря) 1897 г.

Таких противоречий было много. Франко-германские, очень острые и не прекращающиеся после франко-прусской войны 1870—1871 гг., франко-английские из-за дележа Африки, англо-русские из-за противодействия английского империализма росту русского влияния на Ближнем, Среднем, а в конце века и на Дальнем Востоке, русско-германские, большую роль в которых играют непосредственные экономические интересы господствующих классов обеих стран, австро-русские и тесно связанные с ними вопросы дележа наследства «больного человека», т. е. Турции, итало-французские из-за колоний в Африке и нас здесь интересующие итало-австрийские из-за Балкан. Все эти противоречия, переплетающиеся взаимосвязанные проявляются в зависимости от конкретных исторических условий то с большей, то с меньшей силой в различных частях земного шара.

Уже возникли две группировки, германо-австрийско-итальянская в 1882 г., оформленная в Тройственный союз, и русско-французская, создавшаяся в начале 90-х годов XIX в. Уже тогда Энгельс подчеркивал, что исход борьбы будет зависеть от того, на чьей стороне выступит Англия¹¹.

Однако в самой Европе в конце века было относительно спокойно. Европейские державы устремились вслед за Англией в колонии и поэтому в европейских делах считали нужным временное сохранение статус-кво.

Правда, не переставали бурлить Балканы. Рост национально-освободительного движения балканских народов, образование национальных государств расшатывали основы Турецкой империи, грозя изменить политическую карту этого района Европы.

Сохранение Турецкой империи как тормоза национально-освободительного движения народов Балканского полуострова было тогда в общем-то в интересах великих держав, что не исключало того, что в зависимости от обстановки они стремились использовать в своих интересах эти национально-освободительные движения¹². При-

¹¹ Ф. Энгельс. Внешняя политика русского царизма.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 44.

¹² Венгерский историк Э. Палоташ указывает, что, несмотря на разность интересов, большинство великих держав было заинтересовано в сохранении Турции (см.: Э. Палоташ. Из дипломатической

мер тому — поддержка Англией Греции в борьбе с Турцией в 1897 г.

В свете международной ситуации, сложившейся в последние годы XIX в. в Европе, внешнеполитическое положение Австро-Венгрии, казалось, было относительно стабильным, хотя и сложным¹³.

Основным объектом экспансии австро-венгерских господствующих классов были Балканы и, естественно, что к ним было приковано внимание австро-венгерской дипломатии.

Главным конкурентом и соперником там была царская Россия и австро-русская борьба за господство на Балканах, проходя различные стадии развития и напряженности, была определяющей вплоть до первой мировой войны¹⁴.

Главное чего боялась и чему всеми силами стремилась воспрепятствовать австро-венгерская дипломатия, — это образование большого и сильного славянского государства на Балканах, что, с одной стороны, усилило бы национально-освободительное движение австрийских славян, главным образом южных, с другой — способствовало бы укреплению там (хотя бы потенциально) позиций официальной царской России, которая, относясь без энтузиазма ко всяким национально-освободительным движениям вообще (славянские исключения не представляли), не упускала возможности, если это в данное время было ей выгодно, играть на них, выставляя себя «защитницей» славянских интересов.

Следует подчеркнуть, что вообще рост национально-освободительного движения был не по душе и Австро-

истории македонского вопроса на исходе XIX века. — «Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae. Sectio Historica». Budapest, 1963, p. 117—119).

¹³ Это подчеркивает И. Диосеги (см.: J. Diószegi. Op. cit., S. 242—245; J. Křížek. Op. cit., str. 629—632).

¹⁴ A. Oțetea, D. Berindei... Die Internationale Lage und die Außenpolitik Österreich-Ungarns in den ersten zwei Jahrzehnten des 20. Jahrhunderts. — Österreich-Ungarn in der Weltpolitik 1900—1918. Berlin, 1965, S. 84. Нацеленность австрийской внешней политики после 1866 г. на Юго-Восток Европы означала, по мнению румынских историков, конфликт с Россией и Италией, а также борьбу с угнетенными национальностями Австро-Венгрии. Последний тезис сформулирован не совсем удачно, ибо борьбу эту Габсбургская монархия вела и ранее.

Венгрии и царской России, этим двум реакционно-монархическим системам, больше всех заинтересованным тогда в Балканах¹⁵. В этом вопросе они — внешнеполитические противники, но во многом сходные в социально-экономическом и политическом отношении — находили общий язык и это облегчало им в какой-то мере установление более спокойных отношений между собой в этом районе Европы.

Стремясь на Балканы, австро-венгерские господствующие классы вместе с тем не были тогда склонны присоединять к себе новые балканские территории, опасаясь увеличивать славянский элемент в монархии. Оккупация Боснии и Герцеговины, которую правительство Австро-Венгрии предприняло в 1878 г., нужна была им, так как казалась какой-то преградой к организации большого, их пугающего южнославянского государства на Балканах¹⁶.

Их экспансия на Балканы, отвечая экономическим и политическим интересам нарождающегося империализма, была в силу специфических условий Австро-Венгерской монархии борьбой за укрепление и расширение сферы влияния, а не за непосредственное увеличение территории¹⁷.

В интересующие нас годы Австро-Венгрия после неудачных попыток заручиться в своей балканской политике активной поддержкой Германии, которая тогда не была склонна ухудшать из-за Австрии свои отношения с царской Россией, и не получив в этом направлении желаемой помощи и от Англии, посчитала за лучшее нормализовать как-то свои отношения с Россией, результатом чего явилось подписание в 1897 г. австро-русского соглашения о Балканах, что в то время по ряду причин отвечало и интересам царской России. При этом обе стороны прекрасно понимали, что это только временное затишье.

¹⁵ История дипломатии, т. II. Дипломатия в новое время. 1871—1914. Автор тома В. М. Хвостов. М., 1963, стр. 347.

¹⁶ J. D i o s z e g i. Op. cit., S. 241, 245.

¹⁷ Как писал В. М. Хвостов, отказ Австро-Венгрии тогда в силу ряда причин от прямой аннексии на Балканах (одной из причин Хвостов считает тяжелое внутреннее положение монархии) не означал отказа от активной политики там (В. М. Хвостов. Ближневосточный кризис 1895—1897 гг.—«Историк-марксист», 1929, т. 13, стр. 39—42).

В силу всего этого Австро-Венгрия тогда была также заинтересована в целостности Турции¹⁸.

Вопрос об отношениях Австро-Венгрии и Германии в рамках Тройственного союза не прост. Австро-венгерская монархия, связанная с Германией с 1879 г. союзным договором, который с 1882 г. после присоединения к нему Италии стал называться Тройственным союзом¹⁹, была для Германии в ее европейской политике существенным фактором. Не подлежит сомнению, что в этом союзе руководящая роль принадлежала Германии, Австро-Венгрия была партнером подчиненным²⁰. Как Бисмарк —

¹⁸ Т. Sosnosky. Die Balkanpolitik Österreich-Ungarns seit 1866, Bd. 2, S. 116.

¹⁹ О Тройственном союзе имеется большая литература. О нем пишет в своей работе С. Д. Сказкин (С. Д. С к а з к и н. Конец австро-русско-германского союза, т. 1. 1879—1884. М., 1928). Очень подробно на нем останавливается в своей монографии А. С. Ерусалимский, исследуя вторую половину 90-х годов (А. С. Е р у с а л и м с к и й. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. Изд. 2. М., 1951). В 1960 г. уже упоминавшийся нами Фриц Фелльнер выпустил небольшую, но интересную книгу «Der Dreibund. Europäische Diplomatie vor dem Ersten Weltkrieg» (Wien). В центре исследования у Фелльнера стоит Австро-Венгрия и австро-итальянские отношения. Нам кажется неверным, что, анализируя отношения Австро-Венгрии к ее партнерам, Фелльнер все время подчеркивает, что в этом союзе Габсбургская монархия была пассивной, страдающей стороной (ibid., S. 6—7). Очевидна тенденциозность и неприемлимость утверждения Фелльнера о том, что Тройственный союз носил только оборонительный характер (ibid., S. 48). См. также: «История дипломатии», т. 2, стр. 140—142.

²⁰ Вопрос об отношении Германии и Австро-Венгрии, о степени зависимости последней и о том, насколько могли руководящие деятели Австро-Венгрии в рамках Тройственного союза проводить свою самостоятельную политику, сложен и на разных этапах принимал различные формы. Больше всего этот вопрос интересовал историков в связи с первой мировой войной (см.: F. Klein. Probleme des Bündnisses zwischen Österreich-Ungarn und Deutschland am Vorabend des Ersten Weltkrieg.— «Österreich-Ungarn in der Weltpolitik 1900—1918». Berlin, 1965). См. другие статьи этого сборника: Д. Токоди «Zur Frage der politischen Beziehungen zwischen Österreich-Ungarn und Deutschland von 1900 bis 1914» (S. 148—154). Токоди отмечает усиление с начала века зависимости Австро-Венгрии от Германии (S. 148); в другой статье он еще более акцентирует зависимость Австро-Венгрии от германской политики (см.: «Die Pläne des Alldeutschen Verbandes zum Umgestaltung Österreich-Ungarns».— «Acta Historica», 1963, № 1—2, S. 45; см. также: Б. М. Туполев. Экспансия германского империализма в Юго-Восточной Европе в конце XIX — начале XX в. М., 1970.

создатель Тройственного союза, так и другие политические руководители Германской империи в общем-то стремились уменьшить политический вес Австро-Венгрии в Европе, понимая, что только слабая Австрия могла бы быть послушным союзником Германии и не осмелилась бы вести самостоятельную внешнюю политику, не всегда согласующуюся с интересами Германской империи. С этой целью они были не прочь усилить в дуалистической монархии влияние венгерских господствующих классов, перенести центр тяжести из Вены в Будапешт.

И действительно, в конце века Габсбургская монархия не была уже прежней могущественной державой. Очень характерным для определения отношения Германии к своей союзнице являются воспоминания Б. Бюлова, у которого при анализе международного положения (речь идет о 1897 г.) Австро-Венгрия как самостоятельная держава как-то выпадает. Она фигурирует у Бюлова только как союзница Германии или когда речь идет о германо-русских отношениях²¹.

В своих взглядах на Австрию руководители Германской империи исходили из того, что это не только союзное, но и немецкое государство и, хотя оно многонациональное и австрийские немцы не составляют там большинства населения, руководящая роль в нем принадлежит им²². В Германии и слышать не хотели о каком-либо изменении якобы «немецкого» характера австрийского государства, считая это «альфой и омегой» германо-австрийских отношений.

²¹ Б. Бюлов. Воспоминания, стр. 56—58. То же с горечью констатирует австрийский дипломат Мусулин. «С тех пор как мы заключили союз с Германией,— пишет он,— мы держали себя как замужняя женщина, которая из чувства верности не только отказывает себе в *extratour*, но и прекращает отношения с прежними друзьями, если они не друзья ее мужа. В новейшей дипломатической истории монархии отсутствует глава об Австро-Венгрии как великой державе». Мусулин здесь, конечно, утрирует положение, превращая Австро-Венгрию в слепого исполнителя планов германского империализма (F. Musulin. *Das Haus am Ballplatz*. München, 1924, S. 80). В том же смысле пишет Т. Сосносский (Th. Sosnosky. *Die Politik im Habsburgerreiche*, Bd. 1, 2. Auflage. Berlin, 1912, S. 25—27).

²² Это точка зрения в общем-то почти всей германской и австрийской буржуазной историографии и публицистики всех направлений (см.: J. Droz. *L'Europa central. Évolution historique de l'idée de «Mitteleuropa»*. Paris, 1960, p. 171—173).

Вместе с тем для германского империализма сама Австрия означала нечто большее, чем простое расширение немецкого влияния. Можно согласиться с чешским историком К. Гохом, что «... она была не только целью..., но и исходным пунктом для дальнейшей германской экспансии»²³.

Когда после образования Германской империи внешняя политика Габсбургской монархии сосредоточилась в одном направлении — юго-восточном, то это встретило полную поддержку Германии, для которой Балканы также имели первостепенное значение и которой в борьбе с другими державами в этом районе Европы было выгодно опираться на Австро-Венгрию. «Австрия стала на Балканах мечом продвигающегося на Восток германского империализма»²⁴, т. е. Балканы стали отправным пунктом одного из главных направлений германской экспансии пресловутого «Дранг нах Зюдостен»²⁵.

Германия, поощряя австро-венгерскую экспансию в сторону Балкан, в то же время сама укреплялась в этом районе Европы (экономически и политически), ослабляя в какой-то степени влияние Австро-Венгрии²⁶.

²³ K. Hoch. Pangermanismus. Praha, 1946, str. 151; то же: G. Tokody. Zur Frage..., S. 150.

²⁴ J. Galántai. Op. cit., S. 257. Ф. Клейн, на наш взгляд, недооценивает значение балканской политики Германии в то время (см.: F. Klein. Deutsche Geschichte, S. 684—689, раздел «Die expansive Aussenpolitik und die beginnende Isolierung des deutschen Imperialismus. 1897 bis 1901»; Б. М. Туполев. Австро-Венгрия в планах пангерманцев в конце XIX — начале XX в.— «Славяно-германские отношения». М., 1964, стр. 110—113).

²⁵ R. Olšovský. Pronikání německého imperialismu do jihovýchodní Evropy. Období 1890—1940. Praha, 1963, str. 7, 46 a dalé; A. Schreiner. Zur Geschichte der deutschen Aussenpolitik. 1871—1945, Bd. I. 1871—1918. Berlin, 1955, S. 249 u. ff.; см. также: К. Б. Виноградов. Боснийский кризис 1908—1909 гг. Л., 1964, стр. 15.

²⁶ J. Galántai. Op. cit., S. 256. Галантай подчеркивает энергичное вторжение германского капитала на Балканы, указывая, что хотя он действовал там в контакте с австрийским, но иногда, и это было нередким явлением, как его удачный соперник (то же: F. Klein. Problem des Bündnisses..., S. 162). В письме русского дипломата в Константинополе Жадовского в Петербург 18(30) декабря 1897 г. о быстро возрастающем влиянии Германии в Турции указывается: «Все, что за последние годы потеряла здесь в области торговли и промышленности Англия, Франция и даже политическая союзница Германии Австрия (подчеркнуто мною.— Н. Р.),—

Вместе с тем, говоря об определенной степени зависимости Австро-Венгрии от Германии, не следует забывать, что несмотря на неравноправное положение обоих партнеров, этот союз безусловно отвечал национально-политическим интересам австро-немецких и венгерских господствующих классов монархии, что всегда умело использовали пангерманцы в своей пропаганде, а то обстоятельство, что Германская империя поддерживала австрийские устремления на Балканы, соответствовало интересам всех империалистических группировок Австро-Венгрии, в частности и чешской буржуазии²⁷.

Еще более сложными были отношения Австро-Венгрии с ее вторым союзником — с Италией. В итало-австрийских отношениях в то время основным камнем преткновения были Балканы²⁸. Итало-австрийские отношения надо рассматривать, учитывая, что на них оказывали влияние другие страны: Германия, всегда зорко следившая за своими союзниками и не допуская ни их слишком большого сближения, ни резкого обострения отношений между ними; Англия, господствовавшая тогда в бассейне Средиземного моря, связанная еще с 1887 г. с Австро-Венгрией и Италией соглашением, так называемой Средиземноморской Антантой. Немалую роль играли и франко-итальянские противоречия, которые не только стали причиной вступления Италии в 1882 г. в Тройственный союз, но в конце века еще более усилились

перешло всецело в руки немцев» (АВПР, ф. Политархив 1897—1900, д. 3194, л. 2). О постепенном вытеснении Германией австро-венгерской торговли с Балканского полуострова и Турции пишет Капнист 3(16) апреля 1900 г. в Петербург (там же, л. 107—110).

²⁷ Это прежде всего относится к младочешской партии, которая все более превращается в партию крепнущей промышленной, торговой и финансовой чешской крупной буржуазии, заинтересованной в сильной Австро-Венгрии, могущей обеспечить ей рынки сбыта и в первую очередь Балканы (см.: J. Křížek. Op. cit., S. 627).

²⁸ Итальянский историк Л. Валиани указывает, что с самого начала Тройственного союза отношения между Австро-Венгрией и Италией были напряженными, в основном из-за Балкан (прежде всего из-за Албании) (L. Valiani. Die internationale Lage Österreich-Ungarns 1900—1918. — «Österreich-Ungarn in der Weltpolitik 1900—1918». Berlin. 1965, S. 60—62). Об этом пишет Капнист 3(16) апреля 1900 г. в Петербург (см.: АВПР, ф. Политархив 1897—1900, д. 3194, л. 108—110). Собственно уже упоминавшаяся книга Фелльнера о Тройственном союзе в основном исследует австро-итальянские противоречия из-за Балкан.

в связи с колониальными притязаниями этих держав в Африке.

Мы здесь не останавливаемся на положении итальянского населения в Габсбургской монархии, которое было отличным от положения славянских национальностей Австро-Венгрии²⁹. Вместе с тем здесь сепаратистские стремления звучали отчетливо, что смущало союзное Габсбургам итальянское правительство.

Во всяком случае «итальянский вопрос» в австрийской политике Италии был незначительным по сравнению с «немецким вопросом» в австрийской политике Германской империи.

Более спокойными были отношения Австро-Венгрии с двумя великими державами Западной Европы — Францией и Англией. Во внешнеполитических планах этих двух держав Габсбургская монархия существенной роли не играла.

В этом смысле представляют интерес воспоминания Мусулина, который с горечью констатирует, что «...Кроме Петербурга и Балкан, австрийская дипломатия была активна только в Риме и то в более оборонительной, чем наступательной форме. От политической роли на Западе старая монархия, к большому для себя вреду, уже давно отказалась. Я это отчетливо увидел в Париже (Мусулин был сотрудником австрийского посольства в Париже в 1894 г. — *Н. Р.*). Наша задача там состояла больше в наблюдении происходящего, от непосредственного влияния мы уже отказались. ...Загипнотизированные русскими тревогами, мнимо гарантированные союзом с Германией, мы если не разрушили мост на Запад, то совершенно расшатали его»³⁰.

Во внешнеполитических планах Франции и Англии Австро-Венгрия котировалась в первую очередь как союзник Германии (что не исключало того, что великие державы всегда стремились использовать австро-германские противоречия в свою пользу) и как большое много-

²⁹ В своей книге, посвященной положению итальянцев в Габсбургской монархии, Т. Фейтер всячески старается доказать, что итальянскому меньшинству жилось совсем неплохо в Австрии, что оно, мол, находилось в привилегированном положении по сравнению с другими национальностями Австро-Венгрии (Т. Veiter. *Die Italiener in der österreichisch-ungarischen Monarchie*. Wien, 1965).

³⁰ F. Musulin. *Op. cit.*, S. 80.

национальное государство, тесно связанное с Юго-Восточной Европой — ареной борьбы империалистических держав и поэтому важным фактором в политическом развитии этой части Европы³¹.

Ни у Англии, ни у Франции не было непосредственных столкновений интересов с Габсбургской монархией³².

Англия была традиционной союзницей Австро-Венгрии на Балканах в борьбе с Россией³³.

Благожелательными и спокойными были отношения Австро-Венгрии с Францией, но, в отличие от Англии, Франция раньше начала проявлять внимание к положению дел внутри монархии.

Можно полностью согласиться с Колейкой в том, что выражение симпатий к славянским народам Австро-Венгрии было отражением собственной антинемецкой позиции французской и английской буржуазии³⁴.

Вполне естественно, что во Франции это было несравненно более ярко выражено, чем в Англии. Объяснялось это также традиционным, мы бы сказали, вниманием французского правительства и французского общественного мнения к славянам, правда, речь шла в начале почти исключительно о поляках³⁵. Со второй

³¹ По мнению Ю. Кржижека, существование Австро-Венгрии отвечало тогда задаче удержания европейского равновесия в этой части Европы и, казалось, было препятствием к проникновению русского влияния и германской экспансии. Последнее кажется нам сомнительным (J. Křížek. Op. cit., str. 630).

³² В воспоминаниях Бисмарка есть интересное для нас замечание, что трения между Австрией и Францией из-за Италии, влияния на которую они обе домогаются, теперь не существует в прежней форме (см.: О. Бисмарк. Мысли и воспоминания, т. 2, М., 1940, стр. 227; там же, стр. 213). Бисмарк очень боялся союза Австрии с Францией, который мог бы, по его мнению, возникнуть, если бы в Австрии изменилась форма правления (т. е. победили бы сторонники федералистического переустройства Габсбургской монархии).

³³ До образования Антанты Англия поддерживала Австрию в ее балканской политике (J. Galántai. Op. cit., S. 256); вместе с тем к концу века Германия, не без участия Австро-Венгрии, начинает вытеснять Англию с Балкан.

³⁴ И. Колейка. Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Прага, 1964, стр. 20.

³⁵ Интересна аннотация к упоминавшейся ранее книге Бирке: до заключения франко-русского соглашения общественное мнение Фран-

половины 60-х годов появляется какой-то интерес и к чехам, что в определенной степени было связано с деятельностью чешских общественно-политических деятелей, желавших привлечь внимание французского общественного мнения и императора Наполеона III к так называемому чешскому вопросу³⁶.

«Прежде всего нам нужно, чтобы французы о нас знали, понимали наше дело и признали бы, что их интересы в некоторых вопросах сходятся с нашими», — писал один из лидеров старочехов, Ф. Л. Ригер, в 1867 г. из Парижа другому старочеху, А. Цейтгаммеру³⁷.

Если Ригеру не удалось даже увидаться с Наполеоном III (Наполеон тогда поддерживал Габсбургов, надеясь иметь их союзниками в борьбе с Пруссией), то все же его поездка не осталась без результата. Известный славист Луи Леже, А. Лефевр и другие начинают как-то информировать свою страну о Чехии и чехах³⁸.

В последнее десятилетие XIX в. во Франции значительно усиливается интерес к славянскому населению двуединой монархии, в частности к чехам. Правда, это больше относится к общественному мнению, чем к официальной Франции³⁹.

На рост интереса к славянскому населению Австро-Венгрии существенное влияние оказали следующие обстоятельства.

ции под влиянием агитации польских эмигрантов было настроено резко против России и все внимание уделяло польскому вопросу. Но потом под влиянием чешской агитации, указывается в аннотации, германская угроза выходит на первое место. Здесь, безусловно, преувеличивается значение чешской агитации с тем, чтобы затушевать действительное значение пангерманской опасности для Франции.

³⁶ Н. Д. Ратнер. Программа и тактика чешской буржуазии в 1860—1867 гг. — «Ученые записки Института славяноведения», т. 14. М., 1956, стр. 171; И. Колейка. Указ. соч., стр. 18 и сл.

³⁷ «Přispěvky k listafi Fr. L. Riegra». D. 1. Praha, 1924, str. 173.

³⁸ L. Léger. Histoire de l'Autriche-Hongrie. Paris, 1879; см. также: И. Колейка. Указ. соч., стр. 19; E. Birke. Op. cit., S. 478—479.

³⁹ Тут в первую очередь надо назвать неоднократно нами упоминавшегося молодого тогда публициста Андре Шерадама, написавшего ряд книг, посвященных пангерманизму и славянам (E. Birke. Op. cit., S. 494; J. Křížek. Op. cit., str. 633—634). См. также предисловие А. Леруа-Болье к книге Вейля. Леруа-Болье подчеркивает, что во Франции в связи с ростом пангерманизма особенно среди молодежи усилился интерес к Австрии (G. Weil. Le pan-germanisme en Autriche. Paris, 1904, p. V).

Во-первых, франко-русское сближение и образование франко-русской коалиции, направленной в основном против усиливающейся Германской империи и возглавляемого ею Тройственного союза, естественно должно было обратить внимание французских политиков на славян Австро-Венгрии. «...Нас, чехов, французы любят потому, что мы их политические союзники в борьбе с Тройственным союзом»,— писала в 1897 г. чешская газета «*Čas*»⁴⁰.

Во-вторых, появление в начале 90-х годов Пангерманского союза и резкое усиление в связи с этим пангерманской пропаганды не могли не вызвать ответной реакции французского общественного мнения. А так как тогда основным объектом нападок пангерманской пропаганды стали чехи⁴¹, то естественно, что интерес к ним во Франции заметно усилился.

Надо заметить, что и чешские политические деятели в конце века со своей стороны старались наладить связи с Парижем и усилить интерес как французского общественного мнения, так и официальной Франции к «чешскому вопросу». И в этом отношении они добились некоторых, правда небольших, успехов. В связи с этим следует упомянуть в первую очередь одного из руководителей младочешской партии — К. Крамаржа. Как пишет французский историк Жак Дроз Крамарж уже тогда хотел сделать из «чешского вопроса» европейскую проблему, стараясь заинтересовать европейское общественное мнение судьбой Чехии. Крамарж вступил в контакт с французскими писателями, в частности с А. Шерадамом⁴².

⁴⁰ «*Čas*», 26.VI 1897, str. 404. Вместе с тем автор жалуется, что французы пока еще проявляют к чехам недостаточный интерес (E. Birke. Op. cit., S. 484).

⁴¹ В этом смысле большой материал дает пангерманская газета «*All-deutsche Blätter*». В ней неоднократно подчеркивалось, что чехи стремятся наладить связи с Францией, которую хотят запугать призраком пангерманизма (см.: АВ, 4.XI 1900, S. 443; 22.VIII 1897, S. 167, статья «*Franzosen und Tschechen*» и ряд других). Вальдерзее в своих воспоминаниях писал, что чехи долгое время кокетничали с французами и русскими (A. Walderssee. *Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschals Alfred Grafen von Walderssee*, Bd. 2. Stuttgart—Berlin, 1925, S. 403; H. Kohn. *Die Slawen und der Westen. Die Geschichte des Panslawismus*. Wien—München, 1956, S. 205).

⁴² J. Droz. Op. cit., p. 193—194; E. Birke. Op. cit., S. 482, Бирке

Отношение общественного мнения Англии к австрийским славянам, в частности к чехам, было значительно более сдержанным.

В привлечении внимания Англии и США к чешскому вопросу много сделал Т. Г. Масарик, однако его активная деятельность в этом направлении началась несколько позже.

Может возникнуть вопрос, почему, когда в Европе в общем-то, казалось, все было относительно спокойно, а взоры великих держав были устремлены в колонии, Австро-Венгрия не использовала эту ситуацию для активизации своей политики в отношении Балкан? Казалось, тогда, в конце века, все благоприятствовало этому.

Объяснялось это прежде всего тем, что тяжелый внутривнутриполитический кризис сковывал тогда внешнеполитическую активность австро-венгерских господствующих классов и это ясно понимали ее руководящие деятели, в первую очередь руководитель внешней политики министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Голуховский. «Австро-Венгрии же,— пишет Хвостов,— пока что было не до внешних авантюр ввиду тяжелого внутривнутриполитического кризиса, охватившего ее в эти годы»⁴³.

Через 10 лет изменится обстановка и другой министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Эренталь будет уже считать необходимым именно для выхода из внутривнутриполитических затруднений ведение активной внешней политики на Балканах, не останавливаясь перед опасностью войны.

Относительная стабильность международного положения монархии, с одной стороны, и бросающаяся в глаза внутренняя слабость этого многонационального государства, с другой, были характерны для Габсбургской монархии в конце века.

Как в самой Австро-Венгрии, так и в Европе внутривнутриполитические события воспринимались не просто как борьба немцев и чехов из-за указов о языках, а глубже — как борьба за то, в каком направлении в случае

останавливается на связях, которые младочех Подлипный, деятель «Сокола», старался завязать с Францией (*ibid.*, S. 484—486; J. Křížek. *Op. cit.*, str. 636).

⁴³ «История дипломатии», т. 2, стр. 350.

победы той или иной стороны пойдет внутривполитическое развитие многонациональной монархии.

Руководящие политические деятели европейских стран исходили из того, что изменение внутривполитического курса должно будет рано или поздно привести к перемене внешнеполитической ориентации монархии Габсбургов и каждое государство оценивало перспективу этого изменения с точки зрения собственных интересов.

Если для германских дипломатов австрийский вопрос был вопросом первостепенной важности и составители многотомного издания документов Министерства иностранных дел Германии сочли даже нужным выделить его в отдельную главу под тенденциозным названием «Продвижение чехов в Австрии и Тройственный союз. Инцидент с графом Туном. 1898—1899 гг.»⁴⁴, то их французских коллег австрийские сюжеты волновали, очевидно, значительно меньше и в публикации французского МИДа австрийским внутренним делам уделе-

⁴⁴ «Die Grosse Politik der europäischen Kabinette (1871—1914)». Bd. 13. Berlin, 1924, Kap. 87, S. 114—176 (далее — GP). Это многотомное издание документов было выпущено после первой мировой войны в 1922—1927 гг. в Берлине и преследовало одну цель — показать невиновность Германии в развязывании войны. Этим объясняется и подборка документов. В основу издания положен тематический принцип, многие документы опубликованы в сокращенном виде или разорваны по частям в различных разделах. Следует заметить, что материалы, относящиеся к Австрии, помещены также и в томе 12 этого издания, но там они в основном посвящены внешней политике. Почему-то авторы начинают публикацию не с 1897 г., когда были изданы указы Бадени, а с 1898 и кончают, это понятно, 1899 г., когда эти указы были отменены. Ерусалимский считает, что редакторы умышленно выпустили документы 1897 г., так как они слишком отчетливо показывают, насколько сильно германское правительство вмешивалось тогда во внутренние дела Австрии (А. С. Ерусалимский. Указ. соч., стр. 482; см. там же, стр. 18—19). Развернутую критику этого издания мы находим в книге К. Б. Виноградова «Буржуазная историография первой мировой войны. Происхождение войны и международные отношения». (М., 1962, стр. 54—60). Ф. Клейн, критикуя эту публикацию, вместе с тем подчеркивает, что, несмотря на серьезные недостатки, историк, занимающийся внешней политикой, не может обойтись без этого издания, так оно содержит огромный документальный материал (см.: F. Klein. Über die Verfälschung der historischen Wahrheit in den Aktenpublikationen «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914». — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1959, № 2, S. 330).

но значительно меньше внимания⁴⁵. Очень немногочисленные сведения о внутривнутриполитическом кризисе в Австрии мы черпаем из донесений французских послов в Вене, Берлине и Петербурге.

В английском издании дипломатических документов⁴⁶ внутривнутриполитическим событиям в Австрии уделяется чрезвычайно мало внимания.

Основывая свою работу в этой части на публикациях официальных документов, мы прекрасно понимаем, насколько они субъективны и тенденциозны, насколько их отбор служит определенным целям их издателей. Однако и сама тенденциозность подбора документов наиболее для нас существенного — немецкого — издания делает, пожалуй, особенно наглядными истинные цели германской дипломатии, ее настоящее отношение к австрийским делам.

В 1967 г. чехословацкий историк Иржи Коржалка опубликовал несколько донесений германских дипломатов из Австро-Венгрии в Берлин, относящихся к 1897—1899 гг. и хранящихся в архиве МИДа в Бонне. Эти документы, к сожалению, малочисленные и неполные, показывают, что германская дипломатия очень хорошо понимала, что быстрый рост экономики и культуры чешского народа приведет и к его политической самостоятельности и что это не может быть безразличным для Германской империи⁴⁷.

Подобную работу проделала П. Горская; из ее статьи явствует, что во французском архиве МИДа имеется большой и интересный материал по так называемому «чешскому вопросу». Горская приводит ряд донесений

⁴⁵ «Dokuments diplomatiques français. 1871—1914. 1re-série (1871—1900)», t. 13—16. Paris, 1953, 1957, 1959. Материал расположен по тематическому принципу, каждому тому предпослано введение и таблица, показывающая на расположение материала. Характерно, что Австро-Венгрия сама по себе не представляла, очевидно, для Франции интереса, потому что материал о ней входит только в подраздел «Тройственный союз», в то время как Германия и Италия входят и в другие подразделы раздела «Общие отношения между державами», см. так же: К. Б. В и н о г р а д о в. Указ. соч., стр. 66—67.

⁴⁶ «British Documents on the Origins of the War. 1898—1914», vol. 1. London, 1927.

⁴⁷ J. K o ř a l k a. Diplomacie Německé říše na konci 19. století o české svěbytnosti a státtnosti.— «Československý časopis historický», 1967, N 1, str. 121—132.

французского консула из Праги, относящихся к 1897—1899 гг. Она говорит о большом количестве донесений из Праги, хранящихся в французских архивах, о том, что ею опубликованы лишь те, где речь идет о международном значении «чешского вопроса»⁴⁸.

Очень интересные, правда немногочисленные, сведения, характеризующие отношение Германии и Франции к проблеме существования Австро-Венгрии и возможности ее распада, содержатся в фондах Архива внешней политики России (о них подробнее далее).

Очень небольшой материал дает мемуарная литература (речь идет в основном о германо-австрийской). Тут в первую очередь нужно назвать воспоминания Б. Бюлова⁴⁹ и фельдмаршала Вальдерзее⁵⁰. В мемуарах других дипломатов того времени, связанных с Австро-Венгрией, в частности посла в Вене Ф. Эйленбурга, советника посольства К. М. Лихновского, канцлера Гогенлоэ, видного сотрудника МИДа Гольштейна и других внутренним событиям в Австрии в этот период не уделяется внимания⁵¹.

Из австрийских дипломатов интересен Мусулин⁵², но его воспоминания дают скорее общее представление об австрийском МИДе того времени, о положении австрийских дипломатов в ряде стран и не касаются непосредственно

⁴⁸ P. H o r s k á. Česká otázka v Rakousko-Uhersku 1897—1914 ve světle zpráv francouzských zastupitelských úřadů.— «Československý časopis historický», 1967, № 3, str. 449—460.

⁴⁹ Б. Б ю л о в. Воспоминания. М., 1931. В предисловии В. М. Хвостов обращает внимание исследователей на крайнюю тенденциозность этих мемуаров (B. Bülow. Denkwürdigkeiten, Bd. 1.—Berlin, 1930).

⁵⁰ A. W a l d e r s e e. Denkwürdigkeiten des Generalfeldmarschals Alfred Grafen von Waldersee, Bd. 2. 1888—1900. Stuttgart — Berlin, 1925. Воспоминания интересны своей открыто антиавстрийской и антиабсбургской направленностью, Вальдерзее сторонник создания «Великой Германии».

⁵¹ Ph. E u l e n b u r g - H e r t e f e l d. Aus 50 Jahren. Erinnerungen, Tagebücher und Briefe aus dem Nachlass des Fürsten Philip zu Eulenburg-Hertefeld. Berlin, 1925; Ph. E u l e n b u r g. Mit dem Kaiser als Staatsmann und Freund auf Nordlandreisen. Bd. 1—2. Dresden, 1931; K. M. L i c h n o w s k i. Auf dem Wege zum Abgrund. Bd. 1—2. Dresden, 1927; Ch. H o h e n l o h e - S c h i l l i n g s f ü r s t. Denkwürdigkeiten, Bd. 1—2. Leipzig, 1907; Ch. H o l s t e i n. The Holstein diaries, vol. 1—2. Cambridge, 1955—1957.

⁵² F. M u s u l i n. Das Haus am Ballplatz. Erinnerungen eines österreichisch-ungarischen Diplomaten. München, 1924.

редственно интересующих нас событий. Мусулин сам сетует, что австрийские дипломаты были очень плохо информированы о внутреннем положении в монархии, в частности в чешских землях, что было, по его мнению, ошибкой, учитывая остроту немецко-чешских отношений.

Поверхностны воспоминания австрийского министра-президента Килльмансега⁵³.

Большой материал дают воспоминания Йозефа Кайзля, одного из лидеров младочехов, в 1898—1899 гг. министра финансов в правительстве Ф. Туна, но они в основном представляют интерес для внутренней истории Австро-Венгрии и чешских земель в те годы⁵⁴.

В интересующей нас в этой главе проблеме целесообразно выделить несколько основных вопросов, которые волновали тогда дипломатов этих стран и вокруг которых шла полемика.

Во-первых, это ясное тогда всем положение, что борьба австро-немецких и венгерских господствующих классов против указов о языках является по сути борьбой вокруг того, по какому пути пойдет дальнейшее развитие многонациональной монархии.

Во-вторых, это вопрос о возможности распада Австро-Венгрии и о судьбах отдельных ее частей, вопрос аншлюса.

В-третьих, это отношение к резко усиливавшемуся тогда пангерманскому движению в Австрии.

И, наконец, отношение к национально-политической борьбе славянского населения монархии.

Германия и внутривполитический кризис Габсбургской монархии. Просматривая германские дипломатические документы того времени, воспоминания политических деятелей и другие материалы, убеждаешься в том, что государственные деятели Германии любой ценой и любыми средствами готовы были поддержать господствующее положение австрийских немцев в Габсбургской монархии, понимая, что всякое изменение внутривполитического кур-

⁵³ E. Killmannsegg. Kaiserhaus, Staatsmänner und Politik. Aufzeichnungen des k. k. Staathalters Erich Graf Kiellmannsegg. Wien, 1966.

⁵⁴ J. K a i z l. Z mého života, D. I—3. Praha, 1908—1911.

са в сторону сближения с имущими классами славянских народов неминуемо должно отразиться и на направлении внешней политики⁵⁵.

Когда в 1897 г. правительство Казимежа Бадени опубликовало указы о языках для Чехии и Моравии, в Германии это было воспринято не только как попытки ослабления якобы немецкого характера Габсбургской монархии, но и (в случае претворения указов в жизнь) как изменение всей ее внешнеполитической ориентации. Интересно то, что подписанное как раз в это время австро-русское соглашение о Балканах связывалось с «славянской» внутренней политикой графа Бадени, хотя непосредственную связь между этими событиями доказать трудно⁵⁶.

Указы Бадени были восприняты в Германии как начало «славянизации» Австрии и распада Тройственного союза.

В связи с этим так называемый «чешский вопрос» приобретал для Германии серьезное значение. Можно вспомнить, что всегда, когда поднималась германо-ав-

⁵⁵ Так еще в 1871 г. руководители только что образовавшейся Германской империи не постеснялись вмешаться во внутренние дела Австрии и во многом содействовали падению министерства Гогенварта, которое решило пойти на значительные уступки чехам в смысле расширения земской автономии (см.: Н. Д. Ратнер. Национально-политическая борьба в Чехии в годы становления австро-венгерского дуализма (1866—1871).— «Краткие сообщения Института славяноведения», вып. 9. М., 1952, стр. 82). В 1897 г. центральный орган Пангерманского союза «Alldeutsche Blätter», призывая германское правительство вмешаться во внутриавстрийские дела, ссылаясь именно на 1871 г. (AB, 10.X 1897, S. 206).

⁵⁶ Ф. А. Ротштейн считает «примирительные попытки» Бадени в значительной степени составной частью общей политики, имевшей своей целью сближение с Россией (Ф. А. Ротштейн. Международные отношения в конце XIX в. М., 1960, стр. 398). А. Диосеги пишет, что внутренняя политика правительств Бадени—Туна отвечала внешнеполитическим планам Голуховского (A. Diószegi. Op. cit., S. 241). И. Галантай ставит вопрос о связи внешней политики Габсбургской монархии с внутренней, считая, однако, что «господствующие классы монархии не были способны изменить свою внешнюю политику, так как это предполагало бы изменение внутренней структуры государства» (J. Galántai. Op. cit., S. 257). С другой стороны, Фелльнер, говоря об австро-русском соглашении, даже не упоминает о внутриполитических событиях в Австрии в то время (F. Fellner. Op. cit., S. 45—47). Не отметила подобной связи (как мы увидим в дальнейшем) и русская дипломатия,

стрийская проблема, т. е. вопрос об отношениях Пруссии, Германского союза или Германии к Австрии, «чешский вопрос» становился актуальным. Так было в революции 1848 г., так было во время австро-прусской войны. Германия считалась в своих экспансионистских планах только с существованием такой Австрии, во главе которой стояли австро-немецкие господствующие классы. Поэтому Германия считала чешский вопрос «внутренним» вопросом для самой Германии⁵⁷.

Германская дипломатия, крича об угрозе «славянизации» Австрии, правильно поняла, что тенденция развития многонациональной монархии ведет к образованию национальных государств. И если в конце XIX в. чешские буржуазные политические деятели в силу ряда причин, стоя на позициях австрославизма, не говорили о государственной независимости, и, выставляя требования чешского государственного права, понимали это требование пока только как объединение земель чешской короны — Чехии, Моравии и Силезии — в автономное государство в составе монархии (пример Венгрии был у них всегда перед глазами), то для господствующих классов австрийских немцев не только в чешских землях, но и во всей Цислейтании это чешское требование уже тогда не сулило ничего хорошего. Не могло это быть безразлично, конечно, и для Германии. Как писал в своем донесении германский поверенный в делах в Вене князь Лихновский: «Немцы в Австрии были бы ослаблены и разделены и у Германской империи вырос бы, наряду с Францией и Россией, в собственном сердце опасный сосед»⁵⁸.

Понятно, что указы Бадени вызвали очень сильное недовольство в германских высших сферах и взволновали германских дипломатов⁵⁹.

⁵⁷ J. Kořalka. Všeněmecký svaz a česká otázka koncem 19. století Praha, 1964, str. 33.

⁵⁸ J. Kořalka. Diplomacie..., str. 126. (Донесение Лихновского в Берлине 27.X 1897 г.)

⁵⁹ Русский посол в Берлине граф Н. Д. Остен-Сакен отмечает радость, с какой в германской столице встретили весть об отставке Бадени, хотя антиправительственные демонстрации в Вене, приведшие к падению министерства, в которых активное участие приняли также австрийские социалисты, несколько испугали правитель-

Вместе с тем шум, который поднялся в Германии в 1897—1899 гг. вокруг указов о языках, инспирированный германскими господствующими классами и особенно Пангерманским союзом, был частью идеологической подготовки германского империализма к захвату новых территорий и сфер влияния. Этим объяснялся тот бурный интерес к «чешскому вопросу», который для широкой германской общественности прикрывался хорошо известными старыми, по сути расистскими и экспансионистскими лозунгами пангерманской пропаганды о необходимости сплочения всех немцев для «обороны» против так называемой «славянской опасности», об угрозе «славянизации» Австрии и т. п.

В опубликованных донесениях германского посла в Вене графа Филиппа Эйленбурга, близкого друга и советника Вильгельма II⁶⁰, первого секретаря и поверенного в делах германского посольства в Вене, князя Лихновского, в ответах статс-секретаря Б. Бюлова, в письмах Вильгельма II Францу-Иосифу, а также в пометах Вильгельма II (который был очень несдержан в своих суждениях по адресу Австрии, союзной державы) содержится много интересного.

Общий смысл всех донесений, каким бы дипломатическим флером невмешательства они бы не прикрывались, совершенно ясен. Австрии грозит «славянизация», господствующее положение австрийских немцев под угрозой и если не удастся добиться отмены пресловутых указов, то к руководству придут славяне и тогда изменится не только внутривосточная, но и внешнеполитическая ориентация Габсбургской монархии. Речь в основном шла о чехах, так как наличие министервополяков, как показывало прошлое, не очень угрожало

ственные круги (см.: АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 21, л. 320—322. Остен-Сакен — Муравьеву, 22 ноября (4 декабря) 1897 г.

⁶⁰ Бюлов в своих воспоминаниях много пишет об Эйленбурге, всегда подчеркивая, что он был другом императора Вильгельма II. Он указывает, что в Вене он «пользовался симпатиями старого Франца-Иосифа и благодаря своему необычайному уменью обращаться с людьми приобрел большое влияние в широких слоях общества» (Б. Бюлов. Указ. соч., стр. 242).

австро-немецким господствующим классам и поэтому не очень смущало германское руководство⁶¹.

В Германии были уверены, что Австро-Венгрия, в руководстве которой получают преобладание чехи, может повернуть в сторону России и Франции. Этот вопрос неоднократно дебатировался в дипломатической переписке, особенно в связи с опубликованием во французском журнале «Revue de Paris» в 1898 г. статьи Карела Крамаржа «Будущее Австрии», в которой он рассматривал внутри- и внешнеполитические аспекты австрийской политики в будущем, ратуя за отход от Тройственного союза, за сближение с царской Россией⁶². Германское правительство весьма нервно реагировало на статью Крамаржа и дипломатическим путем в довольно определенной и резкой форме не преминуло высказать свое неодобрение австрийскому правительству⁶³. Это показывает, насколько

⁶¹ Немецкие господствующие классы в Австрии рассматривали польскую шляхту как в общем-то противников федерализации Австрии и своих в этом смысле потенциальных союзников. Об этом очень определенно пишет в своих донесениях Лихновский. В донесении от 25 октября 1897 г., разбирая политические направления в Австрии, он замечает: «За дуализм стоят наши друзья: немцы, за последнее время в связи с бурным ростом национального движения также и большая часть немецких клерикалов, в частности из Альпийских земель, мадьяры и поляки в том составе, в котором они сейчас представлены (курсив мой.— Н. Р.). Господство мадьяр, немцев и поляков в империи является предпосылкой дуалистической конституции, союз с Германией — ее результатом» (J. Kořalka. Diplomacie..., str. 126). Формулировка фразы, касающаяся поляков, показывает, что Лихновский имеет в виду польскую шляхту, понимая, что в случае изменения социального состава депутатов может последовать изменение политического направления польского кола в рейхсрате.

⁶² Как пишет Ю. Кржижек, Карел Крамарж был одним из немногих чешских буржуазных политических деятелей, уже тогда занимавшихся внешнеполитическими вопросами. Крамарж был сторонником австрославизма, который он позднее дополнил реакционным неославизмом. Эта его программа, ставившая своей целью австро-русское сближение, должна была открыть чешским капиталистам русские рынки («Přehled československých dějin», D. 2, 1848—1918. Sv. 2. 1900—1918. Praha, 1960, str. 929; «Dějiny československo-sovětských vztahů nové a nejnovější doby», D. I. Dějiny česko-ruských vztahů. 1770—1917. Praha, 1967, str. 269; J. Droz. Op. cit., p. 192—194).

⁶³ GP, Bd. 13, S. 151—152. Телеграмма германского посла во Франции Г. Мюнстера в Берлин 1.II 1899 г.; см. также: *ibid.*, S. 152—153. Представляет интерес в этом плане беседа Эйленбурга с известным австро-немецким националистом историком Г. Фридльонгом,

ко оно чувствительно относилось к какой-либо, даже отдаленной перспективе перемены внешнеполитической ориентации Габсбургской монархии. Ведь для Германии, как мы уже говорили, Тройственный союз, этот краеугольный камень германской дипломатии, имел первостепенное значение. Не случайно на одном из донесений Эйленбурга в Берлин, в котором посол описывал положение дел в Австрии, около фразы «но, мне кажется, что чаша весов склонилась в пользу славян» Вильгельм II приписал «*finis tripliciae*»⁶⁴.

Германским руководящим деятелям тогда было ясно, что для того, чтобы сохранить Австро-Венгрию как союзницу, надо прежде всего обеспечить в стране власть австро-немецких господствующих классов, воспрепятствовать усилению там имущих классов славянских народов. Не случайно в беседе с министром-президентом Туном Эйленбург заметил, что ...«создавшаяся чувствительность (так Эйленбург называл ухудшение отношений между Германской империей и Австрией.— *Н. Р.*) может исчезнуть только при проведении (австрийским правительством.— *Н. Р.*) длительной и последовательной политики, которая будет подавлять враждебное Германской империи славянство»⁶⁵.

Германия выступала против указов Бадени о языках еще и по причинам своей внутренней политики. Господствующие классы Германии боялись, что усиление национального движения славян в Австрии может оказать влияние и на польские земли Пруссии. Вильгельм II писал в связи с событиями в Австрии: «Славяне все вместе будут выступать против *немцев* в Германии и увлекут наших поляков. Россия приложит руку и Габсбург будет потерян»⁶⁶. Если вспомнить о той жестокой германиза-

который, передавая послу содержание своего разговора с Крамаржем, сказал, что понял, как глубоко, мол, вошла в сознание чехов мысль об австро-русском союзе, который должен подорвать Тройственный союз (*ibid.*, стр. 154).

⁶⁴ GP, Bd. 13, S. 114. Эйленбург — Гогенлоэ, 1.III 1898 г. Известно, например, то беспокойство за судьбу Тройственного союза, которое возникло в германских дипломатических кругах в связи с указами Бадени.

⁶⁵ GP, Bd. 13, S. 169. Эйленбург — Гогенлоэ, 13.IV 1898, «секретно».

⁶⁶ См. GP, Bd. 13, S. 115 (резюме Вильгельма II на депеше Эйленбурга — Гогенлоэ, 1.III 1898 г.)

торской политике как раз в области польского языка ⁶⁷, которую проводили прусские власти, то станет совершенно понятным, что указы о языках могли вызвать только отрицательную реакцию среди прусско-юнкерских кругов Германии и заранее определили их отношение к внутриполитическому кризису в Австрии.

Германское правительство в связи с событиями в Австрии любило декларировать ⁶⁸, что оно не намерено, мол, вмешиваться во внутренние дела своей союзницы. Однако дипломатические документы свидетельствуют об обратном.

Особенно подчеркивается это так называемое невмешательство в связи с «инцидентом» Туна. «Инцидент» состоял в том, что Тун, министр-президент Австрии, выступил в рейхсрате, в связи с запросом чешских депутатов, с осуждением действий прусских властей, выславших из прусской Силезии рабочих-славян, австрийских подданных. Выступление Туна вызвало бурю возмущения среди германской националистически настроенной общественности, бурю, которая была поддержана и всячески раздута не только Пангерманским союзом, но и германским правительством, представившим все дело как недопустимое, по его мнению, вмешательство Австрии во внутренние дела Германской империи. Вместе с тем как раз материалы, касающиеся «инцидента» Туна, убедительно свидетельствуют о том, что германская дипломатия вмешалась тогда во внутренние австрийские дела и притом очень энергично ⁶⁹.

⁶⁷ A. Galos, F. H. Gentzen, W. Jakóbczyk. Dzieje Nakioty. Poznań, 1966; M. Broszat. 200 Jahre Polenpolitik. München, 1963, S. 105; J. Kořalka. Všeněmecký svaz..., str. 54.

⁶⁸ См.: GP, Bd. 13, S. 150—151. Телеграмма Бюлова германскому послу в Риме А. Заурме 25.I 1899 г.; в донесениях царских дипломатов из Берлина указывается, что германское правительство всегда подчеркивает свое нежелание вмешиваться в австрийские дела. Трудно сказать, верили ли русские дипломаты в «искренность» подобных заявлений. См.: АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 21, л. 386 (Обзор политических событий в Германии за 1897 г.); там же, л. 359—360. Остен-Сакен—Муравьеву 4 (16) декабря 1897 г.

⁶⁹ О том, какое внимание уделено «инциденту» Туна в дипломатической переписке, видно хотя бы из того, что он вошел в название главы «Инцидент с графом Туном» (GP, Bd. 13, S. 114). Ерусалимский совершенно правильно расценивает высылку австрийских рабочих-славян как провокационный шаг в отношении австрийского правительства (А. С. Ерусалимский. Указ. соч.,

Пристально следя за всеми перипетиями событий в Австрии, германское правительство не упускает случая нажима на австрийское правительство и императора, грозя развалом Тройственного союза, в котором, мол, Австрия больше заинтересована, чем Германия, и изменением своей политики в сторону сближения с Россией, давней соперницей Австро-Венгрии на Балканах. Германская дипломатия все время не перестает напоминать, что, несмотря на заключение австро-русского соглашения, отношения между Австро-Венгрией и Россией отнюдь не самые лучшие⁷⁰. Надо сказать, что германская дипломатия с большим вниманием следила за состоянием австро-русских отношений, как, впрочем, и за отношениями Австрии с другими европейскими державами, и очень быстро реагировала, судя по дипломатической переписке, на малейшие колебания или изменения во внешнеполитическом курсе своей союзницы.

И если вне дипломатических кабинетов, в самой Германии, в связи с австрийскими делами кипели страсти и германская общественность почти всех направлений выступала (конечно, в различной тональности, причем самыми резкими были, естественно, пангерманцы), требуя от правительства вмешательства и «защиты» интересов австрийских немцев, то в дипломатической переписке нажим и вмешательство выражались в форме «советов», изложения «своей», т. е. германского правительства, точки зрения на эти вопросы, выражения «беспокойства» и т. п. Германские дипломаты любили подчеркивать, что интерес к событиям в Австрии

стр. 483—486). Ф. А. Ротштейн, на наш взгляд, напрасно трактует, как прославянскую, политику Туна, правительство которого, как он пишет, «проявило желание идти навстречу национальным требованиям австрийских славян и косвенно умиротворить славянофильские элементы в России». Уж о славянофилах Тун думал меньше всего, а стремился любым путем окончить внутриполитический кризис в стране (Ф. А. Ротштейн. Указ. соч., стр. 399). Коржалка правильно пишет, что германское правительство сделало все, чтобы свалить правительство Туна (J. K o ř a l k a. Všenětecký svaz..., str. 54).

⁷⁰ В этом смысле представляет интерес донесение Лихновского Гогенлоэ 31.X 1899 г. с грифом «совершенно секретно»; 26 октября 1898 г. Эйленбург пишет Гогенлоэ в связи с посещением министром иностранных дел М. Н. Муравьевым Вены, что не все обстоит так хорошо между Россией и Австро-Венгрией, как это стараются представить здесь (GP, Bd. 13, S. 193—195, 200, 223—225).

объясняется не только государственными интересами Германской империи, но и якобы интересами немецкой нации в целом. Эйленбург в беседе с императором Францем-Иосифом обратил внимание на то обстоятельство, что правительственное большинство в Австрии, в котором чехи имеют большое значение, «...приводит немецких профессоров и студентов во всех немецких областях в такое настроение, на которое правительство его величества германского императора при всем своем желании не может повлиять». На донесении помета Вильгельма II «правильно»⁷¹.

Подчеркивание национального единства австрийских немцев и немцев Германской империи характерно для донесений⁷². Так национальными чувствами прикрывается экономическая и политическая экспансия.

Мы уже указывали, что тяжелое внутривнутриполитическое положение в Габсбургской монархии дало толчок к тому, что в Берлине, Париже и Петербурге стали поговаривать о жизнеспособности австрийского государства⁷³. Эти разговоры нашли отражение в дипломатической переписке. Писали о возможности смерти престарелого монарха. Последнее обстоятельство, осложненное тяжелыми внутривнутриполитическими конфликтами, могло, по мнению министров и послов, быть началом конца монархии.

Но был ли тогда в интересах Германии распад Австро-Венгрии?

Он вызвал бы изменение в политической карте Центральной и Юго-Восточной Европы, где в конце века позиции Германии значительно улучшились.

⁷¹ GP, Bd. 13, S. 135—138. Эйленбург — Гогенлоэ, 15.XII 1898; J. Kořalka. Všeňemecký svaz..., S. 47. О полном сочувствии австрийским немцам со стороны большей части прессы и общественности Германии говорит в своих донесениях в Петербург посол граф Н. Д. Остен-Сакен. См.: АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 21, л. 320—322, 358—360.

⁷² В этом смысле показательно выражение, неоднократно повторяемое Лихновским «все немцы как в самой Австрии, так и вне ее». J. Kořalka. Diplomacie..., S. 147. Донесение Лихновского от 25.X 1897.

⁷³ Не лишено интереса место в воспоминаниях канцлера Гогенлоэ: он пишет, что когда он приехал в Вену, то его интересовали несколько вопросов, среди которых один касался вопроса распада монархии, но на него ответа он не получил (Ch. Hohenlohe. Schillingsfürst. Denkwürdigkeiten, Bd. 2. Leipzig, 1907, S. 488—489).

Распад Австро-Венгрии подрубил бы на корню основу германской дипломатии — Тройственный союз, оставляя Германию изолированной⁷⁴.

Кроме того, он безусловно оказал бы влияние на национально-освободительное движение балканских народов, что не могло не отразиться на уже самостоятельных государствах Балканского полуострова, в том числе и славянских.

Распад Габсбургской монархии ставил вопрос о Польше, задевавший уже непосредственно интересы Германии.

Вопрос аншлюса в той конкретно-исторической обстановке был очень сложен, он мог быть только, как выражались пангерманцы, «песней будущего». Аншлюс тогда по ряду причин был очень не по душе руководителям Германской империи.

Вспомним, что еще Бисмарк предостерегал от возможности аншлюса, мотивируя нежелательностью для интересов Германии увеличения в ней славянского населения (ведь аншлюсу подлежали и чешские земли Цислейтании)⁷⁵ и опасаясь также усиления католических элементов в противовес протестантской Пруссии.

Аргументация Бисмарка продолжала действовать и в конце века⁷⁶ и была отмечена русскими дипломатами. В беседе с русским послом Остен-Сакеном Бюлов «весьма горячо опровергал, возводимые на германское правительство, обвинения в вожделениях на немецкие провинции Габсбургской империи», прежде всего подчеркивая, что присоединение их приведет к нежелательному усилению католического элемента, что является одной из ос-

⁷⁴ Об этом пишет в своих воспоминаниях Бюлов (Б. Бюлов. Указ. соч., стр. 172).

⁷⁵ О. Бисмарк. Мысли и воспоминания, т. 2. М., 1940, стр. 42.

⁷⁶ 7 декабря 1899 г. Бюлов писал поверенному в делах в Петербурге Чиршскому, что присоединение немецко-австрийских земель к Германии (в случае распада Австро-Венгрии) означало бы для Германии возвращение к тому мучительному состоянию во внутренних делах, которое существовало в Германии до 1866 г. (GP, Bd. 13, S. 232). Немецкий реакционный философ, близкий к пангерманцам, Э. Гартман в своей статье «Deutschland im zwanzigsten Jahrhundert» считал, что присоединение этих католических земель было бы только на руку Риму и католикам в самой Германии (AB, 11. II 1900, S. 63).

новых причин, германское правительство выступает категорически против распада⁷⁷.

Германское правительство понимало также, что в случае аншлюса другие державы естественно потребовали бы для себя компенсации. Не оставалась бы равнодушной к этому и Россия. Мог встать и столь острый для Германии вопрос о Эльзасе и Лотарингии⁷⁸.

Итак, распад Австро-Венгрии не вызывал тогда энтузиазма у руководителей германской внешней политики. Это не означало, что при случае на распаде и аншлюсе нельзя было играть. Им можно было угрожать, запугивать свою союзницу (и не только ее одну), и надо сказать, что в Германии этим охотно пользовались. Отвергая тогда аншлюс, германские руководители, впрочем, не зарекались на будущее.

В воспоминаниях генерал-фельдмаршала Вальдерзее, одного из видных деятелей германской агрессивной военной, вопрос о возможности распада Габсбургской монархии поднимался не раз. Учитывая положение в Австрии, Вальдерзее полагал распад возможным и считал, что Германия должна быть готова к тому, чтобы если будет нужно, даже при помощи силы присоединить Австрию и создать таким образом «Великую Германию», простирающуюся от Балтийского до Адриатического морей⁷⁹. Выше мы указывали, что Пангерманский союз, в отличие от своих австрийских коллег, официально не ратовал тогда за аншлюс⁸⁰.

Для характеристики отношения германского правительства и лично Вильгельма II к перспективам распада Австро-Венгрии представляет интерес донесение прус-

⁷⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1899, д. 15, л. 286—290. Остен-Сакен — Муравьеву, 10 (22) декабря 1899 г. (помета «доверительно»); ф. Политархив, 1897—1900, д. 3194, л. 43—45; весьма сомнительной кажется эта аргументация послу в Париже князю Урусову (там же, л. 172. Урусов — [Муравьеву] Париж, 9 (22) мая 1900 г.; см. также: л. 156. Муравьев — Урусову, 4 мая 1900 г.).

⁷⁸ GP, Bd. 13, S. 231—232. Бюлов — Чиршскому, 7.XII 1899; Чиршский — Гогенлоэ, 13.XII 1899 (ibid., S. 234)

⁷⁹ A. Walderssee. Denkwürdigkeiten des Generalfeldmarschalls Alfred Grafen von Walderssee, Bd. 2, S. 403, 407, 418.

⁸⁰ Выступал против аншлюса известный уже и во многом тогда близкий пангерманцам Ф. Науманн. См.: F. Naumann. Deutschland und Österreich. Berlin, 1900, S. 4—8.

ского посланника в Штуттгарте Деренталя 21 июля 1899 г. о своем разговоре с русским посланником в Штуттгарте князем Кантакузиным⁸¹. Из донесения явствует, что Кантакузин не проявлял особого энтузиазма к этим сюжетам, в частности к вопросам компенсации. В этом донесении интересны пометы Вильгельма II, в которых он в свойственной ему эмоциональной форме также резко выступает против распада. Однако резюме ко всему донесению показывает, что император совершенно не зарекается на будущее⁸².

Мы здесь подробно останавливаемся на этих вопросах потому, что в самой Австрии пангерманцы в борьбе с Бадени и его преемниками громко кричали об аншлюсе. Помимо того, что сам аншлюс, как мы уже говорили, был по сути мало популярен в Австрии, этот лозунг делал австрийских пангерманцев изменниками в глазах императора Франца-Иосифа, правительства и придворных кругов, т. е. высших сфер союзного Германии государства⁸³.

Естественно поэтому, что руководящие деятели Германской империи не могли тогда открыто одобрять деятельность австрийских пангерманцев. Более того, в дипломатических документах они решительно отмежевались от них. Документы свидетельствуют, что официально германская дипломатия старалась создать впечатление о своей непричастности к пропаганде Шёнерера⁸⁴. Бюлов писал в Вену, что если целью борьбы является присоединение к Германии, то немецкие националисты, так он

⁸¹ GP, Bd. 13, S. 213—216. Гриф «совершенно секретно».

⁸² «Упаси бог Австрию от распада, а нас от того, чтобы тамошние земли перешли бы к нам. Но, если бы какая-либо комбинация в этом смысле в течение столетия осуществлялась и Россия захотела воспрепятствовать этому, исходя из приведенных выше соображений, то заслуженно испытала бы на себе тяжелые поби немецкого кнута» (ibid., S. 216).

⁸³ О том, что император Франц-Иосиф просто не переносил пангерманцев, в частности Шёнерера, пишут и германские и русские дипломаты. См. GP, Bd. 13, S. 162, 175 (Эйленбург — Гогенлоз, 27, III 1899 г., Лихновский — Бюлову, 17.VI 1899, частное письмо). О резкой неприязни пишет и русский посол в Вене граф Капнист Муравьеву 2 (14) ноября 1897 г. (АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 114 л. 369—370; см. также: J. K o ſ a l k a. Diplomacie..., str. 123).

⁸⁴ А. С. Ерусалимский. Указ. соч., стр. 133.

называет пангерманцев, не должны рассчитывать на помощь германского правительства⁸⁵.

Вместе с тем германские правящие круги умело использовали пангерманскую пропаганду в своих целях «...и сами стали (сначала, правда, очень осторожно, но затем все более активно) опираться на эти идеи в политической борьбе за влияние в Центральной Европе»⁸⁶. Придя к власти, открещиваясь на словах от них и их пропаганды, они не упускали случая подчеркнуть, что с этой партией, пустившей сейчас глубокие корни среди австрийских немцев, недовольных политикой правительства, не так легко будет справиться, что ее нельзя «прижать к стене», что насилия над ней вызовут бурю возмущения не только в Австрии, но и в Германии, где эта партия имеет много приверженцев⁸⁷. Следует заметить, что никакого особого насилия австрийские власти в отношении к пангерманцам и не применяли, они использовали обычные полицейские меры. В декабре 1898 г. в разговоре с Францем-Иосифом Эйленбург с величайшей осторожностью, как он подчеркивает в своем донесении Гогенлоэ, обратил внимание императора на опасность применения насильственных мер к столь ненавистным ему немецким националистам, ибо это вызовет в немецких землях такое волнение, которое нельзя будет сдержать⁸⁸.

Поэтому, по мнению германских дипломатов, австрийское правительство должно вести более гибкую политику, не раздражать немецких националистов, как-то пойти на уступки, т. е. в конечном итоге отменить ненавистные указы. Так по сути угрожая пангерманцами, и Бюлов и Эйленбург хотели заставить австрийское

⁸⁵ GP, Bd. 13, S. 121. Бюлов — Лихновскому, 18.VI 1898; Б. Бюлов. Воспоминания, стр. 240—241. Открещиваясь от пангерманцев, Бюлов в то же время старается как-то обелить их действия.

⁸⁶ А. С. Ерусалимский. Указ. соч., стр. 133.

⁸⁷ Эйленбург в донесении от 11 января 1899 г. передает Гогенлоэ содержание своего разговора с Францем-Иосифом. Эйленбург сказал императору, что между немецкими националистами и прогрессивной партией в самой Германии имеется много общего, что «...делает необходимым, по мнению посла, по возможности бережно относиться к этим ирредентистам. В этом и заключается тяжесть современного положения в Австрии» (GP, Bd. 13, S. 150; см. также: S. 162. Эйленбург — Гогенлоэ, 27.III 1899).

⁸⁸ GP, Bd. 13, S. 137. Эйленбург — Гогенлоэ, 15.XII 1898.

правительство, в частности правительство Туна, отступить. И они добились своего. В отмене указов о языках германское давление сыграло несомненно очень большую роль. Германская дипломатия прекрасно понимала это, и не случайно Эйленбург писал Гогенлоэ, что для австрийского правительства имеют значение те соображения, что «...Германия не будет спокойно наблюдать слишком сильное расположение австрийского правительства к чешской стороне». Это обстоятельство, добавляет посол, означает моральное укрепление немецкого элемента в монархии Габсбургов⁸⁹.

Конечно, помимо вмешательства Германии были и другие факторы, способствовавшие отмене указов о языках. Отвлекаясь от факторов чисто австрийских, следует вспомнить, что в унисон с Германией действовали в рамках Австро-Венгрии венгерские господствующие классы, бывшие всегда в вопросах национальных союзниками австрийских немцев.

Это прекрасно понимали в Берлине, и поддержание хороших отношений с венгерской половиной двуединой монархии, как мы говорили выше, было традиционным во внешнеполитическом курсе германской дипломатии. Когда осенью 1897 г. Вильгельм II посетил Будапешт, то это было воспринято как явная демонстрация германовенгерской дружбы и было совсем не по душе австрийским руководящим деятелям. Возможное ослабление Венгрии в системе дуалистической Австро-Венгрии воспринимались германским руководством отрицательно, так как усилило бы славянское национальное движение⁹⁰.

Надо сказать, что тогда на германское правительство мало действовали вопли пангерманцев о притеснении трансильванских саксов в Венгрии, о необходимости их защиты против угрозы мадьяризации.

Просматривая донесения из Вены в Берлин, сталкиваешься с различной тональностью донесений в отноше-

⁸⁹ GP, Bd. 13, S. 116. Эйленбург — Гогенлоэ, 5.III 1898.

⁹⁰ Интересный документ, показывающий, что германская дипломатия считалась с Венгрией как с силой, способной противостоять усилению славян в Австрии, опубликовал Коржалка. В донесении от 10 февраля 1899 г. Эйленбург подробно останавливается на роли Венгрии, как союзницы Германии в борьбе с чешским национальным движением. См.: J. Kořalka. Diplomacie..., str. 129—132.

нии чешско-немецкого конфликта. Донесения посла Эйленбурга относительно сдержанны. Совсем по-другому звучат донесения первого секретаря посольства Лихновского.

Касаясь внутренних событий в Австрии, Эйленбург не хочет акцентировать своих симпатий к какой-либо группировке австрийских немцев. Он пишет об умеренных, которые пошли бы на соглашение с чехами, если бы не крайние, т. е. немецкие националисты⁹¹. Вместе с тем вряд ли посол хотел подобного соглашения, скорее в интересах Германии было настолько накалить обстановку, чтобы австрийское правительство испугалось и принуждено было отступить. А для накала обстановки нужны были именно пангерманцы, самые шовинистические группировки австрийских немцев. Интересно, что в донесениях посла не употребляется слово пангерманцы, а всегда «немецкие националисты»⁹². Возможно, это прием опытного дипломата, не желающего аналогий с Пангерманским союзом в империи.

По донесениям чувствуется, что Эйленбургу часто было не по душе само поведение австрийских пангерманцев — необузданные обструкции в парламенте, шумные демонстрации и митинги и другие нарушения общественного спокойствия. Ведь недаром особенно люди его круга склонны были видеть в шёнерианцах чуть ли не «революционеров»⁹³. Но определяющим в отношении Эйленбурга к пангерманцам была прежде всего позиция, которую занимали руководители германского правительства в этом вопросе. Последние считали нужным тогда

⁹¹ GP, Bd. 13, S. 116. Эйленбург — Гогенлоэ, 5.III 1898, «совершенно секретно». Еще 30 марта 1897 г. Эйленбург сообщал о том, что среди австрийских немцев начинают брать верх самые экстремистские направления. См.: J. Kořalka. Diplomacie..., S. 123.

⁹² В этом он схож с русским послом в Вене Капнистом, в донесениях которого также фигурируют только немецкие националисты, а не пангерманцы. В то же время очевидец событий Фридрих Фундер, часто как сотрудник газеты «Reichpost», бывавший на заседаниях рейхсрата, в своих воспоминаниях отличает немецких националистов от пангерманцев (F. F u n d e r. Vom Gestern ins Heute. Wien, 1952, S. 196, 199, 228—229).

⁹³ GP, Bd. 13, S. 120. Бюлов — Лихновскому, 18.VI 1898. Интересно, что русский посол Капнист также считал пангерманцев «революционерами».

сохранение монархии и не хотели из-за пангерманцев еще более обострять и без того нелегкие отношения с австрийским правительством, и особенно с императором.

Диссонансом к относительно сдержанному тону посла звучат донесения первого секретаря и поверенного в делах германского посольства в Вене, тогда еще молодого дипломата, а в предвоенные годы посла в Лондоне князя К. М. Лихновского. Его донесения представляют для нас интерес по их откровенной пангерманской направленности⁹⁴.

Среди них особенно выделяется одно, написанное Лихновским 13 июня 1898 г. рейхсканцлеру Гогенлоэ⁹⁵. В нем не только нескрываемая ненависть к славянам (не относится с симпатиями к славянам и Бюлов, но он как-то сдерживается в изъятии своих чувств⁹⁶) и призывы к беспощадной борьбе с чехами, не только полная поддержка австрийских немцев (это мы находим, естественно, и у Эйленбурга), но и явно выраженная симпатия и одобрение деятельности немецких националистов, особенно пангерманцев.

И, наконец, что самое интересное, это мысль об аншлусе, несколько раз повторяемая, в котором, по мнению Лихновского, австрийские немцы видят свое спасение. «...Только аншлус и сотрудничество *всей* немецкой нации, по мнению большинства мыслящих политических деятелей, за исключением придворных и церковных кругов, могут помешать созданию чешского государства и гибели немцев в Австрии... Если лишат немецкий народ в Австрии этого идеала, то отнимут у него силу, которая нужна ему для продолжения борьбы»⁹⁷.

⁹⁴ О Лихновском как приверженце немецко-национального движения в Австрии пишет П. Молиш (см.: P. Molisch. Geschichte der deutschnationalen Bewegung in Österreich von ihren Anfängen bis zum Zerfall der Monarchie. Jena, 1926, S. 192). Интересно, что, в отличие от Эйленбурга, Лихновский употребляет слово «пангерманцы». См. выдержки из донесения Лихновского 21.VI 1898 (J. K o ř a l k a. Diplomacie..., str. 128).

⁹⁵ GP, Bd. 13, S. 118—119. В том же духе, хотя в менее эмоциональных выражениях написано письмо Лихновского Бюлову 17.VI 1899 (ibid., S. 174—175).

⁹⁶ Б. Бюлов. Воспоминания, стр. 39.

⁹⁷ GP, Bd. 13, S. 119. Лихновский — Гогенлоэ, 13.VI 1898.

Лихновский с презрением отзывается об австрийском государстве, об императоре Франце-Иосифе и наследнике⁹⁸.

За это донесение Лихновский получает своего рода нагоняй от статс-секретаря Бюлова⁹⁹. Слишком откровенно пишет Лихновский о сюжетах, которые как раз тогда не отвечали дипломатической игре, которую вела юнкерско-империалистическая Германия. Бюлов в конце письма напоминает Лихновскому, что в своих суждениях надо исходить не из временных, как он выражается, импульсивных впечатлений, а из исторического развития Германии и Пруссии и интересов Гогенцоллернов¹⁰⁰.

В заключение необходимо отметить следующее. И австро-венгерский министр иностранных дел граф Голуховский, и столь порицаемый Германией граф Тун, министр-президент Цислейтании, и сам император Франц-Иосиф (с ними в основном имели дело германские дипломаты) категорически отвергали предположение, будто в случае осуществления указов Бадени последует изменение внешнеполитического курса Габсбургской монархии и ослабление Тройственного союза¹⁰¹. Дело в том, что, издавая указы, австрийское правительство, да и сам Бадени, вовсе не думали о действительном усилении славянских элементов в ущерб немецким господствующим классам Австрии; курс на «славянизацию» Австрии им самим отнюдь не был желателен¹⁰². Указы Бадени они

⁹⁸ «Совершенно бескровная австрийская государственность, представленная теперь только жалким старцем и его непристойным племянником, а также и римско-славянским духовенством...» (Там же).

⁹⁹ GP, Bd. 13, S. 119—121. Бюлов — Лихновскому, 18.VI 1898.

¹⁰⁰ GP, Bd. 13, S. 121. «Официальная германская дипломатия в Вене и Будапеште пыталась создать впечатление о своей непричастности к его (Шёнерера.— *Н. Р.*) пропаганде, однако некоторые консульские представители Германии в славянских землях Австро-Венгрии открыто ее поддерживали в особенности, поскольку она носила антиславянский характер» (А. С. Е р у с а л и м с к и й. Указ. соч., стр. 133).

¹⁰¹ Это очевидно из всех донесений. См., например: Эйленбург — Гогенлоэ, 15.XII 1898 (GP, Bd. 13, S. 136).

¹⁰² Между прочим, этого мнения придерживались даже такие противники австрийского правительства, как Лихновский (см.: J. K o ř a l k a. Diplomacie..., str. 127, донесение Лихновского от 25.X 1897). Только Вальдерзее, очевидно, мало разбирающийся в обстановке в Австрии, мог писать в своих воспоминаниях, что

рассматривали лишь как необходимую тогда парламентскую комбинацию, которая привела бы на сторону правительства многочисленную чешскую оппозицию в рейхсрате. О возможных последствиях, вытекающих как из самого факта издания указов (например, непредвиденная по силе оппозиция австрийских немцев), так и их проведения в жизнь (безусловное усиление чешских имущих классов в чешских землях в противовес немецким) австрийское правительство не задумывалось.

Однако разразившаяся буря, вскрывшая всю остроту чешско-немецких противоречий, показала, что дело не только в этих пресловутых указах, а гораздо глубже — в самой системе многонациональной монархии. И это хорошо понимали представители германской дипломатии в Вене и в Берлине, а наиболее откровенные из них, например, Лихновский мог писать, что «борьба должна быть доведена до конца в пользу того или иного направления, даже если от этого страдает государство»¹⁰³.

Таким образом, германская дипломатическая переписка дает очень яркое представление об активном вмешательстве германской дипломатии во внутренние дела своей союзницы и соседки с целью не допустить изменения внутривнутриполитического курса в ущерб австро-немецким и венгерским господствующим классам.

Отношение к событиям в Австрии правительств Франции и Англии. Французская дипломатия смотрела на события в Австрии, мы бы сказали, сквозь призму своих отношений с другими странами, прежде всего с Германией. Можно с уверенностью сказать и дипломатические документы подтверждают это, что франко-германский антагонизм и усиление пангерманской пропаганды были основой того «внимания» к славянам Австрии вообще и к так называемому «чешскому вопросу» в частности, которое обнаружило французское правительство в конце XIX в.¹⁰⁴

император и придворные круги всецело на стороне чехов, объясняя это тем, что уже с 1866 г. они, не забыв поражения 1866 г., стали склоняться к славянам (см.: A. Walderssee. Op. cit., S. 403, 418).

¹⁰³ Донесение Лихновского от 16.VII 1898 г. (J. Kořalka. Diplomatic..., str. 128).

¹⁰⁴ P. Hořká. Op. cit., str. 460.

Рост пангерманизма в Австрии, поддержка австрийских пангерманцев их единомышленниками в Германской империи, имперским правительством и императором — вот что вызвало усиленное внимание Франции, и официальных кругов и общественного мнения к «чешскому вопросу» в то время. Не случайно именно в бурный 1897 г. в Праге учреждается консульство Французской республики¹⁰⁵.

Французские дипломаты не только в Вене и Берлине, но и в Петербурге и Лондоне наблюдали за событиями в Австрии именно с этих позиций.

Они понимали, что немецко-чешская борьба, развернувшаяся в связи с указами Бадени, не является только внутренним делом Габсбургской монархии. «...Для нас представляет большой интерес,— писал 29 сентября 1897 г. из Вены поверенный в делах Маршан министру иностранных дел Франции Ганото,— следить за развитием событий. Для нас не безразлично видеть, как славяне, которые питают к нам явные симпатии, получают постепенно то же влияние, что немцы и венгры нам враждебные»¹⁰⁶. Изменение внутривосточного курса привело бы к изменению внешнеполитической ориентации Австро-Венгрии и ослаблению Тройственного союза, что, естественно, Франция могла только приветствовать. Тот же Маршан немного ранее в телеграмме Ганото писал: «Преобладание славян изменило бы внешнюю политику Австро-Венгрии»¹⁰⁷.

¹⁰⁵ Первым консулом в Праге стал Валуа, несколько донесений которого, опубликованных Горской, представляют интерес и для понимания национально-политической борьбы в Чехии в то время. См. например, донесение от 4.XII 1900 г. (P. Horská. Op. cit., str. 455).

¹⁰⁶ «Documents diplomatiques français. 1871—1914». 1-re série (1871—1900), t. 13. Paris, 1953, p. 553 (далее: — DDF). Те же выдержки приводит П. Горская, но в ее публикации это выдержки из донесения посла, а не поверенного в делах (см.: P. Horská. Op. cit., str. 450). Через год, 16 сентября 1898 г., французский посол в Вене Реверсо пишет министру иностранных дел Делькассе: «Эта перспектива (усиление славян.— *H. P.*) не должна нам не нравиться, так как она предполагает для империи внешнюю политику, совершенно отличную от той, которую она проводит сейчас» (DDF, t. 14. Paris, 1957, p. 555).

¹⁰⁷ DDF, t. 13, p. 553. Маршан — Ганото, 16.IX 1897. Бирке указывает на французского публициста Ж. Буэри, который, желая обратить внимание министерства иностранных дел на чешский вопрос, посвятил свою большую книгу, изданную в 1897 г. (J. Bouliéг.

В то же время французская дипломатия присматривается к возможности австро-французского сближения¹⁰⁸.

Конечно, австро-французские отношения следует прежде всего объяснять противоречиями великих держав, а не австрийской проблемой как таковой, которая в общем-то была только одним из элементов сложной международной обстановки.

Французская дипломатия зорко следит за наметившимся улучшением австро-русских отношений в начале 1897 г., считая это в какой-то мере делом рук Германии, которая стремится наладить австро-русские, а вместе с тем и германо-русские отношения, пытаясь тем самым вбить клин в русско-французский союз. Что последнее имело первостепенное значение для Германии в то время, несомненно. Французский посол в Вене пишет в Париж, что Германия готова пожертвовать в какой-то степени даже интересами своей союзницы на Балканах и что она очень боится, как бы за ее спиной не произошел какой-нибудь сговор Австро-Венгрии с Россией¹⁰⁹.

В донесениях французских дипломатов из Австрии подчеркивается активное вмешательство германского правительства во внутренние дела Австрии. Из донесений посла Реверсо из Вены и консула Валуа из Праги явствует, что если бы не Германия и ее нажим на австрийское правительство и лично на императора Франца-Иосифа, то неизвестно как бы окончилась немецко-чешская борьба из-за указов¹¹⁰. Консул вообще не

Le Tchèque et la Bohême contemporaine. Essai d'histoire et de politique), бывшему министру иностранных дел Флурансу (см.: E. V i g k e. Op. cit., S. 489).

¹⁰⁸ В этом смысле представляют интерес донесения поверенного в делах Франции в Ватикане Навенна от 30 августа и 20 сентября 1897 г., который информирует министра Ганото о своем разговоре с кардиналом — статс-секретарем. Ватикан считает, что пришел момент оторвать Австрию от Италии и Германии. Если Франция сможет привлечь к себе Австрию и попытается воспрепятствовать возобновлению Тройственного союза, то она может рассчитывать на поддержку Ватикана (DDF, t. 13, p. 520—521, 545—546).

¹⁰⁹ DDF, t. 13, p. 322—324. Лозе — Ганото, 5.IV 1897; p. 382—383. Лозе — Ганото, 3.V 1897.

¹¹⁰ Донесение от 12.I 1898 г. Очевидно, донесение консула Валуа. Дело в том, что Горская при публикации документов не всегда дает точное описание того, кем и откуда послано донесение (P. H o r s k á. Op. cit., str. 451). Донесение Валуа от 9.X 1899 (там же, стр. 453).

скрывал своих симпатий к чехам и как-то за свое слишком эмоциональное изложение событий в Праге в конце 1897 г. даже получил своего рода предупреждение от министра, указавшего ему, что такая эмоциональность может быть использована во вред Франции¹¹¹.

Вообще же для французской дипломатии того времени характерна сдержанность и нежелание публично афишировать свое благожелательное отношение к чехам. В этом смысле показательным донесением Валуа о торжествах в Праге в связи со столетием со дня рождения известного чешского историка и общественно-политического деятеля Франтишка Палацкогo¹¹².

В одном донесении¹¹³, написанном уже после отмены указов о языках, Валуа пишет об усилении Германской империи, указывая, что Франция и Россия должны обратить на это внимание, так как Берлин выступает не только против чехов. «Император Вильгельм,— пишет консул,— хочет сделать из Австрии еще большего вассала, чем она есть сейчас, желая приблизить час победы». Там же консул пишет о германском посланце в Вене князе Эйленбурге, «который и так был очень влиятелен в Вене, а теперь станет там полным хозяином».

В то время как французские дипломаты в Австро-Венгрии все время подчеркивали опасность усиления Германии и угрозу пангерманизма, по-иному звучат донесения французского посла в Берлине Ноайля, написанные в ноябре 1897 г., как раз во время разгара борьбы против правительства К. Бадени¹¹⁴. Посол пишет будто бы о «корректном» поведении германского правительства в отношении внутривосточной борьбы в Австрии, его нежелании открыто вмешиваться, дабы не возбудить недоверия своей союзницы. Но сами германские дипломатические документы, как мы видели, показывают, чего стоила на самом деле эта «корректность». Ноайль обращает внимание на общественное мнение, не выделяет, однако, тогда очень активизировавшийся Пангерманский

¹¹¹ P. Hořská. Op. cit., str. 451. Очевидно, Ганото — Валуа, 2.XII 1897.

¹¹² См.: P. Hořská. Op. cit., str. 452—453. Донесение Валуа от 23.VI 1898. Интересно, что так же сдержанно было поведение и русской дипломатии.

¹¹³ Ibid., str. 454. Донесение Валуа 27.IV 1900.

¹¹⁴ DDF, t. 13, p. 572, 577. Ноайль — Ганото, 1, 8.XI 1897.

Союз. Он пишет, что правительство, понимая, какой резерв для него представляет пресса и общественное мнение, тем не менее старается сдерживать их, что ему в значительной мере удается¹¹⁵. Немногочисленные места в донесениях французского посла из Берлина, посвященные реакции Германии на австрийские дела, оставляют впечатление какого-то равнодушия, как будто бы речь идет о сюжетах для Франции безразличных.

Трудно объяснить причину такого отношения посла: определялось ли оно субъективными его взглядами или тем обстоятельством, что тогда франко-германские отношения были относительно спокойными и посол не хотел обострять их упоминанием о растущей пангерманской опасности, которой он лично, может быть, и не придавал серьезного значения.

Мы уже упоминали относящиеся к этим годам разговоры о возможности распада Австрии. Это нашло отражение и в дипломатической переписке.

Французские дипломаты всегда считают нужным доложить об этих разговорах в Париж. Кржижек правильно отмечает, что, видя симптомы распада, каждая держава думала о том, как бы другая не воспользовалась этим и не усилилась¹¹⁶.

Основная мысль французских дипломатов: инициатива придет от Германии, надо прежде всего бояться ее усиления и быть готовыми противопоставить германским притязаниям свои требования.

Интересными в этом отношении являются два донесения: французского посла в Лондоне Камбона и военного атташе в Петербурге Мулена. Камбон в начале 1899 г. передает свой разговор с английским премьер-министром Солсбери, который высказал ему беспокойство по поводу положения дел в Австрии, указывая, что смерть престарелого монарха может дать толчок к распаду Габсбургской монархии (мнение тогда очень распространенное). На это Камбон заметил, что народы Австрии привержены к своему государственному устрой-

¹¹⁵ DDF, t. 13, p. 578. Ноайль — Ганото, 8.XI 1897. Ноайль считает, что даже письмо известного Моммзена не было созвучно настроениям публики и было воспринято равнодушно. С этим утверждением посла никак нельзя согласиться.

¹¹⁶ J. Křížek. Op. cit., str. 629.

ству и что толчок может прийти только извне, из Германии. Характерно, как реагировал на это английский премьер, который прервал Камбона, сказав, что он, толчок, может прийти и от другой державы, предполагая Россию. Камбон высказал на сей счет сомнения, заметив, что, хотя это и возможно, «...но я продолжаю считать, что непосредственно никакая опасность не угрожает Европе с этой стороны»¹¹⁷.

Мулен, военный атташе в Петербурге, в пространном донесении военному министру Фрейсине в Париж¹¹⁸ пишет, что в высоких кругах русской армии идут разговоры о судьбе Австро-Венгрии в случае смерти Франца-Иосифа. Там считают, что смерть императора вызовет почти неминуемый распад монархии. Германия тогда аннексирует немецкие области Австрии и распространится почти до Истрии. Венгрия станет независимой. Мулен полагает, что Франция и Россия не смогут равнодушно смотреть на такое усиление Германии и потребуют компенсации. Россия — Галицию и Буковину, Франция — Эльзас и Лотарингию. И если, по мнению Мулена, Германия и согласится на то, чтобы отдать России Галицию и Буковину, то о возвращении Эльзаса и Лотарингии не может быть и речи. Заметим, что о подобных разговорах писали и германские дипломаты.

Главная мысль, которая пронизывает донесение Мулена: распад Габсбургской монархии усилит позиции Германии в Центральной Европе и на Балканах и поэтому Россия и Франция не должны мешкать и соответственно готовиться.

Интересно замечание Мулена о судьбе Чехии в случае распада. «Участь Богемии трудно предопределить; Россия, очень возможно, будет настаивать, чтобы Чехия была конституирована также как самостоятельное государство, с целью создать славянский авангард на фланге новой Германской империи».

Очень интересный материал об отношении французского правительства к возможности распада, не противоречащий двум приведенным выше документам, мы находим в переписке царских дипломатов. Поводом к этому послужила беседа министра иностранных дел Франции

¹¹⁷ DDF, t. 15, p. 117—119. Камбон — Делькассе, 9.II 1899 «Секретно».

¹¹⁸ DDF, t. 15, p. 178—182. Мулен — Фрейсине, 18.III 1899 «Секретно».

Делькассе с русским послом в Париже князем Урусовым, о которой последний немедленно же сообщил в Петербург¹¹⁹. Делькассе, по словам посла, затронул вопрос о возможном в случае смерти престарелого Франца-Иосифа распаде монархии, начало которому положит Германия (как мы видим, мысль, неоднократно повторяющаяся у французских дипломатов). В связи с этим министр считает необходимым согласованность действий Франции и России, дабы противостоять притязаниям Германии, которая присоединением австрийских провинций получит давно желаемый порт на Средиземном море. Делькассе подчеркивает, что это отвечало бы даже не только национальным, но сейчас в большей степени и экономическим интересам Германской империи. Мысль эта получает полное одобрение в помете Николая II¹²⁰. Делькассе указал Урусову, что если даже и допустить территориальное увеличение Германии, то надо подумать и о соответствующей компенсации для России и Франции. В конце беседы министр высказал мысль о желательности заключения франко-русско-английского союза против Германии.

Письмо Урусова, естественно, не осталось без внимания, вокруг него завязалась переписка. Министр Муравьев в ответе от 4 мая 1900 г.¹²¹ писал, опираясь на беседу Остен-Сакена с Бюловым в декабре 1899 г., о которой упоминалось выше, что Германия сейчас не имеет территориальных притязаний и, хотя Делькассе и правильно поставил вопрос о необходимости Франции и России быть готовыми к возможному распаду Дунайской монархии, однако «опасения, высказываемые французским министром иностранных дел, представляются нам несколько преувеличенными»¹²². Одновременно Муравьев сообщал о письме Урусова в Берлин Остен-Сакену, указывая, что оно «свидетельствует о тех опасениях, которые не перестает внушать в Париже возможность распада

¹¹⁹ АВПР, ф. Политархив, 1897—1900, д. 3194, л. 129—130. Секретное письмо князя Урусова. Париж, 27 апреля (10 мая) 1900 г. (на франц. яз.).

¹²⁰ АВПР, ф. Политархив 1897—1900, д. 3194, л. 153. Секретное письмо его сиятельства графа Муравьева князю Урусову в Париж. С.-Петербург, 4 мая 1900 г. (черновик письма).

¹²¹ Там же, л. 150—159 (там же, л. 153—155—черновик).

¹²² Там же, л. 159.

Габсбургской монархии»¹²³. Муравьев подчеркивал, что именно экономические интересы Германии толкают ее к Средиземному морю. Вместе с тем мысль Делькассе о франко-русско-английском союзе он считал малореальной.

Очень интересен ответ Урусова Муравьеву¹²⁴, очень пространный, в котором посол подробно останавливается на вопросе распада. Урусов пишет, что взгляды Делькассе разделяет большая часть французских политических деятелей, что во Франции примирились бы с территориальным увеличением Германии за счет Австрии только, если бы были возвращены обратно Эльзас и Лотарингия или хотя бы часть их. Но все-таки, подчеркивает Урусов, в настоящее время «в принципе он (французский кабинет.— *Н. Р.*) предпочитает «статус-кво»¹²⁵.

Таким образом, мы видим, что тогда во Франции, так же как и в Германии, не хотели изменения политической карты Европы¹²⁶, хотя в перспективе считали это возможным и поэтому разговоры о распаде Австро-Венгрии не считались беспредметными. Интересно также, что как Германия, так и Франция и царская Россия (об этом еще будет идти речь в дальнейшем) по существу сбрасывали со счета национально-политические устремления народов, населявших многонациональную монархию Габсбургов.

Мы уже писали, что крики австрийских пангерманцев-шёнерианцев о создании «Великой Германии» уже тогда волновали французскую общественность. Как же относилась к этому политическому течению в Австрии французская дипломатия? Надо сказать, что материалы, которыми мы располагаем, довольно немногочисленны и сдержанны.

В донесениях¹²⁷ французского посла в Австрии Ревер-

¹²³ АВПР, ф. Политархив, 1897—1900, д. 3194, л. 161.

¹²⁴ Там же, л. 167—174. Доверительное письмо князя Урусова. Париж, 9(22) мая 1900 г.

¹²⁵ Там же, л. 170. Об этом же пишет и французский военный атташе в Петербурге Мулен. см.: DDF, t. 16, p. 77. Мулен — Фрейсине, 15.I 1900.

¹²⁶ Реверсо писал еще в 1898 г. Делькассе, что распад Австро-Венгрии в настоящее время даже Германии не нужен. См.: DDF, t. 14, p. 614. Донесение Реверсо — Делькассе, 30.IX 1898.

¹²⁷ DDF, t. 14, p. 613—614. Реверсо — Делькассе, 30.IX 1898. Большое донесение, посвященное австрийским пангерманцам (DDF, t. 15, p. 50—51. Реверсо — Делькассе, 20.I 1899).

со в Париж сообщается об усилении в связи с обострением немецко-чешских отношений австрийских пангерманцев, которые находят поддержку у своих германских единомышленников, о «знаменитом Шёнере, главе группы немецких радикалов» (так посол именует пангерманцев Австрии). Посол пишет о появлении сепаратистских устремлений в Австрии не только в тех областях, которые близки к Баварии и Саксонии, но и более отдаленных — в Штирии, Каринтии, подробно останавливаясь на пангерманских демонстрациях в Граце, где крики «Да здравствует Германия!», васильки в петлицах (любимый цветок Бисмарка) и т. п. вызвали, по словам посла, неопишуемый энтузиазм. Реверсо прямо подчеркивает, что германское правительство, шантажируя австрийское правительство угрозами пангерманизма, хочет заставить последнее отменить указы. В другом донесении посол пишет: «В политическом мире большие волнения. Боятся, что два миллиона немцев увлекут в борьбу за пангерманизм 6 млн. немцев Австрии и что существование Австрии в опасности»¹²⁸. Таким образом, Реверсо акцентирует внимание своего правительства на пангерманизме как факторе в политической жизни Австрии.

Мы писали, что для французского правительства и его дипломатии в австро-французских отношениях основным и определяющим была боязнь усиления Германии и угрозы пангерманизма, что отношение официальной Франции к австрийским славянам определялось в то время именно этим.

Не удивительно, что в 1897—1899 гг., когда чешско-немецкий конфликт, казалось, сотрясал основы монархии, внимание французского правительства прежде всего сосредоточилось на чехах.

В донесениях Реверсо, несколько поверхностных, интересно следующее. Посол, несмотря на то, что на исход чешско-немецкой борьбы в связи с указами смотрел пессимистически, все же подчеркивал, что чехи очень усиливаются в последнее время, «проникая», по его словам, во все области монархии, даже в отдаленные, например, в южную Австрию, желая установить контакт со словенцами (кстати, после чехов, наиболее угрожаемым

¹²⁸ P. Hořská. Op. cit., str. 451. Реверсо — Делькассе, 21.I 1898.

со стороны пангерманцев славянским народом Австрии)¹²⁹. В том же донесении он писал, что через какое-то время австрийские немцы будут отодвинуты славянами на задний план и что «Австрии предназначено стать славянским государством». Эти прогнозы удивительно совпадают, как мы увидим в дальнейшем, с мнением русского посла в Вене Капниста.

Суждения Реверсо не дают чего-либо нового по «чешскому вопросу». Интереснее и содержательнее в этом смысле донесения консула Валуа, которые приводит, к сожалению, в небольшом количестве, Горская. И это понятно — консул находился в самой гуще событий.

Три очень интересных донесения написаны Валуа уже после отмены указов о языках. Может быть, этим можно объяснить пессимистический тон этих донесений¹³⁰. Консул не скрывает своих симпатий к национальной борьбе чешского народа, однако он делает разницу между простым народом и буржуазно-политическими деятелями, в основном младо- и старочешского направления, к которым он относится в высшей степени скептически, не жалея черных красок для описания их корыстолюбия, тщеславия и т. п. Он считает их малопринципиальными, готовыми ради своих личных интересов пойти на компромисс. Он указывает, что они не пользуются влиянием ни у себя в Праге, ни в Вене. Это, конечно явное преувеличение. Консул пишет, что чешская буржуазия, за некоторыми исключениями, связана с буржуазией немецкой (родственными, материальными отношениями и т. п.); это замечание интересно и заслуживает внимания, хотя, без сомнения, также преувеличено. Описывая в общем-то в мрачных тонах буржуазный лагерь, консул как бы противопоставляет ему народ, который, хотя пока еще и незрел в политическом и социальном отношении, однако именно благодаря его стойкости и уверенности в лучшем будущем австрийским немцам и имперским пангерманцам не удастся «поколебать славянскую Чехию»¹³¹. Горская считает, что отрицательное впечатление,

¹²⁹ DDF, t. 14, p. 554—555. Реверсо — Делькассе, 16.IX 1898; *ibid.*, t. 13, p. 553.

¹³⁰ P. Hořská. *Op. cit.*, str. 453, 455, 456—457. Донесения Валуа от 9.X 1899, 4.XII 1900, 23.V 1901.

¹³¹ P. Hořská. *Op. cit.*, str. 457. Донесение Валуа от 23.V 1901.

которое произвели на консула буржуазные национально-политические группировки в Чехии в то время, были причиной того, что с начала века вплоть до 1914 г. «чешский вопрос» в общем не играл роли в расчетах французских дипломатов¹³². Нам же кажется, что не столько этот фактор, сколько изменение международной обстановки определяли дальнейшее отношение Франции к «чешскому вопросу».

Воссоздать сколько-нибудь ясную картину отношений английской дипломатии в конце века к событиям в Австрии на основании опубликованных документов английского МИДа задача очень трудная.

В опубликованных материалах английского Министерства иностранных дел¹³³ интересующей нас проблеме — внутривосточному кризису в австрийской половине монархии — почти не уделено внимания. Он упоминается только в связи с внешнеполитическим положением Габсбургской монархии. Основное внимание, поскольку речь идет об Австро-Венгрии, сосредоточено на политике Габсбургской монархии на Балканах и австро-русских отношениях, на положении Австрии в Тройственном союзе и т. п.

Таким образом, составители рассматривают Австро-Венгрию не как державу, которую связывают с Англией непосредственные интересы, а только в свете ее отношений с другими державами, в основном с Россией и Германией. Это совпадает с политикой французского правительства, но у английского интерес к внутривосточной жизни в Австрии выражен несравненно слабее.

Совершенно выпадает из поля зрения английских дипломатов такой вопрос, как пангерманизм, который, как мы знаем, именно тогда в Австрии получил известное политическое звучание.

¹³² P. Hořská. Op. cit., str. 460. В качестве одного из аргументов она приводит то, что после 1900 г. число донесений посылаемых консулом из Праги резко сократилось по сравнению с 1897—1899 гг.

¹³³ «British Documents on the Origins of the War. 1898—1914». Vol. 1. «The End of British Isolation». London, 1927. Cap. 8. «The Powers. 1898—1903». В основу систематизации материала положен тематический принцип, который отражает основные направления английской внешней политики. Австро-Венгрия, как и во французском издании, нигде не выделяется. Документы, относящиеся к ней, входят в главу 8 «Державы. 1898—1903».

О внутривполитических затруднениях в Австро-Венгрии мы узнаем только по нескольким фразам в отдельных донесениях Румбольда, английского посла в Вене. Так, реагируя на заключение австро-русского соглашения о Балканах, Румбольд подчеркивает, что оно было необходимо и той и другой стороне вследствие трудностей, переживаемых обеими странами¹³⁴.

Национальным отношениям в двуединой монархии, в частности немецко-чешским, почти совсем не уделяется внимания. Лишь в донесении Румбольда, касающегося торжеств в связи со столетием со дня рождения Палацкого¹³⁵ (на них отреагировали и в Берлине, и в Париже, и в Петербурге), косвенно затрагиваются чешско-немецкие противоречия.

Вызывает недоумение то обстоятельство, что в донесениях английских дипломатов из Вены мы почти не встречаемся с проблемой распада монархии Габсбургов, в то время как, по свидетельству иностранных дипломатов из Лондона, этот вопрос интересует министра иностранных дел Солсбери¹³⁶.

В документах из Вены мы находим лишь косвенные упоминания об этой проблеме. Так, в сентябре 1898 г. Румбольд, сообщая своему министру о свидании Франца-Иосифа с Вильгельмом II, пишет, что «неудачная внутренняя политика, голоса тех, которые предостерегают его (императора Франца-Иосифа.— *H. P.*) от распада империи, ложный характер его соглашения с Россией по Балканскому вопросу»,— все это привело к тому что, «он афишировал тесный характер своего союза с Герма-

¹³⁴ «British Documents», vol. 1, p. 299. Румбольд—Солсбери. 6.VII 1899. «Секретно»; *ibid.*, str. 297—298. Мильбенк, секретарь посольства в Вене, пишет в Лондон «о сложной внутривполитической ситуации и мертвой точке, на которой стоит парламент»; *ibid.*, str. 298—299. Румбольд — Солсбери, 24.V 1899. «Совершенно секретно».

¹³⁵ «British Documents», vol. 1, p. 279. Румбольд — Солсбери, 23.VI 1898.

¹³⁶ Например, донесение французского посла в Лондоне Камбона, о котором мы говорили выше. В издании «The New Cambridge Modern History» (vol. 11, Cambridge, 1962, cap. XII) указывалось, что некоторые английские политические деятели считали, что распад Австро-Венгрии близок и возможен. В этих условиях «единственно, что еще сохраняло дуалистическую монархию, то это мнение большинства политиков, что не было ничего, что можно было бы поставить на ее место».

ней»¹³⁷. В связи с вопросом о Тройственном союзе представляет интерес замечание Мильбенка о том, что если союз между Австрией и Германией ослабнет, то от Габсбургов отойдет Италия, Австрия останется изолированной, а тогда Россия, мол, совершенно перестанет считаться со своей соперницей на Балканах¹³⁸.

Когда в связи с приближающимся 50-летним юбилеем царствования Франца-Иосифа разнесся слух о возможной аннексии Боснии и Герцеговины, то английских дипломатов больше всего волновал вопрос, что может потребовать для себя Россия¹³⁹.

Таковы те чрезвычайно немногочисленные сведения об отношении официальной Англии к событиям в Австрии, которые мы смогли почерпнуть из опубликованных документов.

¹³⁷ «British Documents», vol. 1, p. 280. Румбольд—Солсбери, 19.IX 1898.

¹³⁷ «British Documents», vol. 1, p. 280. Румбольд—Солсбери, 19.IX 1898.

¹³⁸ «British Documents», vol. 1, p. 281—282. Мильбенк — Солсбери 6.V 1899. «Совершенно секретно».

¹³⁹ Ibid., p. 297—298. Мильбенк — Солсбери, 28.IV 1898. «Секретно».

Отношение царских дипломатов в Габсбургской монархии к внутривполитическому кризису в Австрии

Целью данной главы является освещение событий в австрийской половине монархии в конце века с точки зрения отношения к нему русской дипломатии¹. Источниковедческой базой стали материалы Архива внешней политики России. В распоряжении советского историка имеется большой и почти не изученный под этим углом зрения, т. е. со стороны *внутренней* истории Австро-Венгрии, материал.

Это в первую очередь донесения русских дипломатов из Австрии (посла² и консулов) министру иностранных дел в Петербурге.

¹ Надо отметить, что в донесениях русских дипломатов из Вены и Будапешта венгерская тематика занимает значительное место. Политическая жизнь в Венгрии, положение отдельных групп и партий, их отношение к Австрии (т. е. к системе дуализма), к национально-политической борьбе в стенах австрийского рейхсрата, к вопросу о заключении австро-венгерского соглашения, наконец, конечно, внешнеполитические сюжеты, в первую очередь отношение к Германии, России, странам Балканского полуострова, — все это находит отражение в дипломатических донесениях русского посла в Вене графа Капниста и генерального консула в Будапеште князя Львова.

² В конце века послом в Вене был граф П. А. Капнист, донесения которого стали основным источником при написании настоящей главы. Петр Алексеевич Капнист окончил юридический факультет Московского университета. Был посланником в Гааге, а с 1895 г. послом в Австро-Венгрии. К сожалению, мы не располагаем о нем никакими другими сведениями, кроме этих чисто формальных.

Поэтому нам кажется вполне закономерным и интересным попытаться осветить внутривполитический кризис в Австрии в конце века с точки зрения русских дипломатов, показать, как относилась официальная Россия к событиям в Австрии, как преломлялась сложная обстановка многонациональной монархии в их донесениях? Какие выводы делало для себя царское правительство, какие цели оно преследовало?

Основывая нашу работу в основном на донесениях царских дипломатов из Австрии, мы, естественно, понимаем, что закономерно возникает вопрос: всегда ли они отражали и проводили в жизнь решения Петербурга, не была ли та или иная оценка субъективной, личной точкой зрения посла и его помощников? Однако нигде в просмотренных нами документах мы не встречаем прямо или косвенно, чтобы Министерство иностранных дел выражало бы свое неудовольствие позицией посла, нигде его донесения не вызывают неодобрения Петербурга. Более того. Просмотренные нами дипломатические документы из других европейских столиц, в частности Берлина и Парижа, а также переписка министра с послами показывают, что в сущности в вопросах, касающихся Австро-Венгрии, министерство стояло на позициях Капниста.

Рассматривая отношение официальной царской России и к внутривполитическому кризису в Австрии в те годы, и к вопросу самого существования многонациональной империи Габсбургов, и к национально-политическому движению австрийских славян надо иметь в виду следующее: на все происходящее в монархии царские дипломаты смотрели сквозь призму интересов царской политики и с учетом противоречий, существующих между великими державами не только в этом районе Европы, но и в других частях света.

Если же брать конкретно австро-русские отношения в те годы, то следует помнить, что основным и определяю-

Даже после его смерти в русской прессе не появилось никакого некролога, хотя Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (т. 20) называет Капниста «выдающимся русским дипломатом», много потрудившимся по македонскому вопросу, участвовавшим в выработке австро-русского соглашения по балканскому вопросу; царский дипломат Ю. Соловьев в своих воспоминаниях упоминает о нем как об «умном после в Вене» (Ю. Соловьев. 25 лет моей дипломатической службы. 1893—1918. М., 1928, стр. 11).

щим в них для царского правительства был восточный вопрос, частью которого были Балканы.

Но помимо Балкан был еще один вопрос, который также очень интересовал царское правительство, ибо, будучи, в отличие от Балкан, чисто внутренне австрийским, он в то же время был вопросом международным. Речь идет о судьбе поляков Австрии.

Все остальные вопросы, в том числе и интересующие нас здесь — отношение официальной России к австрийским славянам (речь идет в основном о чехах), к чешско-немецким противоречиям в Габсбургской монархии — являлись для царской политики тогда вопросами второстепенными³.

Царская дипломатия и славянское население Австрии (поляки и чехи). Просматривая донесения из Австрии, убеждаешься в том, что царскую дипломатию в общем-то мало интересуют славянские народы Австрии, как таковые. Австрийские славяне для них имеют значение только постольку, поскольку с ними связана судьба Австро-Венгрии, поскольку они составляют большинство населения соседней с Россией державы.

Следует помнить, что в данной главе речь идет только об отношении *официальной России* к внутренним событиям в Австрии, причем *в пределах данного исторического периода*. Историзм при анализе событий здесь особенно необходим. Изменяются времена и царское правительство и его дипломаты будут с негодованием писать о притеснении славян в Австрии. Сейчас же, во времена Бадени и его преемников, когда между Россией и Австро-Венгрией существовали «мирные», «добрососедские» отношения, русские дипломаты даже как-то стараются в своих донесениях притупить остроту чешско-немецких противоречий.

³ В этом смысле не лишена интереса следующая выдержка из донесения Капниста, в которой обращается внимание Петербурга на всякие неточности и пропуски в литографиях его депеш из Вены, «...на которые я, однако, не обращал Вашего внимания ввиду того, что неточности эти в депешах, касающихся *внутреннего положения Австрии, не имели особого значения*». «Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Канцелярия. 1898, д. 110, л. 2. Капнист — Муравьеву 7(19) января 1898 г. (курсив мой.— Н. Р.).»

Возникает вопрос: ведь в интересах России, как великой державы, была слабость австро-венгерской монархии, а следовательно, усиление национальных противоречий внутри страны, принявшее к концу века столь острые формы, должно было быть ей только на руку. Естественно далее предположить, что внутривластный кризис Австрии должен был быть использован царской дипломатией, в интересах которой была активизация славянского национального движения в Габсбургской монархии.

Между тем, просматривая дипломатическую переписку того времени, наблюдаешь крайнюю осторожность позиции царских дипломатов в этом вопросе, подчеркивание, что немецко-чешские противоречия являются сугубо внутренним делом австрийского правительства.

Объяснялась эта осторожность, как нам кажется, следующими причинами.

Первой и основной причиной было стремление сохранить тогда в этой части Европы статус-кво, а следовательно, и добрососедские отношения с Габсбургской монархией. Вмешательство в австрийские дела сулило порчу отношений не только с Австро-Венгрией, но и с Германией. Поэтому царская дипломатия заняла в отношении событий в Австрии позицию как бы незаинтересованного наблюдателя, хотя объективно все происходящее там не могло быть ей безразлично.

Усиление национально-освободительного движения народов Австро-Венгрии могло иметь далеко идущие последствия и привести к результатам, нежелательным по крайней мере в это время для царской России. Оно могло стать толчком к распадению монархии, к нарушению статус-кво, что тогда отнюдь не соответствовало целям царского правительства.

Может быть, в какой-то мере отпечаток на отношение царской дипломатии к событиям в Чехии наложило и то обстоятельство, что во главе чешского движения стояла тогда буржуазия, дворянские элементы играли в нем совершенно незначительную роль. А царское правительство всегда более контактировало с консервативно-помещичьими группировками, с которыми оно скорее находило общий язык. Не следует забывать о косности и инертности, характерной для царской дипломатии.

И, наконец, нельзя не учитывать того, что царизм и его дипломатия были в принципе враждебны любому

национально-освободительному движению, от какого бы народа оно ни исходило. Эта неприязнь и подозрительность в отношении прогрессивного общественного движения, свойственные дипломатам монархистам, сквозит в донесениях дипломатических представителей царизма, когда речь идет об освободительном движении народов Габсбургской монархии.

Из австрийских славян царских дипломатов интересуют в основном поляки Галиции. Южные славяне (за исключением Боснии и Герцеговины) и чехи меньше привлекают их внимание⁴.

И это вполне естественно. Поляки, их существование внутри Австрии не было только внутренним делом Габсбургской монархии. Австрийская Галиция, герцогство Познанское и Царство Польское — три части ранее единого польского государства, разделенные между Австро-Венгрией, Германией и Россией, — все время напоминали о неестественности и нестабильности создавшегося положения. Польский вопрос продолжал оставаться международным вопросом и всякое изменение международной обстановки в Европе могло выдвинуть в повестку дня проблему Польши.

Поэтому в русско-австрийских отношениях польский вопрос всегда играл существенную роль. Не случайно Капнист, говоря о возможности распада Австро-Венгрии и анализируя его с точки зрения интересов России, пишет, что распадение Габсбургской монархии выдвинуло бы ряд трудно разрешимых вопросов и один из них — вопрос о Польше.

«Чтобы указать лишь на один вопрос из ряда тех, которые могли бы быть затронуты распадом Австро-Венгерской монархии, достаточно спросить: куда следовало бы деть Галицию, и не послужило ли бы падение Австрии естественной исходной точкой для нового возникновения польского вопроса»⁵.

И понятно поэтому, почему русского посла в Вене интересует положение Галиции и традиционно с ней свя-

⁴ Даже само расположение русских консульств в Австро-Венгрии подтверждает это. Львов, Черновицы, Будапешт (генеральное консульство), Сараево и Триест. Русское консульство в Праге было основано только в 1908 г.

⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1899, д. 107, л. 28. Капнист — Муравьеву, 3(15) января 1899 г.

занной Буковины, пограничных с Российской империей областей. Во Львове и Черновицах сидят русские консулы, с пристрастием наблюдающие местную жизнь и берущие на заметку все, что может интересовать их правительство.

Просматривая донесения из Австрии, касающиеся Галиции, создается впечатление, что поляки в общем-то не были нацией угнетенной, что в Галиции национальные противоречия проявлялись в плоскости польско-украинской, а не польско-австро-немецкой.

Но это только видимость. Если действительно с точки зрения политико-административной Галиция находилась в лучшем положении, чем другие земли монархии Габсбургов, и польские господствующие классы, т. е. польские помещики, держали в своих руках самоуправление края, если судо- и делопроизводство было польским, то в экономическом положении дело обстояло иначе. Галиция жестоко эксплуатировалась австрийскими капиталистами, превратившими ее в сырьевой придаток монархии. Австрийская буржуазия не давала развиваться промышленности в Галиции, что вело почти к полному отсутствию там польской национальной буржуазии. Стремление сохранить аграрный характер Галиции, отвечающее интересам австрийского монополистического финансово-промышленного капитала, тогда, в конце XIX в., не выступало еще так отчетливо, но это, безусловно, было тенденцией империалистического развития Австро-Венгрии.

Таким образом, поддерживая аграрный характер Галиции, правящие круги Австрии тем самым укрепляли там экономическое и политическое положение польских помещиков, делая последних опорой Габсбургской династии. Это сказалось и на польской фракции австрийского парламента, состоящей в основном из верных правительству помещичье-клерикально-бюрократических элементов.

Для Капниста не подлежит сомнению, что из всех австрийских славян поляки Галиции (говоря «поляки», Капнист подразумевает в первую очередь польские имущие классы — помещиков и тесно связанную с ними бюрократию) находятся в лучшем в смысле национальном положении, а сама Галиция, из всех коронных земель многонациональной австрийской половины монархии, имеет больше всего автономии. Польские помещики и бюрократия поддерживают монархию, существование ко-

торой отвечает их интересам, и настроены прогабсбургски⁶. Польская фракция рейхсрата спаяна (интересно, что Капнист отмечает изменение с появлением социал-демократов), с ней считается правительство. Недаром многие австрийские государственные деятели были поляками (Потоцкий, Бадени, Голуховский и др.). Надо признать, что если подразумевать под польским населением помещиков и бюрократию, то в суждениях царских дипломатов много верного.

«В действительности,— пишет в одном из своих донесений Капнист,— польскую национальность можно считать одной из наиболее удовлетворенных внутри Габсбургской монархии.

Не говоря уже о почти полной самостоятельности, фактически предоставленной внутренней администрации в Галиции, самое положение и влияние польской партии в австрийском рейхсрате благодаря сильной сплоченности и дисциплине этой партии весьма значительны.

Династическая приверженность края и главных ее вожаков несомненна»⁷.

⁶ В этом смысле представляет интерес одно место из донесения Капниста Муравьеву, написанного в начале 1897 г. Посол пишет, что польские политические деятели, в частности речь идет о Бадени, стоят за русско-австрийское соглашение, так как оно «в интересах существующего строя в Габсбургской монархии, в котором *они находят и свою собственную выгоду*». АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 114, л. 84—85. Капнист — Муравьеву, 12(24) февраля 1897 (курсив мой — Н. Р.). Того же мнения придерживались, как упоминалось выше, и германские дипломаты в Вене.

⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 114, л. 83. Капнист — Муравьеву, 12(24) февраля 1897. «Галиция — провинция, наиболее удовлетворенная своей фактической автономией...» (там же, л. 201, 202. Капнист — Муравьеву, 9(21) VIII 1897). О привилегированном положении польских господствующих классов Галиции пишет и современник событий А. Шерадам (А. Шерадам. Европа и австрийский вопрос на рубеже XX в. СПб., 1903, стр. 21; см. также: А. Szelągowski. Niemcy; Austria i kwestja polska. Warszawa — Lublin — Łódź., 1915, стр. 61—62; К. G r z y b o w s k i. Galicja 1848—1914. Historia ustroju politycznego na tle historii ustroju Austrii. Kraków — Wrocław — Warszawa, 1959, стр. 74 а in; Н. B a t o w s k i. Rozpad Austro-Węgier. 1914—1918. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965, стр. 24—26, 30, 51—53. Западногерманский историк Мартин Брошат подчеркивает, что поляки в Галиции находились в национальном отношении в лучших условиях, чем их соплеменники в Пруссии или другие славянские народы в самой Австрии (М. Brcszat. 200 Jahren Polenpolitik. München, 1963, S. 98—100).

Галиция, безусловно, является предметом беспокойства царского правительства и царских властей в Царстве Польском. Автономия, которой пользуется Галиция в Австрии,— для них бельмо на глазу, а возможность использования польских господствующих классов во враждебных России целях не упускается из виду. Ведь всем ясно,— «мирная» полоса австро-русских отношений не вечна, неминуемы «обострения», и в этом случае польская правящая верхушка Галиции сможет пригодиться австрийскому правительству. Русский консул в Черновицах Вигель-Панчулидзеv обращал внимание Петербурга на рост польского населения в Буковине, указывая, что в случае войны Австро-Венгрии с Россией усиление в Буковине польского элемента, враждебного, по мнению консула, России, несомненно учитывается правительством Австро-Венгрии⁸.

Мысль, что Галиция может сделаться центром притяжения и для польского населения соседнего Царства Польского и для прусской Польши, не оставляет посла. Об этом он пишет своему министру, на донесении помета «очень секретно»⁹.

Антирусские настроения в Галиции служат темой донесения консула во Львове Пустошкина. «Галиция,— пишет он Капнисту,— продолжает служить очагом неприемлимой агитации против России...»¹⁰

Красной нитью через все донесения проходит мысль об угнетении польскими помещиками украинского (русинского, как часто называли западных украинцев в то время) населения Галиции.

Все это, несомненно, соответствовало действительности, но такое «внимание» диктовалось не естественным, казалось бы, сочувствием к угнетенным украинцам, а политическими мотивами.

В своем донесении Муравьеву в начале 1899 г. Капнист, мы бы сказали, уже перехлестывает через край, утверждая, что по сути единственной угнетенной нацио-

⁸ АВПР, ф. Посольство в Вене, часть не политическая, 1896—1898, д. 1209, л. 10—15. Копия донесения Вигель-Панчулидзева управляющему МИД 4(16) декабря 1896 г.

⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 115, т. 1, л. 50—51. Капнист — Муравьеву, 21 июля/2 августа 1897 г. (на франц. яз.).

¹⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 115, т. 2, л. 534, 549—550. Пустошкин — Капнисту, 3 марта 1897 г. (ст. стиль.— Н. Р.).

нальностью в Австрии являются русины, которых, мол, поляки хотят поглотить¹¹.

Говоря о деятельности Бадени в Галиции, Капнист пишет: «Как наместник Галиции он был организатором и администратором первого ранга. Конечно, его активность там имела целью укрепление полного господства польского элемента в этой провинции за счет русинской части населения»¹².

Мы остановились подробно на этих вопросах потому, что польские господствующие классы Галиции были немаловажным фактором в том сложном клубке национальных противоречий, взрыв которых в конце века является непосредственной темой нашего исследования.

Какую позицию заняли тогда польские политические деятели?

Для понимания этого надо выяснить два вопроса. Во-первых, отношение польских господствующих классов к дуалистической австро-венгерской монархии, во-вторых, к австро-немецкой буржуазии и к помещикам.

На первый вопрос донесения дают прямой ответ: польские помещики, в руках которых было управление Галицией, находились в контакте с австро-немецкой правящей кликой — придворно-помещичьими кругами, бюрократией, клиром, — которая обеспечивала им эксплуатацию не только своего народа, но фактически отдавала в их власть украинское население Галиции.

На второй вопрос — в какой степени в Австрии имел место немецко-польский антагонизм — донесения царских дипломатов прямого ответа не дают.

Из их донесений можно заключить, что дипломаты сознательно уходили от информации по этому вопросу. И хотя рисуемая ими в целом австро-польская идиллия не соответствовала действительному положению дел, все же тогда не польско-немецкие, а польско-украинские противоречия были важнейшими для Галиции, и это являлось определяющим как для роли польских господствующих классов в сложном переплетении славяно-немецких

¹¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1899, д. 107, л. 10—11. Капнист — Муравьеву, 3(15) января 1899 г.

¹² АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 115, т. 1, л. 49—50. Капнист — Муравьеву, 21 июля (2 августа) 1897 г. (на франц. яз. с пометой «очень секретно»). Капнист там же указывает, что Бадени стремился к полной полонизации Галиции.

противоречий, так и для места самой Галиции в системе двуединой монархии.

Австро-немецкие господствующие классы — буржуазия и помещики — в трудных условиях многонациональной монархии старались не ссориться с галицийской шляхтой. Даже самые шовинистические группировки их — пангерманцы — в своей программе германизации австрийской части монархии считали нужным на том этапе оставить поляков в покое, выдвинув требование выделения Галиции и Буковины путем предоставления им «особого положения» в рамках монархии.

Галицийская шляхта поддерживала австрийское правительство и династию; в борьбе централистического и федералистического направлений, характерных для внутриполитического развития Австрии во второй половине XIX в., польские господствующие классы занимали двойственную позицию. Они не были по существу противниками дуалистической системы и если и подумывали о перестройке монархии, то скорее в духе триализма — Австрия — Венгрия — Галиция. Они единственные, пожалуй, из имущих классов других славянских национальностей монархии не были враждебны венгерской правящей верхушке.

В чешско-немецких столкновениях, ареной которых стали чешские земли монархии, польские помещики, как правило, лишь тогда выступали на стороне чехов, когда знали, что последних поддерживает правительство и династия. Так было во времена Гогенварта — в начале 70-х годов, во времена Тааффе — в начале 80-х годов, так было и теперь — во времена Бадени. В противном случае чешско-польский блок срывался.

В донесениях русского посла из Вены, в которых излагаются перипетии немецко-чешской борьбы, польские политические деятели часто выступают как посредники, желая положить конец этой борьбе, парализующей парламентскую жизнь Австрии¹³. О каком-либо прочном польско-чешском альянсе донесения Капниста ничего не говорят. Как симптоматическое явление отмечает он в конце 1897 г. поездки чешских депутатов в Галицию и польских — в Чехию, рассказывает о польско-чешской

¹³ АВПР, ф. Канцелярия, 1899, д. 107, л. 336, Капнист — Муравьеву, 24 ноября (6 декабря) 1899 г.

манifestации в Кракове и Пршерове, правильно улавливая их антинемецкую направленность¹⁴.

Как относились царские дипломаты в Австрии к «чешскому вопросу», т. е. положению чешской национальности в рамках Габсбургской монархии?

Чехи не входили тогда непосредственно в орбиту интересов царского правительства; это считалось чисто внутренним, австрийским делом¹⁵. Как мы говорили выше, в Праге не было даже русского консула и мысль об этом, очевидно, не беспокоила Капниста даже тогда, когда ему стало известно, что германское правительство учредит в Праге свое консульство¹⁶.

И если русская общественность с сочувствием и вниманием следила за национальной борьбой австрийских славян, в частности чехов, если уже тогда наблюдались интенсивные русско-чешские связи в области культуры, если русская пресса (конечно, при этом значительную роль играло политическое направление той или иной газеты) уделяла им в общем-то большое внимание, то позиция правительства и его дипломатии была очень осторожна и сдержанна в этом вопросе.

Внимательно просматривая донесения Капниста за эти бурные в истории чешско-немецких отношений годы, порою просто удивляешься, как мало внимания уделяется в них самим чешским землям. Можно буквально по пальцам перечислить донесения, в которых посол оста-

¹⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 114, л. 416—417. Капнист — Муравьеву, 3(15) декабря 1897 г. «...Но дух солидарности в деле уничтожения в Австрии первенствующего положения германского элемента, тем не менее, ясно проявился».

¹⁵ Ю. Кржижек пишет, что европейские великие державы, именно Германия и Россия, считали положение чешских земель внутренним делом австрийской монархии, в которое, мол, неудобно вмешиваться. Если в смысле вмешательства Германии высказывания Кржижека не соответствуют действительности, то в отношении правительства царской России нельзя не согласиться с автором (J. Křížek. Česká buržoazní politika a česká otázka v letech 1900—1914.— «Československý časopis historický», 1958, N 4, str. 628).

¹⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1898, д. 109, л. 111—112. Сverbеев (заменил тогда Капниста.— Н. Р.) — Муравьеву 19(31) марта 1898 г. Учреждение германского консульства связывается с чешско-немецкими беспорядками в ноябре 1897 г. в Праге.

навливается на событиях, происходивших непосредственно в Чехии и Моравии.

Чехи интересуют Капниста только в аспекте чешско-немецкого конфликта в связи с указами о языках, причем в основном посол описывает заседания рейхсрата, переговоры правительства с чешскими и немецкими политическими деятелями и т. п.

На фоне этих часто однообразных донесений заметно выделяются два, посвященные торжествам по случаю столетия со дня рождения известного чешского историка и общественно-политического деятеля Ф. Палацкого, которые состоялись в Праге в июне 1898 г.¹⁷

Естественно, торжества в Праге, в разгар ожесточенных чешско-немецких столкновений в Чехии, должны были продемонстрировать силу и единство чешского национального движения. «Чествование Палацкого в Праге, как и можно было предвидеть, не обошлось без политических манифестаций, направленных против немцев и Германии. Участие властей и официальных лиц отняло от праздника, само собой разумеется, всякий противоположительственный характер»¹⁸.

Читая донесения Капниста, информирующего Петербург об этих торжествах нельзя освободиться от впечатления, что основное, что беспокоит посла и о чем он спешит сообщить — это как бы празднование не превратилось бы в своего рода демонстрацию славянской солидарности, которая будет не по душе венскому правительству, раздражит еще более «германский элемент во всей Австрии» и даст повод для упреков в адрес России.

«Считаю не излишним упомянуть о вышеизложенном ввиду того, что воззвание Пражского комитета, учрежденного для чествования памяти Палацкого, было воспроизведено большей частью наших газет и что оно, следовательно, может привлечь в богемскую столицу многочисленных представителей русской печати и ревнителей

¹⁷ Об этих торжествах информировали свои правительства также французские и английские дипломаты.

¹⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1898, д. 109, л. 186, 187—191. Капнист — Муравьеву, 9(21) июня 1898 г.; л. 172—174. Капнист — Муравьеву, 27 мая (8 июня) 1898 г. Посол, сообщая о предстоящих торжествах, указывает, что австрийское правительство обеспокоено, как бы они ни дали повода к новым чешско-немецким столкновениям.

славянства», — заканчивает Капнист свое первое донесение в Петербург¹⁹.

Во втором донесении, написанном уже после окончания торжеств, он сообщает Муравьеву: «На банкете же конгресса славянских журналистов, состоявшемся вчера (20 июня н. стилия. — *Н. Р.*) в Праге, произнесены были речи, одушевленные славянским духом и не отличающиеся умеренностью в выражениях по отношению к германизму»²⁰. Панславистскими манифестациями называет торжества в честь Палацкого князь Львов, генеральный консул в Будапеште²¹.

Капнист, очевидно, опасается, как бы сочувствие национальной борьбе чешского народа не вызвало бы у австрийского правительства, а тем более у австрийских немцев совершенно ненужные ассоциации. Умножатся упреки в панславизме, которыми и так полна немецкая пресса Австрии и которых старается избежать русский посол в Вене²².

Поэтому он не перестает всегда напоминать Петербургу, что следовало бы «успокоить» русскую прессу, сделать ее более сдержанной в отношении Австрии²³.

Лояльность, никакого, пусть даже косвенного, вмешательства во внутренние споры в Дунайской монархии — таково тогда основное направление царской политики в Австрии.

Эта осторожность в позиции царской дипломатии в отношении чешско-немецкого конфликта воспринималась

¹⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1898, д. 109, л. 174. Капнист — Муравьеву, 27 мая (8 июня) 1898 г.

²⁰ Там же, л. 186. Капнист — Муравьеву, 9(21) июня 1898 г.

²¹ Там же, д. 110, л. 55. Львов — Капнисту, 18 июня 1898 г.; см. также: ф. Отчеты МИДа, 1898, д. 124.

²² Германский посол в Вене Эйленбург писал Гогенлоэ 16 декабря 1898 г., что французское посольство, а русское тем более, держится очень осторожно в отношении чехов *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Bd. 13. 1897—1899. Berlin, 1924, S. 140.*

²³ АВПР, ф. Канцелярия, 1898, д. 109, л. 20—31. Капнист — Муравьеву, 12(24) февраля 1898 г. В одном из своих донесений Капнист указывает на то, что «печатать, в особенности часть русской печати, не без некоторого злорадства запеваает уже похоронный марш «Австро-Венгрии» и заявляет, что «сетование некоторой части нашей печати о таких угнетениях (угнетения национальностей. — *Н. Р.*) являются, как выражается посол, анахронизмом» (АВПР, ф. Канцелярия, 1899, д. 107, л. 3, 10, 26. Капнист — Муравьеву 3/15 января 1899 г.).

в чешском буржуазном лагере по-разному. Если бóльшая часть политических деятелей младочешского направления, будучи настроенной в общем русофильски, старалась не замечать этого, то группа реалистов, отражавшая тогда настроения части мелкой буржуазии и интеллигенции, заявляла, что какое-либо дипломатическое вмешательство царской России в пользу чехов иллюзорно, что так называемая славянская политика русской империи (надо подчеркнуть, что реалисты всегда делали разницу между царским правительством и народом) является только тактическим средством в великодержавной политике русского царизма и обусловлена совсем иными факторами, а не каким-то славянским чувством²⁴.

Вместе с тем как раз в это время и в известной степени в связи с обострением чешско-немецких противоречий в монархии некоторые чешские политические деятели (например, Крамарж) хотят заинтересовать европейские правительства, в первую очередь Россию и Францию, в «чешском вопросе». Они афишируют свои симпатии к своей великой славянской соседке, подчеркивают славянские, русофильские настроения. Не входя в подробное рассмотрение этих вопросов, нам хотелось бы подчеркнуть следующее: для многих чешских буржуазных политических деятелей «панславизм» и «русофильство» (понимаемые в политическом смысле) являлись в основном тактическим приемом, которым они, в общем-то тогда сторонники сохранения монархии Габсбургов, хотели припугнуть австрийское правительство, заставить его прислушиваться к их требованиям.

Капнист не дает в общем-то характеристики партий и групп чешского национально-политического движения, возглавивших тогда антинемецкую коалицию. Он чаще всего называет чешских политических деятелей, членов рейхсрата, просто «чехами», не выделяя их по партийной принадлежности, несколько раз говорит о «крайних», не расшифровывая, кого он подразумевает под этим.

Капнист, правда, пишет в своих донесениях о младочехах, ведущей тогда партии чешской буржуазии²⁵,

²⁴ «Dějiny česko-ruských vztahů 1770—1917». Praha, 1967, str. 273.

В книге подробно рассматривается отношение различных слоев чешского общества к России.

²⁵ В записке, составленной Иславиным, вице-консулом в Вене, о закрытии сессии австрийского рейхсрата и пересланной Капнистом

с которыми ведет переговоры австрийское правительство.

В донесениях из Вены упоминаются также несколько чешских политических деятелей-младочехов, депутатов рейхсрата, членов австрийской делегации: Крамарж, Энгель, Странский, Кайзль — в 1898—1899 г. министр финансов австрийской половины монархии²⁶. Но это именно только упоминания, чувствуется, что русские дипломаты о них просто мало знают. Также почти не освещаются чешско-немецкие столкновения, ареной которых стали чешские земли монархии.

Очень показательно, что чешская пресса полностью отсутствует в просмотренной нами русской дипломатической переписке тех лет. В основном посол использует две газеты, о которых мы упоминали выше, — «Fremdenblatt» и «Neue Freie Presse».

По сути посол поверхностно судит о чешско-немецкой борьбе того времени, воспринимая ее в основном как борьбу в рамках рейхсрата, которая привлекает его внимание, так как парализует нормальную парламентскую жизнь в монархии.

Эта, мы бы сказали, однобокость донесений Капниста, конечно, в известной мере снижает интерес к его сообщениям. Вместе с тем она лишний раз убеждает нас в том, что по сути официальной царской России не было

Муравьеву 23 января (4 февраля) 1897 г., указывается на то, что в новом рейхсрате Бадени хочет заручиться поддержкой младочехов и галицийских поляков для борьбы с немецкими либералами. «...Графом Бадени обещан целый ряд уступок партии младочехов...» (АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 115, т. 2, л. 422 об.); ф. Канцелярия, 1899, д. 107, л. 57. Капнист — Муравьеву, 3(15) февраля 1899 г. В донесениях Капниста есть записка, составленная вторым секретарем посольства в Вене Нелидовым относительно соглашения, заключаемого между министерством Бадени и младочехами. Эта записка была переслана Капнистом Муравьеву 22 января (3 февраля) 1897 г. (Там же, 1897, д. 114, л. 45—48).

²⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1898, д. 109, л. 119—122. Свербеев — Муравьеву, 2(14) апреля 1898 г.; л. 277—278. Будберг — Муравьеву, 12(24) ноября 1898 г.; л. 288—293. Капнист — Муравьеву, 9(21) декабря 1898 г.; 1899, д. 107, л. 57—58. Капнист — Муравьеву, 3(15) февраля 1899 г.; л. 293. Капнист — Муравьеву, 24 ноября (3 декабря) 1899 г.; л. 324, 327—331. Капнист — Муравьеву, 24(6) декабря 1899 г.; 1899, д. 108, л. 161. Будберг — Муравьеву, 14(26) октября 1899 г.

никакого дела до национальных стремлений чешского народа.

Отношение царских дипломатов к австро-немецким политическим группировкам и к пангерманцам в Австрии. В своих донесениях, описывая столкновения в парламенте, Капнист чаще всего говорит о немецком меньшинстве в целом, называя его «немецкой партией».

Но при внимательном просмотре дипломатической переписки выступает деление на умеренных и крайних.

Под первыми посол подразумевает крупную буржуазию, бюрократию и частично интеллигенцию, объединенных в Прогрессивную партию²⁷, и крупных землевладельцев (так называемых «верных конституции крупных земельных собственников»)²⁸. Умеренные были более склонны, по словам дипломатов, к компромиссу с правительством, чем крайние.

В понятие крайних, очевидно, входили различные шовинистические группировки и партии, в частности популярные в Австрии среди мелкой буржуазии и ремесленников христианско-социальная партия Люэгера и немецкая Народная партия, объединявшая в значительной степени буржуазию чешских земель. На самом крайнем фланге крайних находились австрийские пангерманцы-шёнерианцы.

Тут мы сталкиваемся с интересным и не совсем понятным для нас вопросом в деятельности царской дипломатии в Австрии в те годы.

Почему русские дипломаты (тут в первую очередь речь идет о Капнисте) в общем-то относительно мало внимания уделяли наиболее резко выраженным шовинистическим группировкам, в частности австрийским пангерманцам?

²⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 115, т. 2, л. 422. Записка вице-консула Иславина «Закрытие сессии австрийского парламента», пересланная Капнистом Ламздорфу 23 января (4 февраля) 1897 г.

²⁸ «...Эта партия будет по вопросам национальным и политическим действовать заодно с «немцами», а по вопросам социальным и экономическим — с землевладельцами других партий» (АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 115, т. 2, л. 426). Записка вице-консула Иславина о собрании богемских землевладельцев, пересланная Капнистом Ламздорфу 20 февраля (4 марта) 1897 г.

1897—1899 годы были годами широкого распространения пангерманской пропаганды.

Австрийские пангерманцы открыто апеллировали к соседней Германии, они были настроены антигабсбургски и антиавстрийски. Шёнерианцы были сторонниками самой разнузданной антиславянской политики, которую они понимали не в узкоавстрийском плане, а гораздо шире. Ведь они в Австрии, следуя за своими единомышленниками в Германии, были уже тогда вдохновителями и глашатаями пресловутого «Дранг нах Остен».

Почему мимо этого явления прошел граф Капнист? Посол, информирующий свое правительство о тяжелом внутривосточном кризисе в монархии Габсбургов, вызванном резким обострением немецко-чешских противоречий, удивительно мало пишет об этих группировках, которые тогда (особенно группа Шёнерера) развили необузданную расистскую, антиславянскую агитацию. Орган Шёнерера «Unverfälschte deutsche Worte» буквально поливал помоями славян Австрии, главным образом чехов, а посол в одном из своих донесений называет эту бульварную газетенку «радикально-политическим листком»²⁹.

В многочисленных донесениях, посвященных немецко-чешской борьбе, имена Шёнерера и его последователей встречаются редко. Несколько чаще Капнист говорит о «крайних немецких националистах», «крайней немецкой партии», не всегда расшифровывая, имеет ли он в виду шёнерианцев или еще какие-либо другие шовинистические группы. Надо отметить, что Капнист неодобрительно относится к самому Шёнереру, подчеркивает антидинастическую и антиавстрийскую направленность его деятельности, явное тяготение к Германии. Вместе с тем для него Шёнерер человек «левых» взглядов, что также, естественно, должно отталкивать от него посла. «...Крайние националисты, состоящие из самых революционных и передовых людей (это отнюдь не комплимент в устах царского дипломата.— *Н. Р.*), открыто тяготеют к Германии и угрожают усложнить отношения между двумя главными членами Тройственного союза. Вожак этой фракции г. Шёнерер лично ненавистен императору

²⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1899, д. 107, л. 105—106. Капнист—Муравьеву, 17 (29) марта 1899 г.

Францу-Иосифу, который видит в нем и его приверженцах настоящих изменников»³⁰. Капнист правильно считает крайних инициаторами самых, как он часто говорит, «безобразных» обструкций в рейхсрате³¹, зачинщиками наряду с социалистами³², как он пишет, уличных «беспорядков», имевших место в ноябре 1897 г. и приведших к падению правительства Бадени³³.

Для социалистов Капнист естественно не жалеет черных красок, он ставит их в какой-то степени на одну доску с крайними — шёнерианцами³⁴. Это станет понятным, если вспомнить, что Шённерер свою пангерманскую, расистскую пропаганду «подкреплял» в большой степени социальной демагогией.

То обстоятельство, что обострение немецко-чешских противоречий толкало австро-немецких националистов к Германской империи, не вызывает удивления посла. «По мере вытеснения немецкого элемента из преобладающего положения, которым он пользовался в Австрии, тяготение его к Германии обнаруживается с большей определенностью», пишет летом 1897 г. Капнист в Петербург³⁵. Но что при этом большая часть австро-немецких

³⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 114, л. 369—370. Капнист — Муравьеву, 12 (24) ноября 1897 г.

³¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 114, л. 378. Капнист — Муравьеву, 26 ноября (8 декабря) 1897 г.; 1898, д. 109, л. 2. Капнист — Муравьеву, 7(19) января 1898 г.; л. 178. Капнист — Муравьеву, 27 мая (8 июня) 1898 г.

³² Следует заметить, что в просмотренных нами донесениях австрийским социал-демократам почти не уделяется внимания. Чем это объясняется, сказать трудно. Возможно, тем, что социал-демократы, впервые в 1897 г. вошедшие в рейхсрат, еще не составляли там значительной силы, а в донесениях Капниста, как, впрочем, и послов из других столиц, именно заседаниям в парламенте уделяется очень большое внимание. Коллеги Капниста в Берлине, Париже и Риме много пишут о социалистах. Капнист же упоминает о них лишь в связи с выборами в рейхсрат в марте 1897 г., когда впервые в Австрии была создана V курия всеобщего избирательного права, а затем главным образом в связи с событиями в Вене в ноябре 1897 г., о которых мы говорили выше.

³³ АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 114, л. 381—382. Капнист — Муравьеву, 26 ноября (8 декабря) 1897 г.

³⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 114, л. 370. Капнист — Муравьеву, 12 (24) ноября 1897 г.

³⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 114, л. 184—185. Капнист — Муравьеву, 11 (23) июня 1897 г.

господствующих классов, и это следует подчеркнуть, ища опору в Германии, ни о каком слиянии с ней и не думала, была настроена проавстрийски и продинастически (это и отличало ее от австрийских пангерманцев), также не ускользнуло от внимания Капниста, указывающего, что «умеренные сохраняют свою приверженность к австрийской государственной идее и династии, хотя и противятся всеми силами славянству»³⁶.

То, что организованное Шёнерером в последние годы XIX в. так называемое движение «Прочь от Рима», т. е. призыв к переходу австрийских немцев в протестантизм, не способствовало популярности Шёнерера в Габсбургской монархии, сразу понял Капнист, правильно оценивший политическую подоплеку протестантизма пангерманцев. «Так как Австро-Венгерская монархия — католическое государство, а Германская империя до некоторой степени государство протестантское, то г-н Шёнерер усматривает в протестантском движении возможность произвести под прикрытием религии германофильскую манифестацию, и этого он рассчитывает достигнуть посредством массового перехода немцев-католиков в протестантизм»³⁷.

Капнист всегда напоминает, что в борьбе с правительством шёнерианцы были наиболее ожесточенными противниками, не желавшими идти ни на какие «уступки».

Другой партии, резко выраженная шовинистическая направленность которой не вызывает сомнений, — немецкой Народной партии, — мало уделяется внимания в дипломатической переписке. При характеристике политических группировок она занимает место где-то между умеренными и крайними, хотя она гораздо ближе к последним. Иногда суммарно говорится о крайних, среди которых, вероятно, подразумевается и эта партия³⁸.

³⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 114, л. 369. Капнист — Муравьеву, 12 (24) ноября 1897 г.

³⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1899, д. 107, л. 104. Капнист — Муравьеву, 17 (29) марта 1899 г. Политическую подоплеку этого движения прекрасно понимал и германский посол в Вене граф Эйленбург. См.: «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914. Sammlung der diplomatischen Akten des auswärtigen Amtes», Bd. 13. 1897—1899. Berlin, 1924, S. 164—166.

³⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1898, д. 109, л. 93. Свербеев — Муравьеву, 18 (30) марта 1898 г.

Капнист в своих донесениях упоминает и об «антисемитах», как он часто называет христианско-социальную партию Люэгера, к самому Люэгеру относится также враждебно, называя его демагогом и т. п.³⁹

То, что австрийские пангерманцы плохо контактировали даже с близкими им по духу крайними фракциями, бросалось в глаза царским дипломатам. Указывая в одном из своих донесений, что протесты Шёнерера в рейхсрате, в связи с выборами председателя рейхсрата, не были поддержаны ни одной немецкой фракцией, Свербеев, замещавший Капниста, писал в Петербург: «Происшедшее, таким образом, отделение немецких партий от шёнерианской группы обещает на будущее время более спокойное и разумное отношение оппозиции к вопросам и проектам, которые будут представлены на обсуждение рейхсрата»⁴⁰.

Характерно, что когда в мае 1899 г. немецкая оппозиция выпустила совместно выработанную, как подчеркивается в донесении, программу (так называемую Троицкую программу) «того, чего, по их мнению, они вправе ожидать от правительства в злополучном вопросе о языках, под коим кроется борьба национальностей в Габсбургской монархии...», то в числе подписавших фигурировали все немецкие партии австрийского парламента⁴¹. Отсутствовали шёнерианцы. Следует заметить, что Будберг, замещавший тогда посла, почему-то не обратил внимания на это обстоятельство.

Капнист в своих донесениях часто останавливается на раздробленности немецкой оппозиции в Австрии, прежде всего ее крайних группировок⁴².

Раздробленность немцев Австрии беспокоит, по словам Капниста, и германского посла Эйленбурга⁴³.

³⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 114, л. 384—385. Капнист—Муравьеву, 26 ноября (8 декабря) 1897 г.; 1898, д. 109, л. 270. Будберг—Ламздорфу, 1 (13) октября 1898 г.

⁴⁰ Там же, 1898, д. 109, л. 94. Свербеев—Муравьеву, 18 (30) марта 1898 г.; л. 113. Свербеев—Муравьеву, 1 (13) апреля 1898 г.

⁴¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1899, д. 107, л. 150—151. Будберг—Муравьеву, 13 (25) мая 1899 г.

⁴² АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 114, л. 112—113. Капнист—Муравьеву, 19 (31) марта 1897 г.; л. 169. Капнист—Муравьеву, 28 мая (9 июня) 1897 г.

⁴³ Там же, л. 369. Капнист—Муравьеву, 12 (24) ноября 1897 г. Это нашло отражение и в дипломатических документах, опублико-

Вместе с тем оба посла сходятся на том, что в основном вопросе — в борьбе против ненавистных им указов о языках — австрийские немцы в общем-то были тогда едины. В «Записке секретаря посольства Нелидова» указывается, что Бадени довольно неожиданно очутился «перед резкой и непримиримой оппозицией всех немецких фракций палаты, соединивших свои усилия для ожесточенной борьбы против «распоряжения о наречиях» в Богемии и Моравии и поставивших притом свою деятельность под яркое знамя защиты германской культуры от посягательств «менее ценных национальностей» (*minderwertigen Nationalitäten*), как выразился, говоря о славянах, один из немецких депутатов»⁴⁴.

В дипломатических донесениях попыткам правительства перетянуть на свою сторону умеренных уделяется много внимания. Капнист пишет Муравьеву, что Бадени обратился за помощью к умеренно-либеральным партиям австрийского рейхсрата, в том числе и к представителям Прогрессивной партии. «Последние, однако, отклонили его предложение со ссылкой на так называемые «*Sprachenverordnungen*» для Богемии, составляющие, по их мнению, крупную несправедливость по отношению к немецкому элементу в Богемии»⁴⁵.

Иногда послу кажется, что правительству удастся договориться с умеренными, что парламентский кризис в Австрии закончится, но это только иллюзия.

Страсти настолько разгорелись, что «немецкая крайняя партия», пользуясь термином Капниста, не хотела тогда никакого компромиссного решения. Именно эти националистически настроенные группировки не дали бы своим умеренным договориться с правительством. Это нашло свое отражение в донесениях Капниста. «Из сведений, полученных мною из лучших источников, эта вина (неудача примирения.— *H. P.*) падает главным образом на немецких националистов, которые отказались от

ванных в издании «*Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914*».

⁴⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 114, л. 175. Записка секретаря посольства Нелидова, пересланная Капнистом Муравьеву 28 мая (9 июня) 1897 г.

⁴⁵ Там же, л. 134—135. Капнист — Муравьеву, 3 (15) апреля 1897 г.; см. также: л. 339. Будберг—Муравьеву, 23 октября (4 ноября) 1897 г. (на франц. яз.).

каких-бы то ни было уступок, между тем как все другие партии изъявили некоторую готовность принять большую часть примирительных предложений правительства»⁴⁶.

Капнист понимал, что на данном этапе борьбы решающий голос будут иметь не умеренные, а более шовинистически настроенные немецкие элементы из чешских земель. Но таким, он считает, не стал Шёнерер, оттолкнувший от себя руководство других шовинистических партий. Среди лидеров крайних Капнист чаще всего упоминает Функе, бургомистра Литомержиц, очень активно депутата рейхсрата⁴⁷.

Это объясняется тем, что Капнист, как мы говорили выше, очевидно, был плохо информирован о том, что происходило вне стен парламента, в местах наиболее ожесточенных немецко-чешских столкновений — главным образом в чешских землях и некоторых городах альпийских земель, где инициатива принадлежала Шёнереру и его сторонникам.

Бесстрастно-повествовательный тон изложения в дипломатической переписке не дает ясного представления о позиции царской дипломатии в отношении австрийских немцев. В донесениях не раз проскальзывает мысль, что, мол, немцы (т. е. австро-немецкие господствующие классы) по-своему правы, их можно понять, так как они защищают свое привилегированное положение, которому угрожает национальное движение славянских народов монархии. При этом нередко в донесениях преувеличиваются успехи и сила чешского национального движения.

«Между тем как все национальности в Австрии требуют и получают самоуправление, школы, национальную администрацию и язык — немцы, утрачивая свое приви-

⁴⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 114, л. 413. Капнист — Муравьеву, 3 (15) декабря 1897 г. «Вожаки крайней немецкой партии выступили с той же непримиримой злобой (в чешском сейме. — Н. Р.), как и в рейхсрате. Более умеренная часть немецкой партии не посмела от них отделиться, чтобы не остаться изолированной и борьба между двумя враждебными национальностями продолжается и ныне с тем же непримиримым ожесточением» (там же, 1898, д. 109, л. 2. Капнист — Муравьеву, 7 (19) января 1898 г.); д. 107, л. 68—69. Капнист — Муравьеву, 3 (15) марта 1899 г.

⁴⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 114, л. 422. Капнист — Муравьеву, 10 (22) декабря 1897 г.

легированное положение, остаются, так сказать, за штатом, не имея возможности где-нибудь объединиться и будучи принуждены везде подчиняться, начиная от рейхсрата до мелкой местной администрации»⁴⁸.

Указы о языках и царская дипломатия. Как же отнеслась официальная Россия и ее дипломатия к резкому обострению немецко-чешских противоречий, связанному с изданием в апреле 1897 г. министром-президентом Бадени указов о языках? Как оценивались в дипломатической переписке сами указы?

Указы о языках разделили депутатов рейхсрата на две резко враждебные части — правительственное большинство и немецкое меньшинство. Очень скоро борьба в рейхсрате приняла форму парламентской обструкции.

Вот именно эта сторона внутривнутриполитического кризиса, вот эти события парламентской жизни Австрии и нашли относительно полное раскрытие в донесениях царских дипломатов в Петербург. Именно они, а не борьба в самих чешских землях, обратили на себя внимание Капниста и его помощников.

Таким образом, в поле зрения царских дипломатов вошел как бы один из аспектов сложного комплекса немецко-чешских противоречий, принявших в конце 90-х годов столь резкие формы.

Как относился к этим событиям Капнист? Для него борьба вокруг указов была чисто австрийским делом, о котором он считал нужным подробно информировать своего министра. Мы уже говорили о сдержанной позиции царской дипломатии в отношении подобных сюжетов. В данном случае это очевидно. По донесениям из Вены никак нельзя упрекнуть посла в пристрастном отношении к чехам. Порой, наоборот, создается обратное впечатление. Так, сообщая об антинемецких выступлениях чешской прессы, Капнист называет их «выходками», что, без сомнения, носит презрительный оттенок. И это в то время, когда немецкая пресса, особенно пангерманская, просто помоями обливала чехов! Или сообщение о «германофобии» Крамаржа⁴⁹.

⁴⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1899, д. 107, л. 9—10. Капнист — Муравьеву, 3 (15) января 1899 г. (курсив мой. — Н. Р.).

⁴⁹ Так, говоря о шумевшей статье лидера младочехов Карела Кра-

Вместе с тем в суждениях посла много верных мыслей и наблюдений. Капнист верно понял, что сущность всего происходящего — это, как он выражается, «борьба австрийских немцев со славянами», в данном случае с чехами, что указы о языках в общем-то только повод.

Весной 1897 г. Капнист пишет Муравьеву в Петербург, что «...значение его (внутриполитического кризиса в Австрии.— *Н. Р.*) гораздо глубже. Дело идет о последнем, отчаянном отпоре со стороны некогда господствовавшего немецкого элемента против постепенного установившегося за последнюю четверть столетия нового порядка вещей, давшего простор развитию славянского элемента в Цислейтанской половине монархии. Такое изменение прежде существовавших отношений между немецкой и славянской национальностями — ныне уже совершившийся факт»⁵⁰. «Дело не идет уже о тех или других пунктах регламента о языках. Борьба расширилась и обобщилась. Она коснулась самого принципа, на котором зиждился прежний строй в Австрии, а именно преобладания немецкого элемента, принципа, который, впрочем, постепенно расшатывался покровительствуемым за последнюю четверть столетия развитием славянского элемента»⁵¹.

Капнист правильно уловил тенденцию развития многонациональной монархии, но донесения его, написанные под свежим впечатлением событий, полны преувеличений и поэтому не всегда правильно освещают события. Так, он говорит об «отчаянном» сопротивлении немецкого элемента, «борющегося в самом деле за свое существование...», он пишет, что «эти национальности (ненемец-

маржа «Будущее Австрии», о которой упоминалось в предыдущей главе, Капнист в донесении Муравьеву 3 (15) февраля 1899 г. замечает, что статья «в общем довольно слаба по своей односторонности и преувеличениям, происходящим от увлечения германофобией...» (АВПР, ф. Канцелярия, 1899, д. 107, л. 57). И это пишет русский посол в разгар ожесточенных чешско-немецких столкновений! Вспомним, с каким возмущением писали о ней германские дипломаты.

⁵⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 114, л. 167—168. Капнист—Муравьеву, 28 мая (9 июня) 1897 г.

⁵¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 114, л. 200. Капнист—Муравьеву, 9 (21) июля 1897 г.; д. 115, т. 1, л. 96—97. Капнист—Муравьеву, 29 октября (10 ноября) 1897 г. (на франц. яз.).

кие.—*Н. Р.*) требуют теперь под названием «равноправия» полного подчинения немецкого элемента, так как он составляет меньшинство»⁵². Последнее может вызвать только удивление. Кажется, что это написано не русским послом в Вене, а пангерманцем.

И посол уверен в конечной победе славян Австрии: «Как бы то ни было, славянству в Австрии предстоит при новой эволюции государственного строя занять первенствующее место, до сих пор принадлежавшее немецкому элементу»⁵³.

То, что посол называет «наступлением славянства», по сути отражает возросшую активность славянских, вернее чешских, фракций рейхората и сейма, а это в свою очередь было следствием усиления экономических и культурных позиций имущих классов чешской национальности в Габсбургской монархии.

Недаром посол несколько раз повторяет, что за последние 25 лет славяне сделали очень большие успехи в Австрии. Действительно, с конца 60-х годов начинается интенсивное развитие капитализма в монархии Габсбургов, особенно в экономически наиболее развитых ее районах — чешских землях. Растет и крепнет национальная чешская буржуазия, она собирает силы, и ее наступательное движение в отношении противника и конкурента — немецких капиталистов, сосредоточивших в своих руках ключевые отрасли народного хозяйства, — по мере ее роста все усиливается и усиливается.

Славянские элементы укрепляются, сообщает в своих донесениях посол, ссылаясь при этом не на действительный рост национального движения в стране, а на увели-

⁵² АВПР, ф. Канцелярия, 1899, д. 107, л. 10. Капнист — Муравьеву, 3 (15) января 1899 г.

⁵³ АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 114, л. 372. Капнист — Муравьеву, 12(24) ноября 1897 г. Капнист предсказывает время, «когда он (славянский элемент.— *Н. Р.*) вытеснит окончательно немецкий элемент, уже теперь уступающий ему постепенно свое место» (там же, л. 88. Капнист — Муравьеву, 12(24) февраля 1897 г.). Явно преувеличивая силу чешской оппозиции, пишет генеральный консул в Будапеште Львов: «...Никогда еще национальности негерманские в Австрии не были в большей силе, чем теперь; никогда еще не стояли они ближе к победе» (АВПР, ф. Посольство в Вене, 1897, д. 435, л. 35. Львов — Капнисту, 17(29) сентября 1897 г. с пометой «весьма секретное»).

чение численности и значимости славянских фракций рейхсрата, в первую очередь чешской⁵⁴.

Много пишется в донесениях о «борьбе славян и немцев монархии». В связи с этим хотелось бы обратить внимание на следующее.

Экономические интересы чешских и немецких господствующих классов в чешских землях в известной мере не только резко враждебны, но иной раз и общи.

Объединяют их прибыли, получаемые от эксплуатации чешского и немецкого трудового народа. В период господства картелей и монополий в известной мере сращиваются интересы немецких и чешских капиталистов⁵⁵. Политически и тех и других в определенной мере объединяет классовая солидарность в борьбе с растущим революционным движением пролетариата и крестьянства. Эта сторона, т. е. общность классовых интересов, проскальзывает и у Капниста, и это бесспорно представляет для нас интерес. В одном донесении Капниста, одном из немногих, посвященном чешско-немецким столкновениям на улицах Праги в декабре 1897 г., посол пишет о «диком буйстве народа, подстрекаемого анархистами». *«Провозглашение Standrechta (законов военного времени.— Н. Р.), последовавшее 20 ноября (2 декабря) вечером, было поэтому приветствовано всеми мирными гражданами, принадлежащими безразлично как к чешской, так и к немецкой национальности. Оно произвело отрезвляющее впечатление не только в Праге, но и в Вене среди парламентских партий»*⁵⁶ (курсив мой.— Н. Р.).

А в другом донесении, написанном уже после отмены министром-президентом Клари указов о языках, Кап-

⁵⁴ Донесение Капниста Муравьеву 19(31) марта 1897 г. о новом составе австрийского рейхсрата в связи с состоявшимися выборами (АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 114, л. 110; 1899, д. 107, л. 57).

⁵⁵ В этом отношении представляет интерес донесение Капниста от 3(15) февраля 1899 г. См.: АВПР, ф. Канцелярия, 1899, д. 107, л. 10.

⁵⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 114, л. 386. Капнист — Муравьеву, 26 ноября (8 декабря) 1897 г. «Одно время казалось, что под впечатлением событий в Праге парламентские партии придут к соглашению», — писал в том же донесении посол (там же, л. 387). В секретной телеграмме 21 ноября (3 декабря) 1897 г. Капнист указывает, что немецкое меньшинство парламента как будто бы начинает понимать, что борьба между национальностями будет только на руку социалистам (АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 115, т. 2, л. 374 на франц. яз.).

нист излагает выступление лидера старочехов Ригера, призывавшего к примирению с немцами, к окончанию бесплодной борьбы. «Отмена постановлений о языках послужила предлогом к довольно существенным беспорядкам, не обошедшимся без кровопролития и принявшим в Моравии, в местечке Холешау (Choleschau) близ Олмюца довольно острый характер... Это обстоятельство объясняет до некоторой степени точку зрения старика Ригера, вожака бывшей партии старочехов, выступившего на днях, после долгого молчания, на сцену с речью, в которой он увещевает сопраждан отказаться от неравной борьбы с немцами, проводя мысль, что национальности в Богемии до того породнились и до такой степени перемешались, что он не видит более основания к сепаратистским вождедениям прошлого и советует примирения с общими порядками монархии»⁵⁷. Можно напомнить, что Ригер в противовес младочехам уже давно, в 1890 г., ратовал за «примирение» с немецкой буржуазией чешских земель.

Как же оценивались сами пресловутые указы о языках русскими дипломатами?

В начале лета 1897 г. Капнист писал Муравьеву в связи с кризисом, вызванным указами о языках: «Между тем самая настоятельная необходимость требовала административной санкции для существующего уже на практике равенства в употреблении чешского языка рядом с немецким в Богемии. Устранение преобладания немецкого языка составляло именно цель Регламента о языках (Sprachenverordnung), пущенного в ход графом Бадени административным порядком, помимо законодательной санкции рейхсрата»⁵⁸.

Таким образом, в оценке Капнистом указов ощущается какая-то двойственность. С одной стороны, он считает их просто-напросто фиксацией уже установившихся на практике отношений. С другой стороны, он указывает, что эти распоряжения подрывали господствующее поло-

⁵⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1899, д. 108, л. 160—161. Капнист — Ламздорфу, 14(26) октября 1899 г.

⁵⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 114, д. 168—169. Капнист — Муравьеву, 28 мая (9 июня) 1897 г.; л. 198—199. Капнист — Муравьеву, 9(21) июня 1897 г.; 1898, д. 109, л. 3—4. Капнист — Муравьеву, 7(19) января 1898 г.; л. 75—78. Капнист — Муравьеву, 24 февраля (8 марта) 1898 г.

жение немцев в Чехии. А в одном из донесений посол со свойственной ему манерой несколько преувеличивать силу австрийских славян доходит даже до того, что говорит о «...неловко сделанной графом Бадени попыткой ввести *преобладание* национальных наречий над привилегированным до сих пор немецким языком (Sprachenverordnung)»⁵⁹.

На самом деле указы о языках были определенным этапом в наступлении на позиции немецкой бюрократии Чехии, начало которому положил Тааффе в 80-х годах.

Говоря в своих донесениях о победе славян в Австрии, Капнист, очевидно, думал о будущем, потому что тогда, в те бурные годы в конце века, австро-немецкие господствующие классы яростно сопротивлялись и не хотели уступать или делить с кем-нибудь свое привилегированное положение в монархии. Ведь сам Капнист в своих донесениях подчеркивает непримиримость немецкой оппозиции, особенно ее крайних группировок⁶⁰.

Борьба в австрийской половине монархии после отмены указов не прекращается, она переходит в новую фазу — в оппозиции теперь чешская фракция рейхсрата⁶¹. Следует отметить, что теперь сочувствие Капниста всецело на стороне чехов⁶².

Почему в немецко-чешском конфликте, связанном с указами о языках, победу в конечном итоге одержали австрийские немцы?

Почему так получилось, ведь сообщения посла звучали довольно оптимистично?

Оптимистично, когда речь шла об оценке чешско-немецкой борьбы и ее перспектив в самой Австрии с внутривластной точки зрения. Но дело решали, подчеркивают донесения царских дипломатов, в общем-то не эти силы, а два мощных, мы бы сказали, внешнеполи-

⁵⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1899, д. 107, л. 4. Капнист — Муравьеву, 3(15) января 1899 г. (курсив мой.— Н. Р.).

⁶⁰ «Предварительным и необходимым условием каких бы то ни было переговоров с правительством эти группы (входящие в состав немецкой оппозиции.— Н. Р.) поставляют безусловную отмену устава о языках «Sprachenverordnung» в Богемии» (АВПР, ф. Канцелярия, 1898, д. 109, л. 180. Капнист — Муравьеву, 8(20) июня 1898 г.

⁶¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1899, д. 107, л. 335. Капнист — Муравьеву, 24 ноября (6 декабря) 1899 г.

⁶² Там же, л. 353. Капнист — Муравьеву, 9(21) декабря 1899 г.

тических фактора — Венгрия и Германская империя, которые стояли за спиной австро-немецкого меньшинства.

Посол все время пишет, что отношения с Венгрией были решающим фактором политики австрийского правительства, что причиной издания графом Бадени указов о языках была необходимость заполучить на свою сторону чешских депутатов рейхсрата для подписания очередного экономического соглашения с Венгрией.

Для царских дипломатов (тут в первую очередь речь идет о Капнисте и Львове, генеральном консуле в Будапеште) совершенно очевидно, что венгерские господствующие классы, т. е. в основном венгерские помещики, настроены враждебно по отношению к славянам Австрии вообще и чехам в частности. В немецко-чешском конфликте они стоят всецело на стороне австрийских немцев.

Они, как видно из донесений, выражают недовольство тем, что австрийский рейхсрат фактически оказался недееспособным. В то же время они не упускают случая извлечь из этого пользу, запугивая своего австрийского партнера незаключением «соглашения», т. е. экономической самостоятельностью Венгрии⁶³.

В донесениях царских дипломатов из Австрии подчеркивается, что парламентский кризис в Цислейтании, приведший к затяжке подписания австро-венгерского экономического соглашения, стал именно в связи с этим перерастать в кризис всей дуалистической системы в целом. «Таким образом,— пишет Капнист Муравьеву,— кризис из внутреннего австрийского был перенесен на почву отношений между обеими половинами монархии, на которой он ныне проходит через острый период»⁶⁴.

Посол, конечно, упрощает сущность кризиса дуализма, сводя все к тому, подпишет или не подпишет австрийский парламент соглашение с Венгрией. Рассматривая все через призму событий в парламенте, он, естественно, преувеличивает значение последнего. Но его донесения показывают, как велика была роль Венгрии в политической жизни двуединой монархии.

⁶³ В донесениях Капниста и Львова этим вопросам уделено много внимания; в частности, русских дипломатов очень интересует экономическая сторона австро-венгерских отношений.

⁶⁴ АВВР, ф. Канцелярия, 1899, д. 107, л. 4. Капнист — Муравьеву, 3(15) января 1899 г.

Надо сказать, что Капнист с удовлетворением отмечает подписание, наконец, этого соглашения в Транслейтании законным путем — через парламент, в Цислейтании — в обход парламента, на основе декрета императора⁶⁵.

Читая дипломатические документы из Австро-Венгрии, видишь, что, несмотря на стремления как Капниста, так и Львова показать наличие в Венгрии групп, вернее отдельных политических деятелей, не враждебных австрийским славянам и вообще не отрицающих возможности, как они выражаются, «славянизации» Австрии⁶⁶ на деле (и Капнист и Львов это прекрасно понимают) такая «славянская» Австрия не отвечает интересам венгерских помещиков и поэтому они решительно против указов о языках, как и всяких других уступок славянским национальностям Австрии.

В дипломатической переписке мы не находим сведений об открытых демаршах венгерского правительства, но, просматривая донесения, видишь нескрываемое недоброжелательство большинства венгерских политических деятелей к событиям в Австрии.

«...Самую опасную сторону для Венгрии в печальных событиях Австрии,— писал Львов Капнисту,— видят здесь в возможности окончательного преобладания в ней славян и орган графа Аппоньи уже ставит непременно условием *Ausgleich*'а «гарантию» со стороны Австрии, чтобы славянские ее элементы не могли оказать поощряющего действия на стремления славян Венгрии»⁶⁷. Итак, венгерские господствующие классы за немецкую Авст-

⁶⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1899, д. 107, л. 221—222. Капнист — Муравьеву, 18(30) августа 1899 г.

⁶⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 114, л. 88. Капнист — Муравьеву, 12(24) февраля 1897 г.; л. 320. Капнист — Ламздорфу, 15(27) сентября 1897 г.; 1899, д. 107, л. 98—99. Капнист — Муравьеву, 17(29) марта 1899 г.

⁶⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 115, т. 2, л. 513. Львов — Капнисту, 23 ноября 1897 г. Пометка «весьма секретное». Интересно в этом отношении следующее место из донесения Львова Капнисту 17(29) сентября 1897 г.: «...Эти господствующие племена (австрийские немцы и венгры.— *Н. Р.*) надеялись под покровом показного либерализма обмануть и окончательно подчинить себе основные 8 национальностей» (АВПР, ф. Посольство в Вене, 1897, д. 435, л. 35. На донесении помета «весьма секретное»).

рию, поэтому они за теснейший союз с Германией — это тоже очевидно русским дипломатам.

«Венгерцы считают, — пишет в одном из своих донесений Львов, — что внешняя политика Австро-Венгрии, и следовательно, прочность союза ее с Германией, покоится на двух устоях: во-первых, на мадьярах, во-вторых, на немцах Транслейтании (тут, очевидно, описка Львова, следует читать Цислейтании. — *Н. Р.*) и что, следовательно, всякая попытка ослабить одного из этих сподвижников ослабит международное положение монархии»⁶⁸. В специальной записке с пометой «весьма секретно» Львов с беспокойством сообщает Капнисту об усилении влияния Германии в Венгрии. Он считает нужным указать на это послу и как-то противодействовать этому в интересах России. Он обращает внимание Капниста на желательность учреждения в Будапеште миссии, так как ходят слухи, что другие державы (очевидно, Германия. — *Н. Р.*) намерены это сделать.

«Предоставить почин в деле учреждения здесь миссии другим державам было бы, думается мне, равносильно лишению себя главнейшего орудия среди и без того малочисленных, которыми располагает Россия для восстановления и упрочения дружеских отношений с Венгрией»⁶⁹.

В дипломатической переписке много внимания, и это естественно, уделяется Германии и Тройственному союзу. Следует напомнить, что в те годы между Россией и Германией установились довольно сносные отношения и характерно, что в донесениях посла мы почти не находим высказываний об агрессивности этого блока⁷⁰.

⁶⁸ АВПР, ф. Посольство в Вене, 1897, д. 435, л. 34. Львов — Капнисту, 17(29) сентября 1897 г. с пометой «весьма секретное»; ф. Канцелярия, 1897, д. 114, л. 326. Львов — Капнисту, 12(24) сентября 1897 г.

⁶⁹ АВПР, ф. Посольство в Вене, 1897, д. 435, л. 38, 40—41. Записка Львова — Капнисту 30 сентября (12 октября) 1897 г.

⁷⁰ Лишь в одном донесении генерального консула Львова, в котором говорится о связи Румынии с Тройственным союзом, мы читаем: «Среднеевропейская лига имеет соседом верную ей Румынию и отныне на юг от Дуная ничего не может произойти помимо воли и интересов Тройственного союза...» Но, по мнению Львова, все это «едва ли убедит жажущих большей самостоятельности, подчиненных немецкому и мадьярскому элементу национальностей (Австро-Венгрии. — *Н. Р.*) в необходимости стремиться и подчи-

Капнист прекрасно понимает, что Австро-Венгрия была в общем-то зависима от своего германского партнера.

В то же время Капнист не перестает подчеркивать, что только «немецкая Австрия», т. е. Австрия, в которой австрийские немцы занимали бы господствующее положение, могла быть членом Тройственного союза: «славянская Австрия», как он считает, естественно, была бы в нем чужеродным телом.

В этом отношении представляет интерес следующая выдержка из донесения Капниста Муравьеву: «Венгрия и немецкая партия в Австрии выставляются двумя сильнейшими столпами союза с Германией и самым твердым оплотом Тройственной политики. Ослабление немецкого элемента в Австрии и усиление славянского — автономного — движения считаются потрясением основ этой политики. Таким образом, борьба министерства Бадени с немецкой партией представляется в связи с внешней политикой. Это еще усугубляет запутанность и сложность внутреннего положения в Австро-Венгерской монархии»⁷¹.

И Капнист делает правильный вывод: сохранение указов Бадени о языках означало бы победу чехов, т. е. славянского большинства в рейхсрате, и поражение, значит, ослабление австро-немецких господствующих классов, что, конечно, было не по душе германскому правительству и оно, хотя и держало себя вполне «корректно» по отношению к своему союзнику⁷², все же никогда не допустило бы, так полагает посол и в этом мы вполне согласны с ним, усиления славянских элементов в Авст-

нить свои стремления *высшей цели упрочения возведенной от Немецкого до Черного моря стены*» (Курсив мой.—Н. Р.).—АВПР, ф. Посольство в Вене, 1897, д. 435, л. 35—36. На донесении помета «весьма секретное».

⁷¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 114, л. 309—310. Капнист — Муравьеву, 3(15) сентября 1897 г.

⁷² АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 115, т. 1, л. 116, Капнист — Муравьеву, 4(16) декабря 1897 г. (на франц. яз.). Капнист информирует министра о своей беседе с министром иностранных дел Австро-Венгрии А. Голуховским, который, мол, отдал должное корректному поведению германского правительства в конце 1897 г., когда немецко-чешские столкновения в монархии приняли крайне резкие формы.

рии. Вся предшествующая история Австро-Венгрии убедительно подтверждает это.

«Все эти проявления процесса внутренней метаморфозы Габсбургской монархии (т. е. усиление славянских элементов.— *Н. Р.*) не остаются незамеченными в Германии и поддерживают тревожное настроение умов относительно Австрии... Но если бы оказалось, что попытки партийной борьбы перейти на почву внешней политики отразились бы в какой бы то ни было степени на австро-венгерском правительстве, то, конечно, последовало бы из Берлина предостережение более внушительного свойства, а тогда вопрос действительно перешел бы в область внешней политики»⁷³.

Царские дипломаты понимали, что германское правительство пристально следит за событиями в Австрии, будучи готовым в любое время вмешаться, «прийти на помощь» своим австрийским единомышленникам⁷⁴.

Общественное мнение в Германской империи, об этом тоже пишет в Петербург посол, было всецело на стороне австрийских немцев⁷⁵.

⁷³ АВПР, ф. Канцелярия, 1899, д. 107, л. 99—100. Капнист — Муравьеву, 17(29) марта 1899 г. О «косвенном воздействии берлинского кабинета» на отставку министерства графа Туна, к которому в Германии относились неприязненно, указывает Капнист Муравьеву 10(22) ноября 1899 г., замечая, однако, что это точка зрения прессы, с которой он не согласен (там же, л. 286); см. также: «Die Grosse Politik...», Bd. 13, S. 122—137, 142—150. Между тем германские дипломаты, собственно, и не скрывали, что они способствовали отставке Туна.

⁷⁴ Интересно, что в начале 1898 г. германское правительство учредило консульство в Праге. Свербеев связывает это с беспорядками в Праге в ноябре 1897 г., «при коих наряду с местным немецким населением пострадали также и германские подданные, которые, насколько мне (Свербееву.— *Н. Р.*) известно, обратились тогда за покровительством к германскому послу в Вене. При возрастающей с каждым днем розни чешской и немецкой национальностей в Богемии германское правительство будет, таким образом, иметь возможность следить через своего агента за ходом борьбы и подданные его будут иметь в его лице защиту своих интересов» (АВПР, ф. Канцелярия, 1898, ф. 109, л. 111—112. Свербеев — Муравьеву, 19(31) марта 1898 г.).

⁷⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1899, д. 107, л. 96. Капнист — Муравьеву, 17(29) марта 1899 г. 24 октября (5 ноября) 1897 г. заменяющий Капниста Будберг писал Муравьеву о сочувствии имперских немцев немцам Чехии, о возможности демонстраций солидарности в пограничных с Австрией районах (там же, 1897, д. 115, т. 1, л. 90

Капнист говорит об общественном мнении и прессе Германии в целом, не выделяя те или иные направления, хотя тон в антиавстрийской кампании тогда задавал Пангерманский союз.

Последнее не может не вызвать нашего удивления. Казалось бы, русский посол должен быть лучше информирован о деятельности этой организации, резко враждебной славянам. Только в одном донесении⁷⁶ Капнист упоминает о Пангерманском союзе в связи с состоявшимся в Германии собранием пангерманцев, на котором также присутствовали шёнерианцы (Вольф и др.) и которое своим острием было направлено против чехов и правительства Бадени. Сдержанный тон характерен и для этого донесения.

К сдержанности и осторожности толкают Капниста и беседы с германским послом в Вене Эйленбургом. Последний обращает внимание Капниста на то, что общественное мнение и печать как Германии, так и России весьма взволнованы событиями в Австрии. В Германии симпатии, естественно, на стороне австрийских немцев, в России — на стороне чехов. Эйленбурга, по словам Капниста, волнует, как бы это не испортило германо-русских отношений, являющихся основой всего европейского порядка⁷⁷.

Может быть, и эти предостережения заставляют русскую дипломатию не проявлять излишнего интереса в чешско-немецком конфликте, не вмешиваться во внутренние дела Габсбургской монархии, сохранять строгий нейтралитет.

«Невмешательство», по-видимому, также диктовалось не только внешнеполитическими планами царского правительства, и уж тем более не заботами о судьбах славянских народов, а соображениями другого порядка — охранением интересов царского режима.

на франц. яз. с пометой «секретно»). О «сочувственных манифестациях» упоминает Капнист в донесении Муравьеву 27 мая (8 июня) 1898 г. (там же, 1898, д. 109, л. 173).

⁷⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 114, л. 184—185. Капнист — Муравьеву, №(23) июня 1897 г. Также «индифферентно» держались Остен-Сакен, русский посол в Берлине, и французский посол в Берлине Ноайль.

⁷⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1899, д. 107, л. 28. Капнист—Муравьеву, 20 января (1 февраля) 1899 г. с пометой «секретно» (на франц. яз.).

В ряде донесений посла проскальзывает следующее: славяне в Австрии в общем-то ведут успешную борьбу, завоевывая одну позицию за другой и отдельные неудачи не могут остановить общий ход развития.

«Можно сказать с уверенностью, что ни под каким другим режимом в национально более сплоченном государстве немисливо было бы столь значительное развитие национальностей и автономий, как в нынешней Австрии», — пишет Капнист Муравьеву в начале 1899 г.⁷⁸ Это высказывание очень характерно для царского дипломата. Возможно, не говоря этого прямо, он думал о многонациональной Российской империи, для нерусского населения которой автономия и самоуправление, которыми уже пользовались австрийские славяне, могли стать примером, что внушало опасение царским чиновникам.

Может быть, сравнивая все это, он считал положение чешской национальности (не говоря уже о поляках Галиции) вполне сносным, не дающим повода для какого-либо, пусть даже только морального, вмешательства.

Перспективы развития Австро-Венгрии и царская дипломатия. Как оценивали царские дипломаты, наблюдая внутривосточный кризис Австрии, перспективы развития двуединой монархии?

Мы уже писали, что тогда не только открытые противники Габсбургской монархии, например пангерманцы, кричали о возможном распаде Австро-Венгрии. Этот вопрос муссировался и в кругах, благожелательно относящихся к Австро-Венгрии. Среди великих держав распад, мы знаем, вызывал беспокойство, так как изменил бы соотношение сил и карту Центральной и Юго-Восточной Европы. Естественно, что судьба двуединой монархии была в центре внимания и царской дипломатии.

Мы уже говорили, что внутривосточный кризис Австро-Венгрии волновал посла только в этом плане,

⁷⁸ АВВР, ф. Канцелярия, 1899, д. 107, л. 10. Капнист — Муравьеву, 3(15) января 1899 г. Ту же мысль посол проводит и в конце 1897 г. (там же, 1897, д. 115, т. 1, л. 121. Капнист — Муравьеву, 10 (22) декабря 1897 г. с пометой «секретно», на франц. яз.). См. также: J. Kořalka. Diplomacie... — «Československý časopis, historický, 1967, N 1, str. 131 (Из донесения Эйленбурга в Берлин 10 февраля 1899 г.)

перспективы развития двуединой монархии рассматривались им только с этой точки зрения. Какова была позиция царских дипломатов в отношении возможного распада Австро-Венгрии? В интересах ли России был распад этого многонационального государства? Мы уже писали в предыдущей главе, что эти сюжеты обсуждались царскими дипломатами и в Петербурге, и в Берлине, и в Париже. Надо сказать, что этой проблеме, безусловно во многих отношениях очень интересной, в дипломатической переписке того времени уделяется не много внимания.

В большом донесении, в котором Капнист как бы суммирует итоги двухлетнего кризиса Австро-Венгерской монархии, возможность распада и его последствий становится преамбулой ко всему последующему изложению.

«Раздаются голоса, предсказывающие близкое разложение монархии Габсбургов. Ставится вопрос, какие были бы последствия этого крушения? Печать, в особенности часть русской печати, не без некоторого злорадства запеваёт уже похоронный марш Австро-Венгрии, как бы такое событие было желательно с *т о ч к и* зрения национальных и государственных интересов России»⁷⁹.

Из всего донесения видно, что сам посол считает распад Австро-Венгрии явлением нежелательным. Это полностью соответствовало политике царского правительства в то время. Нежелательным считали тогда распад и министр в Петербурге⁸⁰ и коллеги Капниста в других европейских столицах⁸¹. Капнист, может быть, более других касается этих сюжетов, особенно, когда речь идет о перспективах развития Габсбургской монархии. Но это вполне естественно для дипломата, находящегося в Вене.

Капнист пишет: «В таком случае возник бы вопрос, не нарушились бы некоторые существенные европейские, а может быть и русские, интересы падением Габсбургской монархии и какие были бы его ближайшие последствия?... Разложение ее (Австро-Венгрии.— *Н. Р.*) подня-

⁷⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1899, д. 107, л. 3. Капнист — Муравьеву, 3(15) января 1899 г.

⁸⁰ АВПР, ф. Политархив, 1897—1900, д. 3194, л. 46 [Муравьев] — Остен-Сакену [проект письма от 14 декабря 1899 г.]; л. 159. Муравьев — Урусову, 4 мая 1900 г.

⁸¹ Там же, л. 167—174. Урусов — [Муравьеву], 9(22) мая 1900 г.; то же, ф. Канцелярия, 1900, д. 74, л. 305—313.

ло бы ряд трудноразрешимых вопросов, что и служит главной причиной продолжения ее существования, скорее вследствие европейской необходимости, нежели в силу внутренней устойчивости»⁸². Одним из таких вопросов Капнист считает, мы об этом говорили в другой связи, проблему Польши.

Надо отметить, что в своих донесениях Капнист осторожно высказывает свои мысли о распаде, подчеркивая, что «...едва ли такое событие могло бы обойтись без острого европейского кризиса и потрясения, которое неминуемо отразилось бы на общем политическом положении в Европе»⁸³.

В связи с обсуждением возможности распада, естественно, вставала проблема «дележа наследства». В предыдущей главе мы останавливались на этом, касаясь Германии и Франции.

Здесь же, говоря о России, следует обратить внимание на следующее. Хотя в дипломатической переписке тех лет относительно мало говорится на сей счет, все же отчетливо видно, что царское правительство не прельщало возможность присоединения славянских земель Австрии⁸⁴.

Сохранение статус-кво, по мнению царского правительства, наиболее отвечало интересам царской России на данном этапе⁸⁵.

Но не желая распада этого многонационального государства, посол, конечно, не может пройти мимо вопроса о перспективах развития монархии Габсбургов. Ведь

⁸² АВПР, ф. Канцелярия, 1899, д. 107, л. 27—28. Капнист — Муравьеву, 3(15) января 1899 г.

⁸³ АВПР, ф. Канцелярия, 1898, д. 109, л. 450. Капнист — Муравьеву, 30 июня (12 июля) 1898 г.

⁸⁴ АВПР, ф. Политархив, 1897—1900, д. 1394, л. 174. Урусов — [Муравьеву], 9(22) мая 1900 г.; л. 162—163. [Муравьев] — Остен-Сакену, 4 мая 1900 г.

⁸⁵ Представляет интерес выдержка из донесения Львова Капнисту 27 мая (8 июня) 1897 г., написанного в начале внутривосточного кризиса в Австрии, когда только было заключено русско-австрийское соглашение. Указывая на тяжелое положение, в котором очутился престарелый император, Львов пишет: «К счастью для него, оказалось, что в настоящее время, как и без малого пятьдесят лет тому назад, сохранение спокойствия status quo в его монархии совпало с интересами России» (АВПР, ф. Посольство в Вене, 1897, д. 435, л. 18; ф. Канцелярия, 1897, д. 115, т. 2, л. 476. Донесение Львова — Будбергу (12(24) мая 1897 г. с пометой «секретное»).

внутриполитические события последних лет со всей очевидностью продемонстрировали слабость и непрочность этого государственного организма, что, естественно, толкало на мысль о возможности изменений.

Мы уже писали, что в немецко-славянском конфликте в Австрии Капнист предсказывал в конечном итоге победу славянских элементов.

Отсюда он делал следующий вывод: победа славян должна привести к победе федерализма над централизмом. Эта мысль проходит красной нитью через многие донесения посла.

«Метаморфозы древней монархии Габсбургов уже многочисленны в истории. Не говоря о более отдаленных эпохах, Австрия Марии Терезии совершенно видоизменилась после наполеоновской эры; меттерниховская Австрия, вытесненная из Германии и Италии после Садовского погрома, преобразовалась в теперешнюю двойственную монархию, которой в свою очередь суждено уступить место федерализму. И этот процесс новой метаморфозы, по всей вероятности, совершится постепенно и медленно, так что пророчествам о внезапном крушении, насколько можно предвидеть будущность, не суждено оправдаться. Гораздо правдоподобнее постепенное распадение путем федерализма»⁸⁶.

Капнист считает, что все произойдет постепенно, «...разрушительную «революцию», в собственном смысле, внутри страны едва ли можно предвидеть, так как борьба идет не против правительства, а между партиями и национальностями, а правительство является скорее желанным посредником и защитником интересов каждого, чем противником»⁸⁷. Высказывание очень характерное для дипломата царской России.

⁸⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1899, д. 107, л. 14. Капнист — Муравьеву, 3(15) января 1899 г. В донесении, помеченном 12(24) февраля 1898 г., Капнист пишет Муравьеву о «внутреннем процессе развития федерализма» в Австрии (там же, 1898, д. 109, л. 35). В донесении Муравьеву 23 декабря 1898 (4 января 1899 г.) посол замечает, что события последних двух лет явятся значительным шагом «на пути постепенного перехода австрийской половины монархии к федерализму с преимущественно славянским оттенком» (там же, л. 302).

⁸⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1899, д. 107, л. 13—14. Капнист — Муравьеву, 3(15) января 1899 г.

Посол не уточняет свое понимание федерации; первым этапом в этом направлении для него, очевидно, является увеличение автономии отдельных земель, входящих в состав австрийской половины монархии, уменьшение компетенции центрального парламента — рейхсрата, т. е. требование славянских фракций, составлявших тогда правительственное большинство в рейхсрате⁸⁸.

Внутриполитический кризис в Австрии в конце XIX в характеризуется в основном как кризис парламентаризма. Чешско-немецкая борьба парализовала помимо всего прочего работу парламента — рейхсрата.

Капнист, зорко следящий за всеми перипетиями именно этой борьбы, приходит к выводу: парламентские неурядицы в общем-то очень повредили самой идее парламентаризма в Австрии, дискредитировали ее, показав перед всем миром недееспособность австрийского рейхсрата.

Здесь следует обратить внимание на следующее: парламентаризм посол понимал в узком смысле слова — только как деятельность парламента, а не как систему народного представительства в целом.

Он противопоставляет парламентаризму автономию и федерацию, т. е. парламентаризм для него равнозначен централизму.

Причина настоящего внутриполитического кризиса, расшатавшего государственный механизм двуединой монархии, кроется, по его мнению, в том, что парламентаризм, т. е. централизм, оказался непригодным для многонациональной империи Габсбургов⁸⁹.

Капнист, безусловно, упрощает смысл чешско-немецких противоречий в чешских землях, считая, что если бы компетенция местных сеймов была расширена, то преисловутые указы о языках не стали бы предметом обсуждения в рейхсрате и, таким образом, основной вопрос — вопрос заключения экономического соглашения с Венгрией — мог бы быть решен. «События последних двух

⁸⁸ Капнист в своих донесениях останавливается довольно подробно на этом вопросе. См.: АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 114, л. 177. Приложение к донесению Капниста Муравьеву 28 мая (9 июня) 1897 г.; л. 371—372. Капнист — Муравьеву, 12(24) ноября 1897 г.; 1899, д. 107, л. 12. Капнист — Муравьеву, 3(15) января 1899 г.

⁸⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 114, л. 396—397. Капнист — Муравьеву, 26 ноября (8 декабря) 1897 г.

годов доказали воочию, до какой степени парламентаризм в теперешней его форме плохо приспособлен к потребностям Австрии. Постоянная борьба национальностей внутри рейхсрата может, как и теперь случилось по поводу местного вопроса об употреблении языков в Богемии, затормозить весь государственный механизм; между тем, как в случае предоставления таких частных вопросов ландтагам, их круг деятельности был бы расширен и при выборах депутатов в парламент ландтагами были бы избегнуты такого рода приостановки в самых необходимых общегосударственных отправлениях»⁹⁰.

Настоятельной необходимостью, по мнению Капниста, является реформа парламента, но она будет означать существенный шаг к федерализму⁹¹.

Кризис парламентаризма, по мнению посла, привел к усилению императорской власти. Единственно, что еще помогает функционированию государственного организма в австрийской половине монархии, то это очень большая власть императора, который может управлять страной без парламента, на основании § 14 конституции 1867 г. И как подобает представителю царского самодержавия, Капнист пишет, что в таком случае «монарх явился бы естественным охранителем государственного строя и верховным блюстителем единства монархии, стоящим на высоте, недостижимой для партийных озлоблений и принужденным чрезвычайными обстоятельствами взять временно дело в свои руки на основании конституции»⁹².

Говоря о перспективах развития двуединой монархии, Капнист считает нужным поставить перед Петербур-

⁹⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1899, д. 107, л. 12. Капнист — Муравьеву, 3(15) января 1899 г.; 1897, д. 114, л. 395. Капнист — Муравьеву, 26 ноября (8 декабря), 1897 г.; ф. Отчеты МИДа, 1900, д. 128, л. 8.

⁹¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 107, л. 13. Капнист — Муравьеву, 3(15) января 1899 г. Интересно замечание Капниста о том, что проведение подобной парламентской реформы не под силу престарелому императору, «необходим был бы сильный и даровитый государственный человек, какого тщетно пришлось бы искать между наличными в Австрии деятелями».

⁹² АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 114, л. 376—377. Капнист — Муравьеву, 26 ноября (8 декабря) 1897 г.; д. 115, т. 1, л. 96. Капнист — Муравьеву, 29 октября (10 ноября) 1897 г. (на франц. яз.); д. 115, т. 2, л. 368, секретная телеграмма Капниста 19 ноября (1 декабря) 1897 г. (на франц. яз.).

гом вопрос о том, в интересах ли России федерализация государственного строя Австрии?

Казалось, что федерализация, т. е. усиление немецких, главным образом славянских, элементов, бесспорно в интересах России так же, как в интересах Германии сохранение немецкого характера австрийской половины монархии.

Почему же русский посол в Австро-Венгрии ставит этот вопрос?

В донесении, помеченном 12(24) ноября 1897 г., написанном Капнистом под свежим впечатлением бурных событий в рейхсрате и на улицах Вены, приведших к падению министерства Бадени, указывая на «несостоятельность парламентаризма», что, по мнению посла, должно привести «в более или менее скором времени» к преобразованию Австрии в федеративное государство, Капнист замечает:

«Тогда, может быть, придется наблюдателю поставить вопрос: что более соответствовало интересам России — теперешняя ли Австрия с господствующим немецким элементом и с притесненным до некоторой степени славянством, тяготеющим к нам, или же Австрия славянская, о которой, правда, мечтали некоторые из наших славянофилов, но представляющая то неудобство, что в ней может возникнуть центр притяжения для южных славян и славян-католиков?»⁹³

Очевидно, сам посол считает, что в интересах России в настоящее время сохранение Австро-Венгрии в ее прежнем виде.

Таковы были взгляды царских дипломатов на перспективы развития Габсбургской монархии. Они показывают, что в той конкретно-исторической обстановке дип-

⁹³ АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 114, л. 372. В этом смысле представляет интерес помета Вильгельма II на донесении Эйленбурга от 10 февраля 1899 г., в котором Эйленбург передает свой разговор с Капнистом. Капнист считает, что австрийские славяне будут удовлетворены федеративной конституцией. «Тогда создается римско-католическая славянская держава,— замечает на полях донесения Вильгельм II, — к которой, без сомнения, будут тяготеть и наши и русские поляки. А это должно быть России очень неприятно и небезразлично! И где тогда будет мир! Смотри Балканы!» (J. Kořalka. Diplomacie...— «Československý časopis historický», 1967, N 1, str. 131).

ломатия царской России не ратует за усиление славянских элементов в Австрии. Объясняется это тем, что царская Россия тогда не хотела каких-либо изменений в Дунайской монархии, которые в свою очередь могли бы оказать влияние на балканские страны, на расстановку сил в этом районе Европы, а также вызвать осложнения и в без того нелегких отношениях России с другими великими державами.

Вместе с тем, относясь тогда в общем-то прохладно к планам федералистического переустройства Австрии, которые выработывались имущими классами славянских национальностей империи, они, Капнист и другие, думая об интересах царской России, не отказывали федерализму в будущем. Временная, с их точки зрения, победа немецких элементов над славянскими в австрийской половине монархии в общем-то не вызывает у них опасений, так как она, по их мнению, не может привести в конечном итоге к германизации Австрии; посол считает, что в будущем в многонациональной монархии победу одержат славяне.

Анализ оценок и прогнозов царских дипломатов в Австрии еще раз показывает, насколько необходим историзм при освещении тех или иных событий.

Заключение

Не случайно то, что пангерманизм появился в Австрии, как не случайно и его оформление в условиях развитого капитализма, который перерастал в свою высшую стадию — империализм. Не случайно родиной этого ярко выраженного немецкого шовинизма стало многонациональное государство Габсбургов, в котором переплелись и обострились все противоречия капиталистического общества, в том числе и национальные.⁴ Австрийский пангерманизм как организованное идейно-политическое течение оформляется на том этапе исторического развития, когда национальные движения угнетенных национальностей достигают существенной высоты, отражая довольно высокую степень социально-экономического и культурного развития этих народов.

Хотя родиной этого реакционного течения, во многих чертах предвосхитившего германский фашизм, явилась Австро-Венгрия последних десятилетий прошлого века и его появление было обусловлено специфическим развитием многонационального австрийского государства, тем не менее оно имело не только локальное значение. Австрийские пангерманцы были аванпостом Пангерманского союза, выражавшего взгляды наиболее крайних группировок германского империализма, их планы подчинения либо прямого завоевания Центральной и Юго-Восточной Европы.

Вопрос о перспективах государственно-политического развития многонациональной монархии не сходил с повестки дня с 1848 г. и обострялся каждый раз, когда монархия переживала внутри- или внешнеполитические осложнения, а это всегда становилось угрозой для господствующего положения австро-немецких помещиков и

буржуазии. В конце века австро-немецкие господствующие классы уже не могли не считаться с имущими классами других национальностей монархии, в первую очередь с чешской буржуазией, возглавлявшей на том этапе национальное движение.

В этих условиях оформляется программа австрийских пангерманцев-шёнерианцев, основным и определяющим требованием которой является насильственная германизация австрийской половины монархии с последующим включением ее в состав Германской империи, т. е. аншлюс.

Сила как главный фактор исторического развития становится основой пангерманской доктрины шёнерианцев. Австрийские пангерманцы открыто провозглашали, что германизация и аншлюс могут быть осуществлены в тех конкретно-исторических условиях единственно при помощи силы. В конце века успехи в социально-экономическом и культурном развитии славянских народов монархии (на примере чешского народного образования и просвещения это видно особенно отчетливо) сделали беспредметными всякие разговоры о возможностях «мирной», «естественной» германизации славянского населения Австро-Венгрии, и это было хорошо усвоено австрийскими пангерманцами. Поэтому-то они решительно отвергли мирный путь, осуществление австро-немецких господствующих классов с имущими классами славянских национальностей, т. е. всякие попытки федералистического, а вернее, псевдофедералистического преобразования монархии, целью которых должно было стать укрепление Габсбургской монархии и консолидация господствующих классов. Австрийские пангерманцы не стесняясь говорили о том, что если австрийские немцы в силу ряда причин не смогут германизировать собственными силами славянские земли Австрии (в первую очередь чешские и словенские), то они вправе ждать помощи от Германской империи. И этот прием был также хорошо усвоен последователями шёнерианцев. Через много лет нацисты будут не раз обращаться к этому внешнеполитическому фактору пангерманской пропаганды.

Австрийские пангерманцы-шёнерианцы, в силу ряда причин не игравшие тогда значительной роли в политической жизни страны, в идеологическом отношении оставили глубокий след. Ибо по мере роста политического,

социально-экономического и культурного потенциала славянского населения Габсбургской монархии австро-немецкие господствующие классы становятся все более восприимчивыми к ряду положений пангерманской пропаганды, естественно корректируя ее в соответствии с духом времени и своими интересами.

Идеологически и политически пангерманская пропаганда, еще в конце века провозглашая аншлюс, ставила вопрос о распаде монархии, но она подготовляла не столько 1918 год, сколько прокладывала пути, приведшие к 1938 году.

Важным аргументом в пропаганде австрийских пангерманцев являлся тезис о якобы оборонительном характере пангерманизма, который был-де ответом на «наступление славян». Тезис этот никогда не соответствовал исторической действительности. Однако если учесть то содержание, которое австрийские пангерманцы вкладывали в понятие «наступление славян», то их вопли о «славянской опасности» не были лишь отвлекающим моментом. Эту опасность они видели в том (анализ их деятельности это полностью подтверждает), что в последние десятилетия XIX века в Габсбургской монархии славянские народы стали представлять в политическом, социальном, экономическом и культурном отношении определенную силу, с которой приходилось волей-неволей считаться австро-немецким господствующим классам и что тенденция развития многонациональной монархии шла именно в этом направлении. Поэтому если в 1848 году подобные высказывания носили в известной степени умозрительный характер, то в конце века, когда австрийские пангерманцы-шёнерианцы оформились в определенное идейно-политическое течение, их крики о «наступлении славян» отражали действительный страх перед возрастающей силой национально-освободительного движения славянских народов. Приостановить их «наступление» могла в условиях тогдашней Австро-Венгрии только насильственная германизация славянского населения. Отсюда та ярко выраженная антиславянская (главным образом античешская) направленность пангерманской пропаганды, о которой шла речь в настоящих очерках.

Все это делает интересным для нас, советских историков, изучение этого поучительного в истории славяно-германских отношений идейно-политического направле-

ния, отзвуки которого мы находим не только в германском фашизме, но и в неонацизме современной Федеративной Республики Германии.

Но наряду с этим, мы бы сказали, внутривластительским аспектом пангерманской пропаганды существовал и другой — внешнеполитический, исследование которого было также задачей автора.

Австрийские пангерманцы, для которых расизм был определяющим моментом идеологии, а агрессия — определяющим моментом политики, ставили своей конечной целью распад Австрийской монархии и присоединение значительной ее части к Германской империи. Естественно, что их пропаганда должна была обратить на себя внимание как общественного мнения, так и официальных кругов других европейских государств. Австрийские пангерманцы привлекли к себе внимание правительств и их дипломатов главным образом тем, что в том остром внутривластительском кризисе в монархии в конце века они, в общем-то очень немногочисленная группировка австро-немецких господствующих классов, выступили как самые непримиримые противники правительства и династии, как глашатаи распада и аншлюса. И это в то время, когда большая часть австрийских немцев и думать не хотела о распаде монархии, считая необходимым ее существование не в качестве простого придатка Германской империи, а как сильной центрально-европейской державы.

Позиция правительств Германии, России, Франции и Англии в отношении Австро-Венгрии в конце XIX в. определялась и диктовалась прежде всего их внешнеполитическими интересами. По разным причинам, но по существу единодушно правительства великих европейских держав отнеслись к изменению политической карты этого района Европы как к крайне нежелательной перспективе. Для них удержание статус-кво в Европе было тогда настоятельной необходимостью, которой были подчинены все остальные интересы. Вместе с тем дипломатическая переписка показывает, что вопросы распада двуединой монархии и главным образом компенсации других держав в случае присоединения к Германии части Австрии были предметом обсуждения на высшем уровне.

К непосредственным событиям в Австрии, т. е. к немецко-чешскому конфликту и роли в нем пангерманцев,

правительства европейских держав относились по-разному.

Если Франция и Россия, внимательно следя за развертыванием событий, держались крайне осторожно, демонстрируя свое нежелание вмешиваться во внутриавстрийские дела, и их позиция в отношении национального движения славянских народов монархии, в частности чешского, была сдержанной, Англия же вообще проявляла к внутриавстрийским событиям очень незначительный интерес, то правительство Германской империи все время подчеркивало свою заинтересованность в австрийских делах и, хотя официально говорило о невмешательстве, вмешивалось все время и очень активно. Главную роль при этом играл аргумент, который через много лет использовали и главари Третьего рейха — о якобы необходимости «защиты» интересов немецкого населения Австрии от «славянской угрозы». Дипломатическая переписка очень убедительно показывает разницу между осторожной политикой франко-русского блока и настойчивой бесцеремонностью германских дипломатов, все время напоминающих своей союзнице, что членом Тройственного союза может быть только «немецкая» Австрия.

Дипломатия Германской империи, стараясь отмежеваться от австрийских пангерманцев, на деле их использовала для нажима на австрийское правительство.

Таков был международный резонанс событий в Австрии, изучение которого интересно и поучительно и в наше время.

Указатель имен

- Абуш А. 18
Адлер В. 81
Аксаков И. 52
Андраши Д. 54
Аппоньи А. 201
Ауэрсберг А. 36, 37, 51, 62, 76
Бадени К. 8, 9, 86, 87, 90—95, 97, 99—103, 108, 109, 111, 139, 143, 144, 147, 153, 158, 160, 162, 178, 180, 181, 186, 189, 192, 198—200, 203, 205, 212
Бальцер О. 105, 106
Батовский Г. 178
Бауэр О. 23, 91, 93
Бахман Г. 27, 69
Белькреди Э. 69
Бенедикт Г. 41, 52, 53, 56, 60, 67
Бериндеи Д. 128
Берка Г. 25, 29, 53, 68
Бернрейтер И. 91
Библь В. 75
Биндер Г. 34
Бирке Э. 121, 136, 137, 160, 161
Бисмарк О. 17, 28, 29, 40, 46, 54—57, 130, 135, 151, 167
Бонхард О. 12
Боровский К. Г. 20
Бородайкевич Т. 53
Брошат М. 148, 178
Брук К. 16
Брюгель И. В. 95
Будберг Ф. А. 186, 191, 192, 204, 208
Бурлие Ж. 160
Бюлов Б. 126, 131, 141, 145, 148, 151—154, 156—158, 165
Валиани Л. 133
Валуа 160—162, 168
Вальдерзее А. 137, 141, 152, 158, 159
Вальтерскирхен Ф. 85
Вейль Ж. 11, 12, 136
Вейтлоф М. 81
Венграф Р. 50
Вернер Л. 12
Вертхеймер М. С. III, 12
Вигель-Панчулидзе П. А. 179
Вильгельм II. 145, 147, 150, 152, 153, 155, 162, 170, 212
Виноградов К. Б. 132, 139, 140
Вольф К. Г. 108, 109, 205
Вольфграмм Э. 33
Вурмбрандт Г. 77
Габсбурги 37, 61, 135, 136, 171, 173
Гайян К. 65, 68
Галантан И. 124, 132, 135, 143
Галкин А. А. 34
Галос А. 148
Ганото Г. 160, 161—163
Ганч Г. 7, 13, 26, 31, 38, 40, 43, 47, 49, 52—54, 60—64, 67—69, 75, 92, 100, 122, 123
Гартман Э. 151
Гауч П. 94—96, 99, 112
Гегель Г. В. Фр. 15
Генцен Ф. Г. 148
Гербст Э. 61, 65, 66, 83
Гервиг (Э. Пихль) 27—30, 32, 34, 36—46, 51, 52, 55—58, 61, 64, 65, 69, 71—73, 78, 80, 81, 84
Гжибовский К. 178
Гискра К. 61, 65, 66
Гитлер А. 33, 34, 41
Гогенварт К. 36, 54, 65, 143, 181
Гогенлоэ Х. 141, 147, 149, 150, 153—158, 184
Гогенцоллерны 29, 57, 58, 158

Голуховский А. 138, 158, 178,
203
Гольштейн Х. 141
Горская П. 140, 141, 159—162,
167—169
Гох К. 34, 132
Гросс Г. 56
Гюнтер Р. 105

Деборин А. М. 15
Делькассе Т. 160, 164—168
Деренталь Э. 153
Диосеги И. 124, 128, 129, 143
Дроз Ж. 104, 131, 137, 146
Дунаевский Ю. 48

Ерусалимский А. С. 12, 99, 108,
110, 130, 139, 148, 153, 154, 158

Жадовский В. В. 132

Замасса П. 31, 65, 108, 111, 113,
116, 117
Заурма А. 148
Звездич П. 62
Зеге П. 34
Зуттер Б. 8, 26, 67, 93, 94—96,
98, 100, 102, 122

Иро К. 109, 113
Иславин Л. В. 185, 187
Исламов Т. М. 89

Кайзль И. 92, 142, 186
Камбон П. 163, 164
Кантакузин Г. Л. 153
Капнист П. А. 133, 153, 156,
168, 172—174, 176—213

Кизельштейн С. 106
Кильмансегг Э. К. 92, 142
Клари К. 98, 197
Клейн Ф. 130, 132, 139
Колейка И. 22, 135, 136
Кольмер Г. 88, 95, 96
Кон Г. 137

Коржалка И. 12, 23, 91, 97,
101, 104, 105, 107, 115, 118,
119, 140, 144, 146, 148—150,
153, 155—159, 206, 212

Королюк В. Д. 7
Кочи И. 21
Крамарж К. 137, 146, 147, 185,
186, 194
Краузе Г. 12, 106

Кребс Г. 72
Кржижек Ю. 89, 101, 121, 122,
128, 133, 135, 136, 138, 146,
163, 182
Крикль Ю. 29, 30, 32, 51, 58,
68, 74, 76
Крук А. 8, 11, 12, 32, 56, 106—
109, 111
Кучинский Ю. 12, 32, 107, 108,
110,
Кэн Р. 8

Лагард П. А. 19
Ламздорф В. Н. 187, 191, 198,
201

Лангбейн Ю. 19
Леер А. 108
Леже Л. 136
Ленин В. И. 5, 14, 18, 24, 52, 88,
126

Леруа-Болье А. 136

Лефевр А. 136

Лист Ф. 16

Лихновский К. М. 110, 141,
144—146, 149, 153—159

Лихтенштейн Алоис 47

Лихтенштейн Альфред 47

Лозе 161

Лозинский С. Г. 26, 60—62, 88,
100, 101

Лохнер Р. 34

Львов В. 172, 184, 196, 200—202,
208

Люегер К. 33, 34, 59, 103, 187,
191

Маркс К. 14, 16, 17, 127

Маршан Э. 160

Масарик Т. Г. 101, 138

Месарош Ю. 89

Мегниц Г. А. 13, 25, 29, 30, 39,
69, 78, 81, 100

Мильбенк Р. 170, 171

Молиш П. 13, 27, 28—32, 36—41,
44, 51, 53, 55, 57—59, 65, 68,
69, 71, 72, 74, 78, 84, 92, 97,
99, 100, 103, 157

Моммзен Г. 100, 102

Моммзен Т. 105, 106, 163

Мулен 163, 164, 166

Муравьев М. Н. 109, 126, 145,
148, 149, 152, 153, 165, 166,
174, 176, 178, 179—184, 186,
188—211

Мусулин Ф. 131, 134, 141, 142
Мюнстерн Г. 146

Навенн Ф. 161
Наполеон III 136
Науман Ф. 19, 152
Нелидов Д. А. 186, 192
Николай II 165
Ницше Фр. 19
Ноайль Э. Г. 162, 163, 205
Новотный Я. 21

Ольшовский Р. 106, 132
Остен-Сакен Н. Д. 109, 126,
144, 145, 148, 150—152, 165,
205, 207, 208
Оцетя А. 128

Паевский Я. 19
Палацкий Ф. 20—22, 162, 170,
183, 184
Паллер Г. 28, 39
Палоташ Э. 127
Пернерсторфер Э. 81, 85
Пленнер И. 71
Пленнер Э. 71
Полишенский И. 22
Потоцкий А. 178
Прибрам А. Ф. 125
Пристер Е. 94, 103
Пустошкин К. П. 179

Ранке Л. 16
Ратнер Н. Д. 22, 53, 85, 136,
143
Реверсо Ф. 160, 161, 166—168
Редлих И. 91, 104
Ригер Ф. Л. 83, 136, 198
Риттер А. 115
Розенберг А. 34
Ротшильд А. 41
Ротштейн Ф. А. 12, 33, 143, 149
Румбольд Г. Д. М. 170, 171

Свербеев С. Н. 182, 186, 190,
191, 204
Сказкин С. Д. 130
Соловьев Ю. 173
Солсбери Р. А. 163, 170, 171
Сосносский Т. 124, 130, 131
Странский А. 186

Тааффе Э. 37, 47, 62—67, 71,
74, 76, 77, 86, 94, 97, 181, 199

Теодор Г. 19
Тоболка З. 22, 23, 52, 57, 61,
62, 67, 83, 92, 96, 98—101
Токоди Д. 102, 115, 123, 130
Тун Ф. 139, 142, 143, 148, 155,
158, 204
Туполев Б. М. 130, 132
Турок В. М. 7
Тюрк К. 76, 109, 116

Унгер И. 65
Урусов Л. П. 152, 165, 166, 207,
208

Фан-дер-Флит В. Я. 109
Фейтер Т. 134
Фельнер Ф. 124, 130, 133, 143
Фихте И. Г. 15
Фишгоф А. 82—85
Фишер Ф. 18
Флуранс Л. Э. 161
Фогельзанг К. 47, 69, 70
Франц К. 16
Франц-Иосиф 60, 62, 122, 145,
150, 153, 154, 158, 161, 164,
165, 170, 171, 189
Францль Э. 114
Фрейсине Ш. Л. 164, 166
Фридьонг Г. 71, 79—81, 84, 146
Фукс А. 6, 12, 27, 28, 30, 31, 34,
36, 39, 40, 46, 50, 54, 57, 78
Фундер Ф. 25, 47, 93—95, 156
Функе А. 193
Фюрнкранц Г. 49, 72, 84

Ханак П. 89
Хармац Р. 124
Хассе Э. 55, 110, 111, 113, 114
Хвостов В. М. 129, 141
Хофер 116

Цейтгаммер А. 136
Цёлльнер Э. 8, 13, 26, 29, 38,
46, 47, 52, 54, 55, 57, 60—64,
67—69, 76, 96, 98

Чиришский Г. 151, 152
Чичерин Г. В. 106

Шваб Г. 17
Шерадам А. 11, 12, 100, 101, 104,
136, 137, 178

Шёнерер Г. 6, 11, 13, 27, 30—
36, 38—59, 61, 63—66, 69—85,
100, 104, 109, 120, 153, 158,
167, 188, 190, 191, 193

Шильферт Г. 15

Шлейер Г. 17

Шмейкаль Ф. 65

Шнее Г. 35, 38, 39, 41, 43, 44,
58, 65, 68, 72, 73, 81

Шолле З. 67, 99, 101

Шопенгауэр А. 19

Шрейнер А. 132

Штейн Ф. 34

Штейнвендер О. 81

Штробль Ф. 40

Штремайер К. 67, 94

Штрогаль Э. 30, 31, 32, 51, 68,
74, 76

Эйленбург Ф. 141, 145—147, 149,
150, 153—158, 162, 184, 190,
191, 205, 206, 212

Энгель Э. 186

Энгельс Ф. 14, 16, 17, 127

Эренталь А. 138

Этьен М. 83

Якубчик В. 148

О г л а в л е н и е

Введение	5
Глава 1. Становление и развитие австрийского пангерманизма в 70-х — начале 80-х годов XIX в.	24
Первые националистические организации в Австрии и их программы (24). Обстановка в Австрии к началу общественно-политической деятельности Шёнераера (32). Социальная демагогия Шёнераера (38). Национально-политические взгляды Шёнераера (до конца 70-х годов XIX в.). (51). Внешнеполитические и внутривполитические условия роста пангерманизма в Австрии (1876—1878 гг.) (59). Усиление австрийского пангерманизма в конце 70-х—начале 80-х годов. Попытки образования самостоятельной партии и выработки программы (70).	
Глава 2. Указы о языках в Австрии в 1897—1899 гг. и отношение пангерманцев к борьбе вокруг этих указов . .	87
Внутривполитическая обстановка в Австрии ко времени издания указов Бадени (87). Указы Бадени—Гауча о языках (94). Пангерманцы и указы Бадени—Гауча (102).	
Глава 3. Дипломатия Германии, Франции, Англии и внутривполитический кризис в Австрии в конце века	121
Международное положение Австро-Венгрии в конце XIX в. (121). Германия и внутривполитический кризис Габсбургской монархии (142). Отношения к событиям в Австрии правительств Франции и Англии (159).	
Глава 4. Отношение царских дипломатов в Габсбургской монархии к внутривполитическому кризису в Австрии . .	172
Царская дипломатия и славянское население Австрии (поляки и чехи) (174). Отношение царских дипломатов к австро-немецким политическим группировкам и к пангерманцам в Австрии (187). Указы о языках и царская дипломатия (194). Перспективы развития Австро-Венгрии и царская дипломатия (206).	
Заключение	214
Указатель имен	219

Надежда Давыдовна Ратнер
**Очерки по истории пангерманизма
в Австрии в конце XIX в.**

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики
Академии наук СССР*

Редактор *А. Г. Крапенкова*
Художник *Г. Е. Левченко.*
Технический редактор *Ф. М. Хенох*

Сдано в набор 10/1 1970 г. Подписано к печати 8/V 1970 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 11,76. Уч.-изд. л. 12,3
Тираж 1100. Т-06794. Тип. зак. 4011. Бумага № 2

Цена 93 коп.

Издательство «Наука».
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
30	2 св.	30-х	70-х
59	2 сн.	Пангерманцы	Немецкие националисты
152	1 св.	германское	почему германское

Ратнер Н. Д.

